

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство образования Ставропольского края
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
"СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ"

Н. А. Леонова

АКСИОЛОГИЯ ДЕТСТВА В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ СТАВРОПОЛЬЯ
1920-1930-х годов

МОНОГРАФИЯ

СТАВРОПОЛЬ

СТАВРОПОЛЬ
издательство
2018

УДК 94 (470.630:130.1:37.013.83)

ББК 63.3(2)

Л 47

Рецензенты:

*Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор
(ФГАОУ ВО "Северо-Кавказский федеральный университет")*

*Стрекалова Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент
(ФГАОУ ВО "Северо-Кавказский федеральный университет")*

Леонова, Н.А.

Л 47 **Аксиология детства в контексте исторических реалий Ставрополя 1920-1930-х годов** : монография [Текст] / Н.А. Леонова. – Ставрополь : Ставролит, 2018. – 148 с.

ISBN 978-5-903998-20-3

УДК 94 (470.630:130.1:37.013.83)

ББК 63.3(2)

В монографии на краеведческом материале Северного Кавказа и Ставрополя раскрывается малоизученная проблема аксиологической составляющей феномена детства, в том числе изменение представлений о ценности детства в условиях переходного периода 1920-1930-х гг. История детства представлена с позиций метапредметности и методологических исследовательских подходов современного социогуманитарного знания.

Издание предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей, а также для всех, интересующихся отечественной историей, изучающих локальную историю, историю семьи, историю детства, историческую антропологию.

© Леонова Н.А., 2018

© Ставропольский государственный педагогический институт, 2018

© Издательство "Ставролит", 2018

© Оформление: Издательство "Возрождение", 2018

ISBN 978-5-903998-20-3

Содержание

Введение	5
Глава 1. Феномен детства в исторических исследованиях	
1.1. Трактовка детства в исторических науках.....	12
1.2. История детства в контексте отечественной историографии.....	15
1.3. История детства на Ставрополье как объект исторического исследования.....	31
Глава 2. Трансформация представлений о ценности детства в контексте государственной политики 1920-х гг.	
2.1. Дошкольное воспитание и общеобразовательная школа для детей-инвалидов в 1917–1920-е гг. (по материалам постановлений, декретов и резолюций).....	52
2.2. Образовательная политика советского государства в отношении детского населения: дети и подростки и среднее профессиональное образование на Ставрополье в 1920-е гг.	58
2.3. Первая Московская конференция по борьбе с детской беспризорностью (16–17 марта 1924 г.).....	67

Глава 3. Аксиологическая трансформация детства в бытовой повседневности 1920-1930-х гг.

- 3.1. "Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать...", или Дети Ставрополя в условиях голода начала 1920-х гг.-----74
- 3.2. Детская праздничность и повседневность как форма освоения ценностей пространственно-временного контекста 1920-1930-х гг.-----89
- 3.3. "Дети своего времени" или Отражение общественно-политических реалий 1920-1930-х гг. в стихах ставропольских детей (по материалам периодической печати)-----99

Заключение-----107

Условные обозначения-----112

Источники и литература-----113

Приложения-----133

Для того чтобы мыслить о детстве, нужно вырасти из него, почувствовать бремя иного возраста.

М. Эпштейн, Е. Юкина

Взрослый не может вернуться в оставленную страну своего Детства, мир детских переживаний часто кажется ему таинственным и закрытым. В то же время каждый взрослый несет свое детство и не может даже при желании освободиться от него. В свою очередь, ребенок не может ни физически, ни психологически существовать без взрослого; его мысли, чувства и переживания производны от жизненного мира взрослых. Парадокс, выраженный формулой "мальчик – отец мужчины", повторяется в науках об обществе: общество не может понять себя, не познав закономерностей своего детства, и оно не может понять мир детства, не зная истории и особенностей взрослой культуры.

И. Кон

Введение

Аксиологическое осмысление детства как исторического и социокультурного феномена обусловлено его универсальностью и метапредметностью исследования. Исторический контекст, несомненно, усложняет процесс изучения детства, но, с другой стороны, дает возможность проанализировать и выявить основные тенденции и закономерности формирования и трансформации ценностной парадигмы феномена детства.

Философский, культурологический, психологический анализ детства имеет глубокие традиции. Однако с позиций методологии современной истории и исторической антропологии аксиологическая составляющая детства является малоисследованной.

Следует признать, что изучение истории детства в контексте ценностного подхода делает объект исследования размытым, расширяет поле исследования с позиций метапредметности, вызывая не всегда положительное и однозначное отношение со стороны исследователей.

Однако несомненным и бесспорным, на наш взгляд, является факт, что комплексное исследование детства, как его исторической, так и современной составляющей, возможно только с учетом педагогических, психологических, философских, культурологических и других научных контентов. Время политической, социальной, экономической истории завершилось. Пришло время истории.

Аксиологическая составляющая институтов детства, материнства, семьи, изменения роли и места ребенка в обществе не просто исторически обусловлена. Историко-культурный контекст, изменения в социально-политических и экономических сферах на протяжении всей истории человечества были базисом для изменения ценностной парадигмы детства как исторического и социокультурного феномена.

Изучение трансформации ценности детства, изменения отношения к ребенку со стороны различных социальных институтов и в целом общества и государства научно обосновано в контексте переходных или кризисных этапов истории. Отечественная история начала двадцатого века с ее войнами, революциями, социально-экономическими и политическими катаклизмами 1920-1930-х годов привела к формированию так называемых "постреволюционного синдрома" и "постреволюционной релаксации", коренным образом изменивших ценностную парадигму, в том числе и в отношении к семье и детям.

"Старые, гнилые устои семьи и брака рушатся и идут к полному уничтожению с каждым днем. Но нет никаких руководящих начал для создания новых, красивых, здоровых отношений. Идет невообразимая вакханалия. Свободная любовь лучшими людьми понимается как свободный разврат..."¹. Так комментировал положение семьи в начале 1920-х гг. в России один из современников и очевидцев событий тех лет С.Н. Равич в журнале "Коммунистка".

¹ Панин С.Е. Борьба с проституцией в России в 1920-е гг. // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 6.

Среди множества социокультурных противоречий 1920-1930-х гг. выделялось одно, наиболее характерное для постреволюционного и послевоенного периода, – изменение отношения к семье как неотъемлемой части социума и детям как общечеловеческой ценности. Этому способствовали расшатывание традиционных семейных устоев в результате резкой смены идеологии и затянувшейся войны, размягчение нравов под влиянием лозунгов о свободной любви, а также отсутствие возможностей у государства разработать в короткий срок и практически осуществить семейную политику. Не менее значительную роль в изменении отношения к семье и детям в начале 1920-х годов сыграли экономический кризис, голод и неуверенность многих людей в завтрашнем дне. В условиях отсутствия гарантий нормального существования, постоянной угрозы голода и социальных катаклизмов создание семьи и тем более рождение ребенка для многих было нежелательным или непозволительной роскошью.

Изменение отношения к институту семьи и брака в 1920-е годы не могло не отразиться на ином ценностном отношении к детям, которые не входили в планы многих взрослых людей, разделяющих идеи о свободной любви. Дети как важная составляющая семьи и общества в целом не соответствовали потребностям революционно настроенных женщин. Женская эмансипация, усилившаяся в ходе войн и революции, изменившая роль и место представительниц слабого пола во всех сферах общественной жизни, в начале 1920-х годов приняла крайние формы – многие женщины предпочитали партийную и общественную работу семье и детям или выбирали свободную любовь. Так, А.М. Коллонтай была убеждена в том, что партийцы, как и весь пролетариат, имеют право на любовь, в минимальной степени отягощенную узами брака².

Следует, однако, отметить, что "женский вопрос" интересовал советское государство лишь в связи с проблемами детства и семьи, поскольку женщина, выполняющая основную воспитательную функцию в старой традиционной семье, в новых условиях должна была воспитывать новых детей, а поэтому она сама становилась объектом воспитания со стороны государства.

В военные и революционные годы были разрушены сотни тысяч семей, что привело к росту числа беспризорников и сирот, которые

² Булдаков В.П. Постреволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. С. 199.

выросли в условиях "военной заброшенности" ³. Зачастую это были социальные сироты, выброшенные из семей родителями, морально не выдержавшими социальных потрясений. Так, на апрель 1922 г. только в одном Медвеженском уезде Ставропольской губернии насчитывалось до двадцати тысяч беспризорных, в том числе и брошенных родителями детей ⁴. Этим детям не научили быть мамами и папами, жить в семье и ценить традиционные семейные ценности. Недостаток внимания и заботы, равнодушие со стороны взрослых, отсутствие семейных ценностей и традиций вырабатывали в этих детях достаточно жесткое отношение к людям, жизни, обществу, которое они, став взрослыми представителями "поколения двадцатых", перенесли на своих детей.

Разрушению представлений о традиционной семье в начале 1920-х гг. способствовала также политика советской власти, направленная на создание социальной опоры в лице подрастающего поколения, которое для этого необходимо было оторвать от прежних "буржуазных" ценностей, в том числе и от старой семьи. Представления, вынесенные ребенком из своей семьи, должны были соответствовать требованиям, предъявляемым в условиях масштабных преобразований и формирования "нового социального вида HomoSoveticus" ⁵.

Каждая отдельная семья теперь виделась составной частью советского государства, что предполагало социалистическое воспитание ребенка. Семья, по мнению большевиков, не могла справиться с этой задачей, поэтому институты детства (учреждения общественного воспитания, образования и другие) должны были взять на себя "уход" из семьи ребенка и его социализацию в новом обществе.

Формировалась новая ценностная парадигма советского типа: государство становилось "большой семьей", политические лидеры – "отцами", мужчины и женщины – "сыновьями и дочерьями", дети – "внуками Октября", и все – "братьями и сестрами" ⁶. В такой большой семье не могло быть частной жизни. Сам институт семьи в условиях "советского общежития" перестал быть закрытой системой. А если все вокруг

³ Василевский Л.М. Голгофа ребенка. Беспризорность и дети улицы. Л., М., 1924. С. 6.

⁴ ГАУ ГАСК // Власть Советов. 1922. № 617. 30 апреля. С. 3.

⁵ Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.

⁶ Сальникова А.А. Детство как миф: некоторые аспекты изучения российско-советского детства в зарубежной историографии // CLIO MODERNA. Зарубежная история и историография : сборник научных статей. Выпуск 3. Казань, 2002.

"братья и сестры", то интимные отношения между ними – инцест?! Может быть поэтому в нашей стране так долго "не было" секса и произошла искусственная подмена семейных ценностей, основанных на любви и половых отношениях, на дружбу? Это вполне закономерный результат государственной политики и идеологии, направленной на более легкое и быстрое усвоение ребенком официально принятых норм, на его "подсаживание" на советскую систему семейных ценностей.

Изменив ценностное отношение к семье и детям как материалу, средству и механизму формирования нового поколения советских людей государство начинает активно вмешиваться и регулировать семейную жизнь граждан. Созданная в 1922 г. при отделе правовой защиты детей Наркомпроса социальная инспекция в рамках борьбы с детской беспризорностью посещала неблагополучные семьи, где имели место нарушения интересов ребенка. Деятельность комиссии была направлена на изъятие таких детей из семьи и помещение их в государственные учреждения. Отсутствие у государства средств вызвало в свет такое явление, как патронажные семьи и передачу детей на снабжение местного населения. Но отсутствие продуктов и самых необходимых промышленных товаров не вызвала одобрения этой практики со стороны населения, и она не принесла желаемого результата.

Увеличение к середине 1920-х гг. среди беспризорников числа детей, имеющих семьи, пусть даже неполные, рассматривалось государством не как порождение кризиса семьи и семейных устоев, а как результат недостатков коммунистического воспитания. По выборочным данным, за 1924 г. из полторы тысячи беспризорных детей двадцать шесть процентов имели одного родителя ⁷. Уже во второй половине 1920-х гг. проявилась ошибочность политики государства, направленная на отрыв ребенка от семьи и воспитание его в рамках государственных учреждений. Этому, в первую очередь, способствовало отсутствие необходимых средств у государства. Кроме того, сработал и так называемый "человеческий фактор", в силу которого ребенок по своей природе нуждался в семье, и никакое государственное учреждение не способно было заменить ее.

Все эти обстоятельства коренным образом меняют ценностную парадигму государственной политики, временно переориентируя ее в

⁷ Нечаева А.М. Охрана детей-сирот в России (История и современность). М., 1994. С. 19.

сторону возвращения детей в семью, пусть даже не отвечающую требованиям социального воспитания. Была предпринята попытка материальной поддержки нуждающихся семей, что отразилось в соответствующих законодательных актах. Так, Декретом ЦИК и СНК РСФСР от 1 марта 1926 г. "Об изменении Кодекса Законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве" было разрешено усыновление. Семейный кодекс 1927 г. усовершенствовал систему опеки над несовершеннолетними детьми. В 1928 г. вышло Постановление СНК РСФСР от 14 апреля 1928 г. "О мероприятиях по оказанию помощи детям беднейших семейств", по которому на помощь могли рассчитывать все дети до шестнадцати лет, в первую очередь, находящиеся на иждивении и попечении одинокой матери, испытывающие острую материальную нужду вследствие безработицы, болезни, инвалидности или временного отсутствия (по случаю лишения свободы, нахождения в больнице и т.д.) родителей или заменяющих их лиц, из многодетных (более двух несовершеннолетних детей) семей.

Т.о., аксиологическая составляющая представляет собой неотъемлемую и объективно необходимую компоненту истории детства как направления исторической антропологии. Ценностное изменение к ребенку как части общества, самодостаточной личности, средству реализации государственной политики или чьих-либо интересов является непосредственным отражением изменений, происходящих в обществе.

Именно этим было вызвано изменение отношения к ценности детей и семьи в 1920-1930-е гг. – от полного отрицания до признания необходимости существования, но в рамках советского государства. Однако, если в первой половине 1920-х гг. общественное мнение и государственная политика основывались на преобладании радикальных позиций в отношении семьи как временном явлении, вызванном трудностями переходного периода, на смену которому придет социальное (общественное) воспитание, то уже к концу десятилетия семье как форме организации и социализации ребенка стало отводиться более значительное, но подчиненное место как части государственного механизма, направленного на воспитание нового поколения советских граждан.

Трансформация представлений о роли и месте детей в контексте государственной политики, а также особенности детской бытовой повседневности наиболее ярко иллюстрируют "переоценку детства" в

1920-1930-е гг. Законодательство, регулирующее положение детей, изменения в системе образования, новые игры, песни, новое "организованное детство", – все это является отражением и следствием иной ценностной парадигмы советского детства.

"...А дети – они как дети –
Живут себе, подрастают,
Играют и ходят в школу...
...Дети...
Солдатики на паркете..."⁸.

⁸ Старшинов Н. Река любви. М., 1976. С. 41.

Глава 1

ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. ТРАКТОВКА ДЕТСТВА В ИСТОРИЧЕСКИХ НАУКАХ

В истории детства, как и вышеперечисленных направлениях социогуманитарных наук, нет однозначного подхода к определению исследуемого феномена, что вполне объяснимо. Историки изучают детство с позиций межпредметности, универсальности явления, условности его возрастной периодизации и специфики содержательной наполняемости.

В российской науке достаточно трудно говорить о самостоятельности, а тем более изолированности направления истории детства, поскольку все исследования проходят на стыке педагогики, этнографии, социологии и т.д. Это вполне объяснимо, поскольку явление такого свойства возможно изучать только с позиций комплексности и межпредметности. Детство невозможно исследовать вне социумного контекста, без учета специфики образовательного пространства и совокупности множества других факторов, в большей или меньшей степени влияющих на ребенка и институт детства в целом.

Следует отметить отсутствие в исторических исследованиях существенных расхождений в понимании термина "детство", характерного для других наук. Объясняется это, в первую очередь, тем, что, если в педагогике, психологии и других социогуманитарных науках исследование детства имеет глубокие традиции, то в истории мы можем гово-

рить только об их начальном этапе. Как отметила О. Кошелева, пока еще рано говорить о существовании истории детства в России: "По крайней мере, вы не найдете такого рубрикатора в библиотечных каталогах России"⁹.

Кроме того этот факт объясняется смещением акцента в сторону межпредметного изучения детства и отсутствием необходимости в изобретении специфически исторического определения.

В соответствии с общепринятой периодизацией большая часть историков определяют детство как период от рождения до 15 лет, включая подростковый возраст, состоящий из нескольких стадий: новорожденные и грудные дети (0–1 г.), раннее детство (1–3 года), первое детство (4–7 лет), второе детство (8–12 лет), подростки (13–15 лет)¹⁰.

Основоположник истории детства Ф. Арьес определил детство как не данную на все времена реальность, а социокультурный конструкт, который в разных культурах и эпохах наполняется различным содержанием, различной ценностью и материальным "сопровождением"¹¹. Т.о., у Арьеса детство – не просто естественная универсальная фаза человеческого развития, а понятие, имеющее сложное, неодинаковое в разные эпохи социальное и культурное содержание.

Детство через призму детского восприятия и повседневные практики (воспоминания, письма, автобиографии, сочинения, вещи, игрушки и др.) представлено в работах В. Безрогова, О. Кошелевой, К. Келли, А. Сальниковой и др.¹²

Характерной тенденцией для работ историков является рассмотрение категории детства через его различные проявления. Среди них

⁹ Кошелева О.Е. История детства: Филипп Арьес и Россия // Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века): сб. статей. М., 2012. С. 9.

¹⁰ Ромашова М.В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: по материалам Молотовской области : авт. дис. ... к.ист.н. Пермь, 2006. С. 3.

¹¹ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.

¹² Кошелева О.Е. История детства: Филипп Арьес и Россия // Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века): сб. статей. М., 2012; Келли К. Об изучении истории детства в России XIX-XX вв. // Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. статей и материалов. М.; Тверь, 2008; Сальникова А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М., 2011; Сальникова А.А. Российское детство в XX в.: история, теория и практика исследования. Казань, 2007; Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации: сб. науч. статей и сообщений / сост. и отв. редактор А. А. Сальникова. Казань, 2011 и др.

можно выделить детское движение – действия различных объединений, организаций, направленных на изменение самих себя, своего отношения к государству и обществу, своего статуса в нём; конкретно-историческое состояние институциональной организованности детей и подростков, характеризующееся наличием и динамикой различного типа добровольных сообществ, объединений, организаций и формирований¹³.

В ряде работ детство рассматривается через призму повседневности – самого типичного, привычного, незамечаемого, ритуализованного, устойчивого стиля жизни, подлежащего, в отличие от близкого по смыслу "быта", субъективному переживанию и рефлексии;¹⁴ через понятие детской беспризорности – отсутствия у детей и подростков постоянного места жительства, определенных занятий, семейного или государственного попечения и систематического воспитательного воздействия в результате утраты родителей, ухода из семьи, бегства из воспитательного учреждения и т. п. причин¹⁵; призрания детей – одной из наиболее распространенных форм благотворительности в России; охрану материнства и детства – систему государственных и общественных мероприятий по охране здоровья женщин и детей, включающую диспансеризацию женщин, патронаж беременных женщин и детей до одного года, динамичное наблюдение за состоянием здоровья ребенка, организацию социальной помощи матерям и детям¹⁶.

Отдельно следует отметить С.Б. Борисова, предпринявшего попытку систематизации понятийного аппарата в рамках "Энциклопедического словаря русского детства", но опять же, с позиций межпредметного изучения детства¹⁷. В работе имеются определения "детского сада", "детского шампанского", "детского джаза", и др., а вот "детство" определяется только как повесть М. Горького¹⁸.

¹³ Балакирев А.Н. Становление и развитие детского движения в Бурятии : авт.дис. ... к.ист.н. Улан-Уде, 2006. С. 3.

¹⁴ Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России : авт. дис. ... д.ист.н. – М., 2009. С. 3.

¹⁵ Володькова Е.Н. Борьба с детской беспризорностью на Юге России в 1775-1917 гг.: на материалах Ставрополя и Кубани : авт. дис. ... к.ист.н. Ставрополь, 2008. С. 21.

¹⁶ Белоножко Е.А. История охраны материнства и детства органами социального призрения России, вторая половина XIX-начало XX вв.: авт. дис. ... д.ист.н. М., 2001. С. 4.

¹⁷ Борисов Б.С. Энциклопедический словарь русского детства. М., 2008.

¹⁸ Там же.

1.2. ИСТОРИЯ ДЕТСТВА В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Историография истории детства представлена достаточным количеством работ отечественных авторов для того, чтобы говорить о наличии исследовательской базы и сформированности научного направления.

Историографический обзор условно может быть представлен следующими периодами, в рамках которых детство изучалось в определенном историко-культурном и политико-правовом контексте.

Во-первых, это работы дореволюционного периода, посвященные изучению актуальных проблем детства, детского неблагополучия и опыта их решения, исследованию различных форм общественного призрения детства,¹⁹ описанию различных форм оказания помощи детскому населению, опыта деятельности государственных и общественных учреждений и организаций в сфере детства и др.

Среди характеристик дореволюционных исследований следует отметить их практическую направленность, отсутствие разработанного понятийного аппарата, фрагментарность и необъективность статистических сведений. Одновременно им присуща попытка анализа и оценки исторических событий и явлений, выявления закономерностей и основных тенденций развития института детства в исследуемый период.

Достаточно подробно в дореволюционной историографии изучалось призрение детей, которое было системным, инициировалось и поддерживалось государством и общественными организациями, имело разработанную систему образования и воспитания. История детства получила отражение в работах, изучающих особенности системы призрения и попечения детей в различные исторические периоды, в том числе, детских домов, приютов, попечительских советов²⁰.

¹⁹ Блинова А.Н. Этнография детства немецкого населения Западной Сибири в XX – начале XXI вв. : авт. дис. ... к.ист.н. Омск, 2007. С. 5

²⁰ Бахрушин С. Организация попечения о беспризорных детях в Москве. М., 1916; Давидов И. Об учреждениях для бедных детей и способах оказания им помощи. М., 1888; Елистратов А. Проблемы общественного обеспечения детства. Казань, 1908; Бруханский Б.П. Борьба с детской смертностью в России и роль Попечительства об охране материнства и младенчества в этой борьбе. Пг., 1916; Буксгевден О.О. Об организации призрения бесприютных детей в крестьянских семьях. СПб., 1900; Буксгевден О.О. О попечительном воспитании детей. СПб., 1905; Горностаев И.Ф. Дети рабочих и городские попечительства о бедных в Москве. М, 1900; Елистратов А.И.

Так, В.И. Герье были изучены проблемы обучения и воспитания безнадзорных и беспризорных детей, исторические и теоретические аспекты призрения, общие подходы систематизации этого явления²¹.

Различные проявления девиантного поведения детей и подростков, в том числе, детский алкоголизм, проституция, наркомания, вспышка которых обусловлена особенностями исторического развития, кризисным состоянием общества, стали предметом исследования в работах Д. Бородина, М. Макулова, М. Гернета и др.²²

Ряд дореволюционных работ посвящен исследованию различных форм работы с детьми. Так, были предприняты попытки с научных позиций проанализировать скаутское движение как форму организации детей и подростков, изучив при этом и европейские традиции движения и особенности развития в России²³.

Второй этап в изучении истории детства традиционно представлен отечественными работами периода 1917-1930-х гг., для которых характерен практический исследовательский характер, а также ориентация на методы педологии – науки о детстве, исследующей его комплексно с точки зрения психологии, биологии и социологии. Изучались различные стороны детской повседневности тех лет, так называемое организованное детство или особенности развития ребенка в рамках пионерского движения и др.

Всплеск отечественного краеведения в 1920-е годы способствовал активному развитию этнографии детства, направления изучения детской жизни, в рамках которого исследовались детская игра, детский фольклор и др.

Проблемы общественного обеспечения детства. Казань, 1908; Звенигородский С.Л. Призрение покинутых детей в Харьковской губернии. Харьков, 1912; Дерюжинский В.Ф. Общественное призрение у крестьян. СПб., 1899; Канторович Я.А. Законы о детях. СПб., 1899; Дембо Г. Защита детей от жестокого обращения // Общественное и частное призрение в России : сб. статей. СПб., 1907; и др.

²¹ Герье В.И. Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и о теоретических началах правильной его постановки. М., 1897.

²² Бочаров Ю. Первые особые суды по делам о малолетних в России / Дети-преступники. М., 1912; Гальперин В. Проституция детей / Дети-преступники. М., 1912; Мукалов М. Дети улицы. Малолетние проститутки. – СПб., 1906; Бородин Д. Пьянство среди детей. – СПб., 1910; Дриль Д.А. О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних. СПб., 1908; Гернет М. Детоубийство. М., 1911; и др.

²³ Жуков И.Н. Русский скаутизм. Пг., 1916; Преображенский В.С. Бойскауты. Практическое воспитание в Англии по системе Баден-Пауэрла. М., 1913; Захарченко Г.А. Юный разведчик. М., 1910; и др.

Но политические процессы 1930-х годов поставили педологию, этнографию, социологию и другие науки и научные направления, в рамках которых исследовался феномен детства, вне закона, и в последующие годы изучение ребенка и в целом детства проводилось исключительно в рамках советской педагогики.

Среди вопросов, получивших наибольшее отражение в научной литературе, следует отметить борьбу с детской беспризорностью, захлестнувшей страну в этот период. При этом уже к середине 1920-х гг. в литературе подчеркивалась приоритетная роль партийных, государственных и общественных организаций в воспитании и обучении детского населения.

По мнению Л.М. Василевского, число сирот в СССР к 1923 г. составило от одного до полутора процентов от всего населения. Около полутора – двух миллионов детей были кандидатами в беспризорники. Два – три процента несовершеннолетних нуждались в заботе государства, что составило от двух миллионов семисот тысяч до четырех миллионов детей и подростков²⁴.

Периодика начала 1920-х годов пестрила заголовками о брошенных детях, умирающих на улицах от голода. Отправляясь "куда глаза глядят" в поисках продуктов питания, многие родители, чувствуя, что не смогут нести и прокормить своих детей, подбрасывали их под стены приютов или просто бросали. Опухших от голода детей можно было встретить повсюду. Они питались кореньями, травой, падалью. Как один из обычных и рядовых на страницах газеты описывается случай, когда гражданин села Кевсала отправился с 17-летней сестрой и двумя маленькими детьми в хлебобродные места. Однако добраться туда с детьми оказалось трудно, и он, договорившись с сестрой, оставил детей в пустом помещении по пути, прикрыв их рогожей. Детей нашли чужие люди и отправили их в детский дом²⁵.

Следует отметить, что Московская конференция по борьбе с детской беспризорностью, проходившая 16-17 марта 1924 г., первой в советской России подняла эту проблему на научный уровень. Уже 15 октября 1924 г. постановлением ВЦИК второго созыва была констатирована необходимость продолжения и совершенствования работы по борьбе с детской беспризорностью.

²⁴ Василевский Л.М. Голгофа ребенка. Беспризорность и дети улицы. Л., М., 1924. С.6.

²⁵ Власть Советов. № 533. 1922. 14 января. С. 4; Власть Советов. № 530. 1922. 11 января. С. 1.

В дальнейшем эта проблема неоднократно поднималась на научных и общественных мероприятиях разного уровня, обсуждалась на страницах периодики тех лет, в научной и публицистической литературе, сборниках материалов конференций²⁶.

Большое внимание уделялось изучению причин и социальных корней этого явления, проблеме детской преступности, роли общественных, партийных организаций и государства в борьбе с беспризорностью, формам и методам привлечения беспризорных детей к общественно полезному труду в рамках трудового воспитания подрастающего поколения.

Залкиндом была представлена психологическая характеристика беспризорника.²⁷ Тяжелые условия жизни беспризорного ребенка развивали в нем острее и глубже, чем у других детей, инстинкт самосохранения. Однако, по мнению Залкинда, беспризорник обладает и ценным моральным фондом: умение трудиться, чувство солидарности, коллективизм, стремление добиться цели.²⁸ Залкинд отрицал расположенность ребенка к преступлениям. Напротив, утверждал, что общество, среда, устои создают негативные социальные предпосылки.²⁹

Социальные корни детской беспризорности исследовала и Е.С. Лившиц.³⁰ Ссылаясь на статистические данные, она попыталась дать сравнительную характеристику беспризорности в капиталистических странах и в СССР. Она полностью согласна с мнением Залкинда, называя систему принудительного воспитания беспризорных детей системой классового подавления.³¹

Новый государственный строй требовал разработки новой образовательной системы, важной частью которой были дети. Поэтому значительное количество работ, вышедших в обозначенный период, было

²⁶ Всероссийский съезд социально-правовой охраны несовершеннолетних. Резолюции. М., 1924; Всероссийский съезд социально-правовой охраны несовершеннолетних. Сборник статей. М., 1926; Беспризорные в трудовых коммунах. М., 1926; Маро М.И. Беспризорные: социология, быт, практика работы. М., 1925; Куфаев В.И. Юные правонарушители. М., 1925; Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью (сб. статей). М., 1926; Позднышев С.В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М., 1927; Трехлетний план борьбы с детской беспризорностью. М., 1927; Люблинский П.И. Охрана детства и борьба с беспризорностью за 10 лет // Право и жизнь. 1927. № 8; и др.

²⁷ Залкинд А.Б. О так называемых трудных детях. М., 1924.

²⁸ Борьба с беспризорностью. Материалы 1-й московской конференции по борьбе с беспризорностью. 16-17 марта 1924 г. М., 1924. С. 32.

²⁹ Там же. С. 32.

³⁰ Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. М., 1925.

³¹ Там же.

посвящено проблеме образования, обучения, в том числе и ликвидации безграмотности среди детского населения. Создание школ-коммун, шефство над детьми, деятельность партийных и общественных организаций по ликвидации безграмотности исследовались в работах Н.К. Крупской, А.В. Луначарского, А.С. Макаренко и др.³²

Так, в этот период были сформулированы основные требования к профессиональному образованию – соответствие уровню научно-технического прогресса, базирование на интеграции обучения с производительным трудом и практикой. Против популярного тогда узкопрофильного подхода в обучении активно выступали отечественные педагоги Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, А.С. Макаренко, выдвигавшие принцип тесной связи профильной школы с жизнью. Рассуждая о профессиональном образовании, Н.К. Крупская говорила: "Как же организовать профессиональное образование? Тут два вопроса: как дать профессиональное образование взрослому населению, стремящемуся получить это образование как можно скорее, и как давать его в школе подрастающему поколению? Профессиональная школа не должна быть предназначена для раннего возраста, и раньше 15-16 лет принимать туда детей нецелесообразно. Профессиональная школа должна давать не только чисто практические навыки, но давать знакомство с профессией в самом широком смысле слова. Профессиональная школа нового типа должна быть тесно связана с жизнью и часть обучения должно проводиться в самом заводе или фабрике, в которой учащемуся придется работать после в качестве квалифицированного рабочего. В лучших профессиональных школах Германии, Англии, Америки это так и делается"³³.

Преимуществом начального профессионального образования со школой была четко обозначена в новых учебных программах. Цель

³² Образцов В.Н. О профессионально-техническом образовании в Советской России. М., 1920; Моложавый С., Шилекевич Е. Проблемы трудовой школы в марксистском освещении. М., 1924; Медынский Е.Н. Внешкольное образование в РСФСР. Статистический сборник. М., 1923; Крупская Н.К. О профессионально-технической подготовке квалифицированной рабочей силы. Сборник статей и высказываний. М., 1971; Крупская Н.К. Задачи профессионального образования // Вопросы народного образования. 2-е изд. Берлин, 1922; Крупская Н.К. Общее и профессиональное образование / Педагогические сочинения. М., 1989. Т. 4; Луначарский А.В. Избранные произведения. М., 1979; Макаренко А.С. Педагоги пожимают плечами / Педагогические сочинения. М., 1989. Т. 1; и др.

³³ Крупская Н.К. Задачи профессионального образования // Вопросы народного образования. 2-е изд. Берлин, 1922. С.124.

школьного воспитания была изложена в главном педагогическом документе первых лет советской власти "Основных принципах единой трудовой школы РСФСР", созданном в 1919 г. Наркомпросом под руководством А.В. Луначарского, Н.К. Крупской и М.П. Покровского. Сутью первой советской реформы образования был радикальный отказ от методов дореволюционной школы и создание Единой трудовой школы первой и второй ступеней (четыре и семь лет обучения соответственно).

Организованное детство – еще одна проблема, получившая отражение в научной литературе 1920-1930-х гг. с позиций советской идеологии. Исследовались такие аспекты детства, как организация детской повседневности, формирование октябрятской, пионерской и комсомольской идеологии, история движения, роль школы в воспитании идеологически выдержанного будущего гражданина и др.³⁴

Следует отметить, что многие работы по истории детского движения носили зачастую оценочный характер и не располагали научно-справочным аппаратом, поскольку многие авторы (Р. Барун, И. Жуков, В. Зорин, Н. Миронов, О. Тарханов и др.) сами были организаторами и непосредственными участниками этого процесса³⁵.

Большой интерес представляет работа А. Гельмонта, изучающего проблему занятости детей тех лет и описывающего, как по "хронокартам", в которых пионеры записывали все каждодневные дела, их учили рационально распределять свое время³⁶.

В целом исследования детских общественных организаций в 1920-1930-е гг., изучение их целей, задач, форм работы, методов вовлечения детей и подростков в общественную жизнь, способов охвата детского населения и особенностей формирования советской идеологии позволили к концу описываемого периода разработать целостную программу детского движения и "организовать детство" в рамках общепризнанной идеологической концепции. Детское движение стало по-

³⁴ Ауслендер С. Будь готов. М., 1924; Лопатина С. Как Степка беспризорный стал пионером. М., 1925; Юм Ю. Повесть о красном галстуке. М., 1925; Шацкин Л. Основные вопросы юношеского движения: Сб. статей. М.-Л., 1924; Важнейшие решения ВКП/б/ и РЛКСМ о юных пионерах. Харьков, 1926; Партия, комсомол и детское движение. М., 1928; и др.

³⁵ Браун Р. Комдетдвижение и школа // Дитячий рух. 1932. №9 – 10 Жуков И. Отзыв на книжку Н.К.Крупской "РКСМ и бойскаутизм" // Юный коммунист. 1922. № 10-12; Зорин В. Десять лет борьбы на два фронта // Путь комсомольской смены. М., 1932; и др.

³⁶ Гельмонт А. Бюджет времени пионера и школьника. М., 1933.

ниматься как органичная часть коммунистического воспитания подрастающего поколения. Как отмечает А.Н. Балакирев "детское движение понималось как явление классовое, политическое, нацеленное на коммунистическое воспитание. Сущность его состояла в посильном вовлечении детей трудящихся в строительство нового общества через их членство в самостоятельной организации. Кроме того, детское движение воспринималось как ветвь общепролетарского движения и новой педагогики"³⁷.

В 1930-1950-е гг. работ по истории детства практически не было, поскольку политическая ситуация в стране и господство марксистско-ленинской идеологии отразились на организации детского движения, а также характере научных исследований. Некоторые аспекты истории детства косвенно просматриваются в общих работах по образованию и трудовому воспитанию, организации детского и юношеского движения и др.³⁸

В 1950-1960-е гг. проблематика советского детства представлена исследованиями по вопросам охраны и защиты детства, школьного образования.

Как отмечают исследователи, с конца 1950-х гг. изменение политической обстановки в стране обусловило начало качественно нового этапа в изучении истории детских общественных организаций. Периодизация историографии этой проблемы, состоящая из пяти этапов, представлена в работе А.Н. Балакирева. Давая историографический обзор, автор выделяет работы обобщающего или публицистического характера по истории пионерского движения, отмечая при этом "чресчур идеологизированный подход к анализу истории детского движения, односторонность и догматический характер методологии, в основе которой лежали только положения классиков марксизма-ленинизма, абсолютизация принципа партийности исторической науки ставили исследователей в жесткие рамки"³⁹. По его мнению, боль-

³⁷ Балакирев А.Н. Становление и развитие детского движения в Бурятии: 1923-1991гг.: авт. дисс...к.ист.н. Улан-Удэ, 2006. С. 7.

³⁸ Вопросы деткомдвижения. М., 1930; За изучение опыта, за теорию пионердвижения. М.-Л., 1930; Детское коммунистическое движение. М.-Л., 1932; Партия, комсомол и пионерское движение. М.-Л. 1930; Директивы ВКП/б/ по вопросам просвещения. 3-е изд. М.-Л., 1931; Детское коммунистическое движение: сб. инструктивных материалов. М.-Л., 1932; Дубах Б. Юные пионеры // Учительская газета. 1939. № 7/8; Справочник вожатого пионерского отряда. М., 1936.

³⁹ Балакирев А.Н. Становление и развитие детского движения в Бурятии: Авт. дис. ... к.ист.н. Улан-Удэ, 2006. С. 3.

шинство выводов основывались на старых стереотипизированных подходах и методологической базе, с преобладанием педагогических исследований по народному образованию ⁴⁰.

Говорить о появлении работ с некоторыми элементами междисциплинарного подхода можно применительно к периоду 1970-1980-х гг., когда, наряду с педагогическими, появляются исторические исследования, в рамках которых стало возможно изучать отечественное детство.

Пересмотр отношения к детству и детям, как самой "защищенной и привилегированной социальной группе в Советском Союзе", начинается в середине 1980-х гг., когда появляются первые публицистические и художественные произведения о трагических судьбах детей, ставших заложниками политических игр взрослых. Начинается развенчание мифов о советском детстве, подвергается критике деятельность пионерской организации, которая слишком рано вовлекала детей в общественно-политическую жизнь страны и манипулировала неокрепшим детским сознанием. Шаг в этом направлении был сделан Ю.И. Дружниковым, прозаиком и историком русской культуры, эмигрировавшим за рубеж, в "первом независимом расследовании зверского убийства подростка, донесшего на отца, и процесса создания из мальчика самого известного советского героя". В монографии "Доносчик 001, или вознесение Павлика Морозова" автор сопоставил официальный миф с историческими документами и показаниями.

С распадом Советского Союза историки чаще стали применять концепцию тоталитаризма в объяснении сущности "советского детства". Детские государственные учреждения, пионерская организация, комсомол и семья представлялись вполне успешными лабораториями по созданию нового социального вида HomoSoveticus. Дети оказывались главными подопытными в большом идеологическом эксперименте по

⁴⁰ Дубровина Л. По заветам великого Ленина // "Вожатый". 1952. №5; Кононенко Е. Юные ленинцы (К 35-летию пионерской организации) // "Работница". 1957. №5; Струнин В. Всегда готовы! (Из истории пионерской организации) // "Начальная школа". 1957. №11; Советские пионеры // "Народное образование". 1952. №5; Ханчин В.С. Н.К. Крупская о пионердвижении // "Советская педагогика". 1957. №9; К 30-летию пионерской организации // "Советская педагогика". 1952. №5; Яковлев В. Страницы истории // "Учительская газета". 1957. 18 мая; Соколова Э.С., Таборко В.А. Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина. М., 1963; Смена комсомола: Документы, воспоминания, материалы по истории пионерской организации имени В.И. Ленина / Сост. В.Г. Яковлев. М., 1964; Яковлев В.Г. Рождение Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина. М., 1962; и др.

созданию винтика тоталитарной машины. Однако "реальное" советское детство было гораздо разнообразнее и богаче, чем оно трактуется теорией тоталитаризма.

С середины 1990-х гг. начинается новый этап в разработке и более специализированном изучении истории российского детства, в рамках которого наибольший интерес вызывает проблематика первой половины XX в. Самым исследованным периодом оказались 1914-30-е гг., привлекающие внимание беспрецедентными социальными потрясениями и насилием, перманентными кризисами и переменами.

Реконструкции повседневности, тендерных поведенческих идеалов, мировоззрения подрастающего поколения в экстремальных условиях начала прошлого столетия и первого советского десятилетия посвящены исследования П.П. Щербинина, А.А. Сальниковой, А.Ю. Рожкова, Е.М. Балашова и др.

Так, в монографии "Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – н. XX вв." П.П. Щербинин отдельную главу посвящает повседневным проблемам материнства и детства в годы Первой мировой войны. Тендерные практики девочек, проблемы трансформации их идеалов и ценностей в ранние революционные годы исследует А.А. Сальникова. Жизненный мир молодых людей в 1920-е гг. воссоздает А.Ю. Рожков. Школа и её учащиеся в 1917-1927 гг. рассмотрены в монографии Е.М. Балашова.

Значительное внимание уделяется вопросам социальной политики в отношении материнства и детства в 1920-1930-е годы. Исследовательницы Ю. Градскова, Н. Рябинина, Н. Черняева и другие авторы рассматривают эти, неразрывно связанные друг с другом вопросы в качестве особой сферы внимания советской власти, поскольку "нового" человека должна была воспитывать "новая" женщина, сама ставшая объектом воспитания. В центре их изучения оказывается статус материнства, детства и семьи в контексте изменений государственной гендерной политики.

В работе Р. Дэвиса и С. Уиткрофта ⁴¹ рассмотрено положение детей в условиях голода 1930-х гг., людоедство, беспризорничество, продовольственная помощь со стороны общественных и партийных организаций и др. Ссылаясь на архивные данные, автор отмечал, что при распределении продовольственных ссуд из центральных фондов и

⁴¹ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931-1933 / Р. Дэвис, С. Уиткрофт. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 543 с.

местного снабжения первостепенное внимание уделялось именно детскому питанию: организовывали питание детей кормили в школах; расширяли сеть яслей и детских домов, чтобы разместить там большое количество бездомных детей, разлучившихся с голодающими родителями или брошенных ими⁴². Запрещалось вывозить беспризорников в город и на железные дороги. Облесполкомы и райисполкомы организовали на месте, в селах и колхозах, помощь брошенным и осиротевшим детям, питание при школах, а для особо нуждающихся и после окончания занятий в школе. Деткомиссии вместе с Наркомпросом и Наркомздравом было поручено разыскивать родителей беспризорных детей и отправлять их по месту жительства. Описывая страшные последствия голода, авторы указывали, что дети, поев ядовитых сорняков, умирали в течение двадцати четырех часов, взрослые – в течение трех-пяти суток. В широких масштабах распространились различные болезни – оспа, тиф, малярия, многочисленные отравления продуктовыми суррогатами. Жертвами голода стали в первую очередь дети в возрасте до четырех лет.⁴³ В Северо-Кавказском крае хлеба, отпускаемого из продовольственных ссуд, оказалось недостаточно, поскольку районы, находившиеся в самом тяжелом положении, не имели никакой другой еды; даже капусты, тыквы и картофеля было не найти. Зарегистрированная смертность в феврале и марте в относительно благополучных станицах и то выросла вдвое по сравнению с тем же периодом 1932 г., а в наиболее пострадавших станицах она увеличилась в три-четыре раза – это не считая незарегистрированных смертей. По рассказам очевидцев, первыми умирали больные, потом дети: доходило до такого варварства, что родители сами ели, а детей не кормили. Естественно, умирало множество одиночников и колхозников, имевших мало трудодней. Девиз "кто не работает, тот не ест, сельские организации воспринимали буквально – пусть, дескать,дохнут"⁴⁴.

При изучении детства в годы формирования сталинской системы, создания нового социального порядка (1930-е гг.) на первый план в исследовательской литературе выходят вопросы навязывания идеологических установок и восприятия их детьми, проблема несоответ-

⁴² Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931-1933 / Р. Дэвис, С. Уиткрофт. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 99.

⁴³ Там же. С. 435.

⁴⁴ Там же. С. 427.

ствия окружавшей детей советской действительности и пропагандистских лозунгов. Так, В.С. Журавлев и А.К. Соколов в статье "Счастливое детство" приходят к выводу, что, несмотря на мощный идеологический пресс, под которым оказывались советские дети и подростки в 1930-е годы, их личный опыт, противоречивший пропаганде, вел к прозрению, недоумению, разочарованию и протесту⁴⁵.

Изучением пионерского детства, механизмов и средств конструирования новой советской картины мира через пионерскую идеологию занимается С.Г. Леонтьева⁴⁶, которая исследует также проблему трудового воспитания как ведущего элемента советской педагогической концепции. Обращает на себя внимание, что использование культурологического подхода позволило по иному исследовать механизмы конструирования "советского детства".

Исследование истории детства в нашей стране в 1940-1950-е годы преимущественно представлены работами по проблемам образования и социальной защиты, в рамках которых исследуются реформы в сфере образования в военные и послевоенные годы, взаимоотношения учителей и учеников, настроения советских подростков и др. (А.П. Пыжиков, Г.В. Андреевский, Л.Б. Брусиловская, Р.Б. Кирсанова).

Социальная и историческая память, использование мемуарной литературы, устных источников стали предметом исследования ученых в 1990-е гг.⁴⁷ Следует отметить работы Я. Ассмана, которые считал, что коллективная память функционирует в двух основных формах: культурной и коммуникативной. Если первая скорее относится к официальной, когнитивной памяти, связанной с представлениями о далеком прошлом группы и её обоснованием в настоящем историками, писателями, учителями и т.д., то коммуникативная больше соответствует частной, семейной, эмоциональной памяти, связанной с непосредственным биографическим опытом и сопричастностью к прошлому⁴⁸.

⁴⁵ Журавлев В. С., Соколов А. К. Счастливое детство // Социальная история : ежегодник, 1997. М., 1998. С. 159-202.

⁴⁶ Леонтьева С. Г. Трудовое детство // Отечественные записки. 2003. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/3/trudovoe-detstvo> (дата обращения: 16.10.2012).

⁴⁷ Тарасов С.В. Образ мира: Опыт категориальных структур мировосприятия школьников. СПб., 1996; Чередникова М.П. Голос детства из дальней дали. (Игра, магия, миф в детской культуре). М., 2002; и др.

⁴⁸ Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности <https://www.twirpx.com/file/1817274/>

Культурно-историческому осмыслению детской повседневности и реконструкции образов детства в контексте древнерусской культуры, отечественной истории XVI-XIX вв., советского и современного периодов способствовали исследования В.В. Абраменковой, В.Г. Безрогова, Д.Н. Беловой, В.В. Долговой, О.П. Илюхи, О.Е. Кошелевой, К. Келли, А.Ю. Рожкова, А.А. Сальниковой, С.Н. Щегловой и др.⁴⁹

Как указывает А.С. Ляшок, этнографические аспекты осмысления детской повседневности внесли труды этнологов, этнографов и фольклористов С.Г. Айвазяна, А.Ф. Белоусова, Г.С. Виноградова, И.Е. Герасимовой, Т.И. Дронова, Т.С. Каневой, С. Кац, Г.А. Комаровой, С.М. Лойтер, Г.Д. Науменко, А. Опи и П. Опи, Е.А. Покровского и др.⁵⁰

⁴⁹ Безрогов В. Г., Иванченко Г. В., Макаревич Г. В. Образ ребенка в учебнике для начальной школы. [Электронный ресурс]. URL: <http://childcult.rshu.ru/article.html?id=66850> (дата обращения: 16.10.2012); Безрогов В., Келли К. Лики российского детства // Горюнок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890-1990) / под ред. В. Безрогова, К. Келли. [Электронный ресурс]. URL: <http://childcult.rshu.ru/article.html?id=72929> (дата обращения: 16.10.2012); Геллер М. Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 335 с.; Журавлев С.В., Соколов А. К. Счастливое детство // Социальная история : ежегодник, 1997. М., 1998. С. 159-202; Ильенков Э. В. Идеал // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 195-199; Келли К. "Маленькие граждане большой страны": интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/kelli.htm> (дата обращения: 16.10.2012); Леонтьева С. Г. Трудовое детство // Отечественные записки. 2003. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/3/trudovoe-detstvo> (дата обращения: 16.10.2012); Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. М. : Мысль, 2001. С. 71-72; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : ИТИ Технологии, 2003. 944 с.; Окольская Л. А. Трудовые ценности и нормы в содержании учебников для начальной школы сегодня и 20 лет назад. [Электронный ресурс]. URL: <http://childcult.rshu.ru/article.html?id=85181> (дата обращения: 16.10.2012); Ромашева М. В. Журнал "Работница" как источник по истории советского детства (1945-1953 гг.). [Электронный ресурс] URL: <http://childcult.rshu.ru/article.html?id=73856> (дата обращения: 16.10.2012); Ромашова М. В. Проблема советского детства в современной отечественной историографии // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики / Матер. Всерос. науч. конф. (Казань, 2006). М.: ИВИ РАН, 2006. С. 247-250; Ромашова М. В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psu.ru/psu/files/1080/0030.doc> (дата обращения: 16.10.2012); и др.

⁵⁰ Ляшок А.С. Трансформация детской повседневности в социокультурном пространстве школы (на материале 1980-х – 1990-х гг.): авт. дисс. ... к. культурологии. Саратов, 2013. С. 4.

Семиотике и культуре детской повседневности посвящены работы О.П. Илюхой, К. Калверт, С.Г. Леонтьевой, А.Б. Лярским, А.Ю. Рожковым, М.В. Ромашовой, А.А. Сальниковой, А. "Тихомировой и др. Работы Ф. Броделя, Г. Гарфинкеля, Э. Гуссерля, Л.Г. Ионина, М.М. Крома, В.Д. Лелеко, А. Лефевра, М.В. Лукова, С.Т. Махлиной, Х.П. Турна, А. Шюца, Н. Элиаса⁵¹.

Новый период в изучении отечественного детства начинается на рубеже XX – начале XXI вв.⁵² Усиливается историческая компонента исследований детства, чему в большой степени способствовало создание новых специализированных научных центров. Так, на базе кафедры педагогической антропологии Университета РАО объектом исследования стали воспоминания как источник по истории детства⁵³, кафедра литературы и детского чтения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства издала альманах "Детские чтения" и организовала работу научно-исследовательского "детский семинара"⁵⁴, на кафедре истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета им. Герцена с февраля 2007 г. функционировал научный семинар "Культура детства: нормы, ценности, практики", результатом деятельности которого стали совместные научные изыскания социологов, фольклористов, историков, филологов, культурологов и педагогов⁵⁵.

Сотрудники Ставропольского государственного педагогического института являются членами краевой научной лаборатории "Антропо-

⁵¹ Ляшок А.С. Трансформация детской повседневности в социокультурном пространстве школы (на материале 1980-х – 1990-х гг.): авт. дисс. ... к. культурологии. Саратов, 2013. С. 4.

⁵² Славко А.А. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в России 1917-1952 годов. Сыктывкар, 2009; Он же. Роль государства в ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в России // Социально-экономические и политико-правовые тенденции развития советского общества в период Великой Отечественной войны. Тверь, 2009. С. 116-123; Он же. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. №120. С. 33-43; Он же. Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Вестник Чувашского университета. 2010. №1. С.79-88; Рокутова О.А. О причинах беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних в СССР в 1940-е гг. / СССР во Второй мировой войне. Третьи Всероссийские историко-краеведческие чтения памяти профессора П.Е. Матвиевского: сб. статей. Оренбург, 2010. С. 208-210.

⁵³ <http://rl-online.ru/info/authors/66.html>

⁵⁴ <http://window.edu.ru/resource/781/48781>

⁵⁵ <http://childcult.rshu.ru/section.html?id=3717>

логия детства", в рамках которой на протяжении последних лет проводится системное комплексное межпредметное исследование феномена детства, как в российском, так и региональном аспектах⁵⁶.

Систематическая работа дает свои результаты – ежегодно проводятся международные конференции, на которых рассматриваются различные аспекты истории детства. Так, 1-2 октября 2009 г. в РГГУ состоялась международная конференция "История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России", приуроченная к пятидесятилетию монографии "Ребенок и семейная жизнь при Старом Порядке" (1960 г.), десятилетию ее перевода на русский язык в Екатеринбурге в 1999 г., а также двадцатилетию работы И.С. Кона – первой в России большой публикации о Ф. Арьесе как историке детства, вышедшей в 1988 г. Организаторами конференции выступили Российский государственный гуманитарный университет, Российская академия образования, Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве, журнал "НЛО" и Российский гуманитарный научный фонд⁵⁷.

Участники конференции – И.С. Кон, В.Г. Безрогов, О.Е. Кошелева, М.К. Любарт, Х. Коллин, К. Кухер, Г.О. Бабкова, Т.М. Смирнова, А.А. Сенькина и др. говорили о признании работы Ф. Арьеса российскими учеными в 1970-е гг., о влиянии его идей на усиление междисциплинарного характера исследований в рамках исторической демографии, исторической социологии, истории семьи, о появлении кросскультурных исследований детства, обсуждали проблемы детской преступности, особенности детских воспоминаний как исторического источника, источниковедческие, историко-культурные, визуально-антропологические и социологические аспекты изучения детских мультфильмов, общеметодологические вопросы понимания детства современными французскими исследователями, особенности образных представлений у детей, проживающих в различных регионах России.

Одним из важных результатов работы конференции стал библиографический указатель, вместе с книжной выставкой подготовленный для ее участников и гостей. Как отмечали составители, их целью было "дать более или менее репрезентативное представление о собрании

⁵⁶ http://www.sspi.ru/index.php?dir=_nau&sub=lab_antro

⁵⁷ <http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1855/1903/index.html>

⁵⁸ <http://childcult.rshu.ru/article.html?id=1689032>

библиотеки и ее возможностях по оказанию помощи преподавателям, аспирантам, студентам, обращающимся к истории детства и смежным с ней дисциплинам"⁵⁸.

С позиций метанаучности детство представлено в работах В.Г. Безрогова, О.Е. Кошелевой, А.А. Сальниковой, М.В. Ромашовой, С.Б. Борисова, А.С. Ляшок, Т.Д. Попковой, Н.А. Леоновой, Т.М. Смирновой, Ю.Г. Саловой, А.Ю. Рожкова, в которых исследуются историографические, источниковедческие, методологические аспекты истории детства как научной дисциплины⁵⁹.

Подробный обзор новой отечественной научной литературы по истории детства дан в историографической работе М.В. Ромашовой⁶⁰. Анализ основных направлений и проблемного поля исследований позволил М.В. Ромашовой сделать вывод о появлении обобщающих работ по истории детства в России⁶¹. Ссылаясь на коллег, в частности, А.А. Сальниковой, автор выделяет две приоритетные исследовательские проблемы: концепции детства, отражающие изменения представлений взрослых о детях и реконструкция мира детства с помощью детских текстов. Говоря об увеличении количества научных статей, монографий, научных семинаров и конференций, создании лабораторий, постоянно действующих семинаров, она одновременно подчеркивает некоторое несоответствие количественных и качественных изменений⁶².

С данным мнением солидарна О. Кошелева, считающая, что рано еще говорить о существовании в нашей стране истории детства как самостоятельного научного направления. Аргументируя свою позицию,

⁵⁹ Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства. Шадринск, 2008; Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации: сб. науч. статей и сообщений / сост. и отв. ред. А.А. Сальникова. Казань, 2011; Сальникова А.А. Российское детство в XX в.: история, теория и практика исследования Казань, 2007; "Взрослые о детях и дети о себе" / сост. В. Безрогов. М.-Тверь, 2008; и др.

⁶⁰ Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. Выпуск 2(22). 2013. С. 108-116

⁶¹ Сальникова А.А. Российское детство в XX в.: история, теория и практика исследования Казань, 2007; Кошелева О.Е. История детства: Филипп Арьес и Россия // Малолетние подданные большой империи: сб. статей. М., 2012; и др.

⁶² Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. Выпуск 2 (22). 2013. С. 109.

исследователь ссылается на отсутствие соответственного рубрикатора в библиотечных каталогах⁶³.

Существенное значение в современных исследованиях детства приобретает научная реконструкция детских текстов, представленных сочинениями, письмами, творческими произведениями, автобиографиями, интервью и др. Однако эти источники достаточно специфичны, поскольку, как отмечает А.А. Сальникова, "дети смотрят на свое недавнее прошлое намного объективнее и критичнее, чем взрослые".⁶⁴ При этом воспоминания взрослых о своем детстве существенно отличаются от детских: они "...представляют сконструированные и откорректированные памятью образы, на которые со временем наслаиваются заимствованные воспоминания, многочисленные культурные репрезентации детства. Повышенная эмоциональность в раннем возрасте определяет процесс запоминания. В памяти сохраняется в течение продолжительного времени то, что произвело наибольшее впечатление, и было связано с более или менее сильными чувствами. Чужие воспоминания или их интерпретации человек встраивает в собственную память при условии, что они кардинально не отличаются от пережитого опыта и соответствуют "эмоциональному фоновому ощущению", связанному с той эпохой"⁶⁵.

М.В. Ромашова, разделяя этот подход, акцентирует внимание на ценности именно детских текстов: "Воспоминания о детстве являются уникальным, возможно, не точным фактически, но содержательно достоверным источником информации о детском мире. В последнее время воспоминания взрослых о своем детстве сравниваются с текстами, созданными самими детьми в конкретную историческую эпоху. Значительная часть детских документов представляет собой тексты – воспоминания, изложенные в разных формах – будь то школьное сочинение или же рассказ, стихи, дневниковая запись, ответы на вопросы анкет, писем и корреспонденций в газеты и журналы. При этом сравнение – не в пользу мемуаров"⁶⁶.

⁶³ Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. Выпуск 2 (22). 2013. С. С. 109.

⁶⁴ Сальникова А.А. "Детский" текст и детская память в "эпоху катастроф" // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. ст. Челябинск, 2004. – С. 414.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Ромашова М.В. Указ. соч. С. 57.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на проделанную работу, до сих пор отсутствуют комплексные исторические работы по истории детства. Исследования данной проблематики только как психолого-педагогической системы не раскрывают всей специфики феномена детства, представляющего универсальный многомерный исторический и социокультурный континуум.

1.3. ИСТОРИЯ ДЕТСТВА НА СТАВРОПОЛЬЕ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение истории детства на Северном Кавказе представляет несомненный научный интерес в силу неразработанности проблематики, отсутствия комплексных исследований, межпредметности и актуальности темы в современных условиях, когда интерес к детству обусловлен общественной и исторической необходимостью, спецификой региона с богатым национально-культурным наследием, способствующим формированию особого отношения к детству.

История детства как одно из направлений исторической антропологии предполагает изучение особенностей воспитания и обучения ребенка, отношения к его личности в детстве в различных культурах, исследование "образов детства", проявляющихся в обрядах и ритуалах, связанных с рождением ребенка, инициациях, играх, системе наказаний и поощрений, применяемых к детям в разных культурах, а также изучение роли историко-культурной традиции в процессе усвоения ребенком культурных стереотипов, принятых в конкретном обществе. Охватывая самые разнообразные сферы и выступая в качестве межпредметной и межкультурной области знания, история детства пересекается с этнологией детства, историей образования, психологической и педагогической антропологией.

Изучение детства, с точки зрения исторической антропологии в территориальных рамках Северного Кавказа, особенно актуально и представляет несомненный научный интерес в условиях полиэтничности, многоконфессиональности и поликультурности региона. Отсутствие промышленных центров и крупных городов на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. позволяют говорить о деревенском детстве,

что является несомненной особенностью истории детства данного региона.

Все это, несомненно, подчеркивает актуальность исследований истории детства регионального характера, способствующих индуктивному выделению специфического в рамках общероссийского контекста, проведению системного анализа состояния исследуемого явления в условиях конкретной административно-территориальной единицы, с учетом культурно-исторических, политических, экономических особенностей региона.

Современная историческая наука, располагая обширной методологической базой, исследует феномен детства в рамках таких направлений, как гендерная история, история повседневности, социокультурная история, историческая антропология и др. Однако вопросы истории детства затрагиваются здесь фрагментарно, через призму исследуемого объекта, соответственно, не получают широкого и полного освещения.

Следует сразу отметить тот факт, что комплексные исторические исследования детства, как на всероссийском, так и региональном уровнях, отсутствуют.

Исследование истории детства на Северном Кавказе, несомненно, имеет глубокие исторические традиции. Работы дореволюционного периода одновременно можно охарактеризовать и как исторический источник. Они не содержат серьезного научного анализа, но изобилуют богатым фактическим материалом, в первую очередь, этнографического и статистического характера.

Дореволюционная историография вопроса представлена работами историков-краеведов, среди которых следует выделить Г.К. Прозрителева, Г.Н. Праве, И.В. Бентковского, С.В., Фарфаровского и др., посвященных истории и этногенезу кочевых и горских народов Северного Кавказа, в которых встречаются фрагментарные описания детского цикла обычаев и обрядов⁶⁷.

⁶⁷ Фарфаровский С.В.. Ногайцы Ставропольской губернии (историко-этнографический очерк). Тифлис, 1909; Фарфаровский С. В. Народно-юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии. Этнографический очерк. Ставрополь, 1909; Фарфаровский С. В. Чеченские этюды (из дневника этнографа). Ставрополь, 1912; Бентковский И. Ногайцы. Краткое показание о соседствующих народах; Сборник сведений о Северном Кавказе / под ред. Г.Н. Прозрителева. Т. 12. Ставрополь, 1920; Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913; и др.

Так, И.В. Бентковский в течение нескольких лет был членом Ставропольского статистического комитета, издававшего с 1868 г. сборники статистических сведений о Ставропольской губернии. Во втором выпуске этого сборника, вышедшего в 1869 г., в статье "Трухмяне, кочующие в Ставропольской губернии", И.В. Бентковский дал общую характеристику этой малой группы, описав места их расселения, численность, религиозные особенности, быт, в том числе, затронув вопросы воспитания детей туркмен. Описывая ногайцев Ставропольской губернии, историк параллельно дал характеристику горских народов Северного Кавказа и особенностей воспитания их детей: "Князя посылают юных своих сынов к другим владельцам учиться хищению. Такого юноши проворная кража и наглый разбой, доставляют ему после родителя права наследия. Притом, для своей женитьбы и невесту он также должен похитить из дома какого-либо владельца..."⁶⁸.

В работе С.В. Фарфаровского содержатся сведения о климатических особенностях степей, почве, народном творчестве кочевых народов Ставропольской губернии. В источнике отражены гендерные особенности воспитания и социализации детей народов Северного Кавказа, показано религиозное образование и его специфика, в том числе, наказания, применяемые к детям в процессе обучения. Так, автор сделал вывод о том, что детские костюмы не отличались от костюмов взрослых: "они сшиты тоже широко, бесформенно и некрасиво. На башмаках и черкесках мальчиков пришиваются талисманы треугольной и четырехугольной формы"⁶⁹.

С.В. Фарфаровский отмечал, что бездетность у кочевых народов Северного Кавказа считалась стыдом, а "всякий имеющий детей ими гордится. Поэтому бездетный ногаец берет вторую и третью жену, чтобы иметь детей"⁷⁰.

Девочки у ногайцев с малолетнего возраста считались невестами, их учили шить, готовить и вести домашнее хозяйство. Мальчиков с семи – восьми лет отдавали в обучение – богатые родители отдельно нанимали учителя, а бедняки – для нескольких учеников. Обучение было платное – два рубля денег и годовалый теленок с ученика. Однако С.В. Фарфаровский заметил, что обучение в медресе, школах при

⁶⁸ Бентковский И. Ногайцы. Краткое показание о соседствующих народах. С.25

⁶⁹ Фарфаровский С.В.. Ногайцы Ставропольской губернии (историко-этнографический очерк). Тифлис, 1909. С. 12 об.

⁷⁰ Там же.

мечетях было лучше, чем в мэкэтэбэ – школах грамоты в кибитках, где условий для занятий не было, обучение проходило трудно, в отношении детей бедняков практиковались физические наказания и лишение пищи.

Все вышеперечисленные работы представлены в фондах Ставропольского государственного краеведческого музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе ⁷¹.

Следует также отметить работу И. Бларамберга, в которой в контексте этнографического исследования, автор затрагивает вопросы воспитания и обучения детей кочевых и горских народов Северного Кавказа ⁷².

Так, описывая быт черкесов, И. Бларамберг отмечал, что "слепое подчинение родителям и глубокое уважение к старшим по возрасту соблюдается у этих народов самым скрупулезным образом. Сын не имеет права сесть в присутствии своего отца, то же самое не может себе позволить младший брат в присутствии старшего; они не могут разговаривать со старшими в присутствии постороннего" ⁷³.

Описывая обряд аталычества, распространенный в культуре народов Северного Кавказа, автор указывает, что "дети простого люда воспитываются в доме родителей или приемных родителей – людей того же положения. Их приучают скорее к труду пахаря, нежели искусству воина; это делается из политических соображений – чтобы они не стали опасны для своих князей, которые стремятся сохранить их на положении рабов" ⁷⁴.

В целом, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что дореволюционные исследования, находящиеся на стыке исторического источника и литературы, содержат фактический и статистический материал, однако научный анализ проблематики в них не представлен.

Усиление интереса к феномену детства, характерное для отечественной историографии и обусловленное государственной и политической необходимостью, отразилось и на региональных исследованиях, в которых в рамках работ, посвященных определенной проблематике или

⁷¹ СГМЗ ф.54. ед.хр.56; СГМЗ ф.54. ед.хр.57; СГМЗ ф.85. ед.хр.20; СГМЗ ф.85. ед.хр.22; Там же; СГМЗ ф.54. ед.хр.56; СГМЗ ф.54. ед.хр.9 .

⁷² Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2005. 432 с.

⁷³ Там же. С. 154.

⁷⁴ Там же. С. 157-158.

исследованию исторического периода, фрагментарно могли затрагиваться вопросы истории детства.

Особое место в историографии истории детства занимают 1920-е годы, когда шло правовое оформление статуса детства и семьи в условиях формирования нового советского человека ⁷⁵.

Уже в 1920-е годы проблемы детства широко дискутировались на страницах периодической печати в связи с социально-экономической и политической ситуацией в те годы в стране. Значительное место в историографии уделено теме детской беспризорности, захлестнувшей страну в 1920-е годы, участию государства и общественности в ее преодолении ⁷⁶.

Детские приюты и дома организовывались практически в каждом селе. Детей размещали в бывших усадьбах, реквизированных зданиях и помещениях, зачастую непригодных для того. Несмотря на то, что государство на бумаге брало на себя материальное обеспечение детских домов, на практике этот вопрос был передан в ведение местных организаций, которые, в свою очередь, переложили его на население. Так называемое добровольное отчисление трудящихся из заработной платы, взносы кооперативов и других организаций не могли решить огромную по масштабам проблему детской беспризорности.

⁷⁵ Леонова Н.А. Законодательство 1920-х годов о "дефектных" или "аномальных" детях // Экономические и гуманитарные исследования регионов. Вып. 3. 2014. 8 С.5-7; Леонова Н.А. Дети и семья в социуме 1920-х годов как объекты исторического исследования // KANT. 2014. № 2 (11). С. 97-100; Леонова Н.А. Детский вопрос в 1920-е годы в отечественной историографии и на страницах периодической печати тех лет (по материалам Северного Кавказа) // Вестник СГПИ. 2006. № 8. С. 121-124; Леонова Н.А. Отдых и досуг в условиях постреволюционной и послевоенной релаксации: трансформация представлений и основные тенденции развития в 1920-е годы // "Курорт" в дискурсивных практиках социогуманитарного знания: материалы Международной научной конференции (Пятигорск, 27-29 апреля 2007 г.) / Под ред. И.В. Крючкова. Пятигорск, 2007. С. 178-181; Советское законодательство 1917-1920-х гг. о детях и подростках: теория и практика // Вестник СГПИ. 2007. № 9. С. 128-134; Леонова Н.А. Институты детства и семьи в эпоху перемен (по материалам 1920-х гг.) // Новинки научного прогресса -2013: материалы XI Международной научно-практической конференции Т.5. Педагогические науки.София, 2013.С. 13-17; и др.

⁷⁶ Шишова Н. В. Роль общественности в преодолении детской беспризорности на Северном Кавказе в 1920-1926 годы. Ростов-на-Дону, 1979; Леонова Н.А. Первая Московская конференция по борьбе с детской беспризорностью (16-17 марта 1924 г.): цели, задачи, итоги // Новый век: история глазами молодых: Сб. научных трудов молодых ученых, аспирантов и студентов ИИМО. Вып. 8. В 2х ч. Ч.1. Саратов, 2009. С. 79-85; Леонова Н.А. Советское законодательство 1917-1920-х гг. о детях и подростках: теория и практика // Вестник СГПИ. 2007. № 10. С. 159-167; и др.

Масса бездомных детей в условиях голода была вынуждена воровать и попрошайничать. Различные формы и методы борьбы с детской преступностью на Северном Кавказе в 20-е годы XX в. исследует Ю.Г. Байбаков, выявляя при этом причины ее роста⁷⁷.

Наиболее распространенными были мелкие кражи, которые стали самым обычным явлением среди бездомных детей. Кроме того, на страницах периодической печати тех лет неоднократно отмечался рост детской проституции. За кусок суррогатного хлеба бездомные девочки 12–15 лет "...ложатся где попало: по углам, в сенях, сараях, канавах"⁷⁸.

Значительное количество работ, как в периодической печати, так и научных изданиях, посвящено ликвидации безграмотности среди детей. Создание школ-коммун, шефство над детьми, деятельность партийных и общественных организаций по ликвидации безграмотности, особенно в национальных областях Северного Кавказа, – исследовались В. Парфененко, Р.А. Шипиловой, М.С. Кузьминым, П.И. Петренко и др.⁷⁹

На страницах газет и журналов, используемых для агитационно-пропагандистской работы, подчеркивалось общесоюзное значение борьбы с безграмотностью. Положению детей в условиях послевоенной разрухи посвящена работа Л. Кулешиной, в которой автор исследует причины и последствия голода 1920-х годов на Северном Кавказе⁸⁰.

Отсутствие финансовых средств и неспособность государства самостоятельно справиться с голодом и товарным кризисом вызвали необходимость привлечения к решению этой проблемы различных уч-

⁷⁷ Байбаков Ю.Г. Из истории борьбы с детской преступностью на Северном Кавказе в 1921-1925 г.г. // Ростовский-на-Дону университет: Научная теоретическая конференция аспирантов, 10-я. 1969. Материалы. Серия гуманитарных наук. Ростов-на-Дону, 1969. С. 96.

⁷⁸ Леонова Н.А. Детский вопрос в 1920-е годы в отечественной историографии и на страницах периодической печати тех лет (по материалам Северного Кавказа) // Вестник СГПИ. 2006. № 8. С. 121

⁷⁹ Парфененко В. Крупская пишет ставропольцам // Ставропольская правда. 1969. № 43. 20 февраля. С. 4; Шипилова Р.А. А. Луначарский на Дону и Северном Кавказе (1920-1930) // Общественные науки. 1976. № 2. С. 34; Кузьмин М.С. Деятельность партийных советских и общественных организаций по ликвидации неграмотности на Северном Кавказе в годы первой пятилетки. Ставрополь, 1985; Петренко П.И. Комсомол Северного Кавказа в борьбе за ликвидацию безграмотности (1919-1929) // Некоторые вопросы педагогики. Ставрополь, 1970; и др.

⁸⁰ Кулешина Л. Дети, голод и разруха // Молодой ленинец. 1976. № 208. 23 октября. С. 2.

реждений и организаций, как советских, так и зарубежных. В работе А.И. Кругова по истории Ставропольского края затронута деятельность американской благотворительной организации – АРА, оказавшей существенную помощь населению, как взрослому, так и детям, в условиях голода. По подсчетам Американской административной помощи, только на Ставрополье голодало 140 тыс. детей⁸¹.

Исследуя деятельность АРА на Ставрополье, О.Б. Маслова отмечает недоверчивое отношение к ней со стороны местных властей и населения, подчеркивая при этом ее значимость в условиях масштабного голода 1921-1922 гг., особенно для детского населения, которое снабжалось продовольствием в первую очередь – "к весне 1922 г. объем продовольствия, переправленного в посылках, составлял 75 тонн, что позволило кормить в течении трех месяцев 3 миллиона 600 тысяч детей"⁸².

Важную роль в решении продовольственной проблемы и организации питания детского населения губернии в условиях голода 1920-х гг. сыграла потребительская кооперация, имеющая свои столовые и распределительные пункты. Эта проблема затрагивается в работах Н.А. Леоновой, где отмечено, что ставропольские кооперативы в первую очередь снабжали продуктами детей дома "Матери и ребенка" до одного года и от одного до трех лет, приютских детей от трех до восьми лет и от восьми до шестнадцати. Во вторую очередь снабжались остальные дети, беременные и кормящие женщины⁸³.

Зачастую детский вопрос рассматривался в рамках общих работ по истории 1920-х гг., в частности, новой экономической политики, истории культуры, быта и т.д.⁸⁴

⁸¹ Кругов А.И. Ставропольский край в истории России. Ставрополь, 2001. С. 178; Он же. АРА – детям // Вечерний Ставрополь. 1990. № 165-166. 16 августа. С. 2

⁸² Маслова О.Б. Американская администрация помощи и голод на Ставрополье 1921-1922 гг. // Проблемы российской и европейской истории: общественно-политический и социально-экономический аспекты. Ученые записки. Вып. 12/ Под общей ред. В.П. Ермакова. Пятигорск, 2009. С. 127

⁸³ Леонова Н.А. Потребительская кооперация Северного Кавказа в 20-е годы XX века: автореф. дис... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2004; Леонова Н.А. Место и роль потребительской кооперации Северного Кавказа в повседневной жизни региона (вторая половина 20-х годов XX века) / ЧеловЕК: Научный альманах. Ставрополь, 2005. С. 134; Ребенок в эпоху перемен: дети Ставрополья в условиях голода 1921-1922 годов // История: перекрестки и переломы: материалы Международной научной конференции (Волгоград, 11-13 мая 2007 г.) / под ред. И.А. Семенова. Волгоград: ВГПУ, 2007. С. 117-118; и др.

В этой связи представляет интерес автобиографичная работа Г.И. Петрова, в которой автор предпринял попытку показать свое детское восприятие социально-экономической и политической ситуации в Ставрополе в условиях НЭП. В сознании подростка отразилось и отношение к детям местных нэпманов, и последствия голода в городе, и спекуляция и многое другое⁸⁵.

Широко представлены работы по истории Ставропольского края, в которых в контексте изучения вопросов политического, экономического, социального и культурного развития, затрагивались некоторые аспекты истории детства⁸⁶.

Несомненно, среди работ выделяется сборник документов "Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917-1929 годах", под редакцией доктора исторических наук, профессора Т.А. Булыгиной. Отличительной особенностью издания является обращение к ранее не изучавшимся комплексно архивным источникам, отражающим социокультурные

⁸⁴ НЭП на Ставрополье. Штрихи жизни и быта (1921-1926) // Молодой ленинец. 1988. № 247, 27 декабря. С. 5; Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / сост. Крюкова С.С. М., 2001; Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Здравоохранение Ставрополя (1918 -2005). Ставрополь, 2007; Чернопицкий П.Г. Деревня Северо-Кавказского края в 1920 – 1929 гг. Ростов н/Д, 1987. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северо-Кавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск. 2006; Хубулова С.А. "Неудобный класс": некоторые проблемы социально-экономического и этнодемографического развития доколхозного Северо-Кавказского крестьянства. Владикавказ, 2003; и др.

⁸⁵ Петров Г.И. НЭП в Ставрополе в воспоминаниях подростка тех времен (1923-1930). Ставрополь, 2004.

⁸⁶ Наш край: Документы и материалы (1917-1977 гг.). Ставрополь, 1983; Ставрополье за 50 лет. Сборник статистических материалов. Ставрополь, 1968; Край наш Ставрополье. Ставрополь, 1999; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988; Народное хозяйство Ставрополья за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. Ставрополь, 1987; Невская Т. А., Чекменев С. А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Минеральные воды, 1994; Энциклопедический словарь Ставропольского края. Ставрополь, 2006; Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII в. по 1920 г. Ставрополь, 2008; Акопян В.З. Национально-государственное и административно-территориальное строительство на Северном Кавказе в 20-30 гг. XX в. Пятигорск, 2009; История городов и сел Ставрополья. Ставрополь, 2002; Край наш Ставрополье: очерки истории / под ред. проф. Д.В. Кочура и проф. В.П. Невской. Ставрополь, 1999; История Кабардино-Балкарской АССР. Т. I-II. М., 1959; История народов Северного Кавказа. Т. 1-й. М., 1988; История Северо-Осетинской АССР. М., 1959; Очерки истории Адыгеи. Т. I. Майкоп, 1957; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. I. Ставрополь, 1967. Т.Н. Ставрополь, 1972; Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996; Очерки истории Ставропольского края. Т. 1-й. Ставрополь, 1999; и др.

процессы локального сообщества Ставрополя, позволяющим пополнить историческую память новыми данными о массовом сознании южнороссийской провинции в 1930-х годах и представить местный социум как систему. Документы (заявления, жалобы, прошения, протоколы заседаний органов власти, другие материалы) отражают особенности ментальности и настроений жителей Ставрополя в период массовой коллективизации крестьянских хозяйств, содержат описание повседневности и быта, показывают эволюцию отношений населения с местной властью и др.⁸⁷

Особого внимания заслуживают исследования по истории коллективизации и раскулачиванию на Северном Кавказе И.Е. Зеленина, А.И. Козлова, Н.А. Мальцевой, И.И. Некрасовой, А.Ш. Бейбулатова, где судьбы детей рассматриваются в контексте исторических перипетий тех лет⁸⁸.

⁸⁷ Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917-1929 года. Сб. документов / Под ред. Т.А. Булыгиной. Ставрополь, 2009.

⁸⁸ Турчанинова Е.И. Подготовка и проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства на Ставрополье. Душанбе, 1963; Бербеков Х.М. Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1964.; Чеучев Н.Ш. Из истории борьбы адыгейской партийной организации за социалистическое преобразование народного хозяйства в годы первой пятилетки. Майкоп, 1967; Коджесау Э.Я. Социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства Адыгеи (1926-1933) // Сборник статей по истории Адыгеи. Майкоп, 1967; Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927-1937 гг.). Краснодар, 1972.; Чернопицкий П.Г. Деревня Северо-Кавказского края в 1920-1929 гг. Ростов-на-Дону, 1978; Кропачев С.А. Большой террор на Кубани. Краснодар, 1993; Некрасова И.И. Коллективизация в сельском хозяйстве Ставропольского края (конец 20-х-начало 30-х гг.): оценки и выводы. Пятигорск, 2004; Игонин А.В. Партийно-государственная политика в сельских районах Ставрополья, Кубани и Дона: историко-политический и теоретический аспекты (1928-1934 гг.): Автореф...дис. канд ист. наук. Ставрополь, 1997. Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. и "демографической катастрофе" 1940-х гг. в СССР // Вопросы истории. 1988. №3. С.116-121; Дьяченко С. Страшный месяц пух-кутень // Огонек. 1989. №27. С.22-25; Зеленин И.Е. "Сплошная коллективизация" – основной фактор социально-экономических и демографических деформаций в советской деревне // Новые страницы истории Отечества (По материалам Северного Кавказа) : Межвузовский сборник научных статей. Выпуск I. Ставрополь. С. 151 -174; Он же. Крестьянство и власть в СССР после "революция сверху" // Вопросы истории. 1996. №7. С. 14-31; Осколков Е.Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991; Фокин В.А. Социально-экономические преобразования в национальных районах Северного Кавказа в 1918-1920 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 1988; Козлов А.И. Некоторые вопросы общественно-экономического развития и социального состава Дона и Северного Кавказа накануне Октября // Социально-экономическая структура населения Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Дону, 1984; Козлов А.И. Социально-эконо-

Важное место среди работ по истории детства занимают сборники документов и материалов разных лет. Среди этих работ выделяется сборник "Дети ГУЛАГа. 1918-1956" под редакцией академика А.Н. Яковлева, в котором в ряде документов отражено положение детей Северного Кавказа в исследуемый период⁸⁹.

Несомненно, заслуживают внимание работы, изданные в рамках краевой комплексной научно-исследовательской лаборатории "Антропология детства", функционирующей на базе ГБОУ ВПО "Ставропольский государственный педагогический институт" и занимающейся исследованиями в области педагогической, философской и исторической антропологии и ювенального права. Издаваемые лабораторией хрестоматии и сборники документов являются одними из немногих, знакомящих широкий круг читателей с региональными источниками о детях и детстве⁹⁰.

Работы, посвященные истории национальных областей Северного Кавказа, хотя и опосредованно затрагивают историю детства, но, отражая местную этническую и национальную специфику, особенности быта и воспитания, в целом исторический контекст, позволяют составить общее представление об особенностях социально-экономического и историко-культурного развития исследуемых регионов. Среди этих работ хотелось бы отметить М.А. Магомедова, П.И. Юсупова, А.И. Козлова, Ш.М. Магомедова, и др.⁹¹

мические отношения на Северном Кавказе накануне Октября // История народов Северного Кавказа. М., 1980; Бейбулатов А.Ш. Кулацкий вопрос на Северном Кавказе: эволюция и особенности решения: 1928-1935 гг.: автореф...дис. канд ист. наук. Пятигорск, 2006; и др.

⁸⁹ Дети ГУЛАГа. 1918-1956 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский и др. (Россия. XX век. Документы). М., 2002.

⁹⁰ Деревенские дети России XIX – начала XX в.: хрестоматия / отв. ред. Е.Г. Пономарев. – Ставрополь, 2009. Ч. 1.; Дети войны: 1941–1945 гг. (антропологический аспект): хрестоматия / отв. ред. Е.Г. Пономарев. Ставрополь, 2011; Дети города: Россия (вторая половина XIX – начало XX в.): хрестоматия / отв. ред. Е.Г. Пономарев. Ставрополь, 2008; и др.

⁹¹ Магомедов М.А. Горцы Северного Кавказа и социалистическая революция: правда истории и домьслы антикоммунистов. Махачкала, 1980; Магомедов Ш.М. Северный Кавказ в трех революциях (на материалах Дагестанской и Терской областей). М.: Наука, 1986; Козлов А.И. Некоторые вопросы общественно-экономического развития и социального состава Дона и Северного Кавказа накануне Октября // Социально-экономическая структура населения Дона и Северного Кавказа. Ростов-н/Дону, РГУ, 1984; Козлов А.И. Социально-экономические отношения на Северном Кавказе накануне Октября // История народов Северного Кавказа. М., 1980; Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества. СПб, 1996; Вопросы партийного руководства по

История детской беспризорности и сиротства получила широкое освещение в историографии, в том числе, региональной. Однако, как отмечает Е.Н. Володькова, в дореволюционной и современной исторической науке нет крупномасштабного исследования о борьбе с детской беспризорностью на Ставрополье и Кубани⁹². Автор указывает на наличие в работах по истории благотворительности конца XIX в. сведений о беспризорных детях в Ставропольской губернии и Кубанской области у Я.В. Верещака в работе "Общественное призрение в г. Екатеринодаре", в "Обзрении XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебным заведениям Святой Александры, составленное членом секретарем Ставропольского губернского статистического комитета И.В. Бентковским, а также на отсутствие в работах советского периода освещения данной проблематики.

В 1990-е стали появляться статьи, посвященные благотворительной деятельности на Ставрополье и Кубани, в которых проблема детской беспризорности и сиротства рассматривается фрагментарно, без исследования причин возникновения, способов борьбы с данным социальным недугом местных властей, общественных и государственных благотворительных организаций. Среди них работы В.И. Громова, Л.Е. Оспишева, Н.Ф. Шинкаренко, Е.А. Кулишовой, В.Н. Гурова и др.⁹³

Этой проблеме посвящены несколько диссертационных работ, среди которых хотелось бы отметить докторскую диссертацию Т.Е. Покотиловой о роли благотворительности в социальной истории дореволюционной России, Н.В. Вантеевой по истории общественного призрения на Ставрополье и Кубани в XIX – начале XX вв., Ю.В. Нагорной о роли женщин в благотворительном процессе второй половины XIX – начала XX веков (на материалах Терской области и Ставропольской губернии) и др.⁹⁴

ликвидации национального неравенства народов Карачаево-Черкесии (1917-1941 гг.) / ред. М. М. Бекижев. Черкесск, 1984.; Юсупов П.И. Первые шаги культурно-строительства в Чечено-Ингушетии (1920-1925 гг.) // Известия: статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Т.VIII. Вып.1. Грозный; и др.

⁹² Володькова Е.Н. Борьба с детской беспризорностью на Юге России в 1775-1917 гг.: на материалах Ставрополья и Кубани: автореф. дис... канд. ист.н. Ставрополь, 2008.
⁹³ Там же. С. 14.

⁹⁴ Володькова Е.Н. Борьба с детской беспризорностью на Юге России в 1775-1917 гг.: на материалах Ставрополья и Кубани: автореф. дис... канд. ист.н. Ставрополь, 2008. – С. 14.

Ликвидация массовой детской беспризорности в Советской России и на Ставрополье получила отражение также в работе О.Б. Масловой, А.А. Славко, Ж.К. Касаевой и др.⁹⁵ Авторы предприняли попытку исследовать причины, характер и социальный портрет детской беспризорности, показать ее как результат изменения общественно-политической ситуации в Советской России, а также проследить особенности и этапы становления государственных органов советской власти и общественных организаций по борьбе с массовой детской беспризорностью и возросшей преступностью несовершеннолетних в первой половине 1920-х гг. и в целом создания социально-реабилитационной системы для нуждающихся детей. Несомненный интерес представляет исследование особенностей регионального состояния детской беспризорности, численного и социального состава данного явления на основе архивных материалов.

Наиболее изучена в региональной историографии социальная политика государства, направленная на защиту института детства в разные исторические периоды. Так, в работах Н.А. Самсоновой предпринята попытка на местных материалах проанализировать и обобщить государственную и общественную практику по ликвидации детской беспризорности в 1920-е – 1930-е гг.⁹⁶

Изучение вопросов охраны материнства и детства в условиях Северного Кавказа в рамках гендерной истории как направления современного исследования предоставляет значительный объем материалов по истории детства в разные исторические периоды. Эту проблему поднимают в своих исследованиях О.И. Шафранова, Э.Г. Колесникова, Е.М. Марченко и др.⁹⁷

⁹⁵ Маслова О.Б. Ликвидация массовой детской беспризорности в Советской России в 1920-е годы: автореф. дис... канд. ист.н. Пятигорск, 2010; Славко А.А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие Советской власти: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2005; Касаева Ж.К. Деятельность государственных учреждений и общественных организаций Северной Осетии по борьбе с детской беспризорностью (1920-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2006; и др.

⁹⁶ Самсонова С.А. Политика и социальная практика преодоления детской беспризорности на Ставрополье и Терек в 20 – 30-е гг. XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2012; Самсонова С.А. К вопросу о понятии "Детская беспризорность" // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 12(80). С. 358-363; Самсонова С.А. Представление беспризорников о мире как пример маргинального сознания / Материалы Всероссийской интернет-конференции "Новая локальная история: город и село в виртуальном и интеллектуальном пространстве" // <http://www.newlocalhistory.com/te1conг/2007/>; и др.

⁹⁷ Мальцева К.В. Частная и организованная благотворительная деятельность женщин Ставропольской губернии и Кубанской области во второй половине XIX – начале

Так, Е.М. Марченко, исследуя материнство как сложный исторически обусловленный культурный феномен и его трансформацию в условиях Северного Кавказа в период с конца XIX в. по конец 1920-х гг., пришла к выводу о том, что, несмотря на многочисленность работ, нет обобщающих исследований, дающих представление о месте и социальном статусе женщины-матери в местных обществах Северного Кавказа, а также демонстрирующих эволюцию института материнства в изменяющихся исторических условиях на протяжении периода со второй половины XIX в. – по конец 1920-х гг.⁹⁸

Интересна типология материнства, обусловленная особенностями Северного Кавказа, предлагаемая автором: горский славянский и советский (индустриальный) типы, каждый из которых предопределял особое отношение к детям и специфику детского цикла обычаев и обрядов в своих границах.

Наряду с исследованием различных аспектов детства в условиях 1920-х-30-х гг. большое внимание в региональных работах уделяется периоду Великой Отечественной войны. Положение детского населения в годы войны, политика местных властей, общественных и государственных организаций в решении этого вопроса с использованием новых архивных и нарративных источников исследуются в рамках диссертационных работ⁹⁹.

XX вв.: дис...канд. ист. наук. Ставрополь, 2007; Шафранова О.И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в.: дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004; Колесникова Э.Г. Гендерные представления и стереотипы ставропольского провинциального общества в последней четверти XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2007; Марченко Е.М. Историческая эволюция института материнства у народов Северного Кавказа (вторая половина XIX -20-е гг. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009; Смирнова Я. С. Трудовые роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 1997. №4. С.48-59; Тевдеева Н.В. Женщины Северной Осетии в контексте модернизационных процессов 1920-1930-х гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008; и др.

⁹⁸ Марченко Е.М. Историческая эволюция института материнства у народов Северного Кавказа (вторая половина XIX -20-е гг. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009. С.21.

⁹⁹ Леонова Н.А. Ребенок в условиях войны: дети Ставрополя в годы оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.) // Педагогическая наука и практика – региону: Материалы Всероссийской интернет-конференции (Ставрополь, 29 мая 2014 г.). Ставрополь: ГБОУ ВПО СГПИ, 2014. С. 41-45; Бондарев В.А. Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев): дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2001; Бондаренко С.И. Государственная политика в детском вопросе на Ставрополье в годы ВОВ (1942-1945 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2015; и др.

Помимо диссертационных работ следует отметить монографические исследования В.А. Бондарева и Е.В. Панариной, которые стали одними из первых в масштабах северокавказского региона ¹⁰⁰.

В рамках исследований жизни детей на оккупированной немецкими войсками территории Ставропольского края в научный оборот вводятся новые архивные документы, свидетельства очевидцев и участников событий военных лет, проанализированы особенности учебного процесса в школах региона и влияние на него нацистской идеологии.

Так, С.И. Бондаренко, на региональном материале исследуя государственную политику, направленную на решение детского вопроса в годы ВОВ, пришла к выводу о том, что она стала зримым и убедительным доказательством заботы о детях. Несмотря на то, что при ее проведении не удалось избежать ошибок и потерь, автор отмечает преобладание положительных проявлений. Опыт военного времени в проведении государственной детской политики в масштабах всей страны и Ставропольского края заслуживает внимания и может быть использован в современных условиях. В этом автор видит проявление связи времен, а также преемственность в проведении жизненно необходимой для государства политики в детском вопросе ¹⁰¹.

Следует отметить детальный анализ состояния детского населения края в годы ВОВ в работах С.И. Бондаренко, посвященных состоянию детских домов, участию школьной молодежи в работе тыла, государственной политике и мероприятиям местных властей по организованной борьбе с детской беспризорностью в исследуемый период ¹⁰².

¹⁰⁰ Бондарев В.А. Селяне в годы Великой Отечественной войны: российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – Ростов н/Д, 2005; Панарина Е.В. Решение социальных проблем населения Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: монография. Армавир, 2009.

¹⁰¹ Бондаренко С.И. Государственная политика в детском вопросе на Ставрополье в годы ВОВ (1942-1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2015. С. 27.

¹⁰² Бондаренко С.И. Участие школьной молодежи Ставропольского края в социально-экономических мероприятиях в первый год Великой Отечественной войны / Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VI. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18-19 ноября 2013 г. Пятигорск, 2013. С. 49-54; Бондаренко С.И. Состояние детских домов Ставропольского края после освобождения края от немецких оккупантов в 1943 году / Университетские чтения-2014. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть XI. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. С.74-80; Бондаренко С.И. К вопросу о деятельности детских домов Ставропольского края в завершающий период Великой Отечественной войны (январь 1943 г. – май 1945 г.) Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – V. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18-19

Участие школьной молодежи Ставропольского края в социально-экономических мероприятиях на начальном этапе военных действий, состояние детских домов, детских и учебных учреждений, профилактика детской беспризорности, решение вопросов социального сиротства, и другие аспекты истории детства в годы ВОВ получили отражение в работах А.С. Бутова, В.А. Агеевой, И.Ю. Сомовой, С.И. Линца, Н.С. Дронова и др. ¹⁰³

ноября 2012 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. С.40-44; Бондаренко С.И. Перестройка работы детских и учебных учреждений Ставропольского края в первый год Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – июль 1942 г.) / Проблемные зоны истории: исследовательские практики. Ученые записки. Выпуск XVI / под ред. В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. С. 41-49; Бондаренко С.И. Борьба с детской беспризорностью и беспризорностью в Ставропольском крае в годы Великой Отечественной войны // Кавказ: исторические вызовы и современная практика их преодоления. Симпозиум XII. Материалы VII Международного конгресса "Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество". 14-18 октября 2013 года. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. С.20-25; Бондаренко С.И. Детская беспризорность и беспризорность на Ставрополье в 1943-1944 гг.: состояние и пути решения проблемы // Материалы Международной научной конференции "Актуальные проблемы Северо-Кавказского федерального округа в условиях формирования туристско-рекреационного кластера" / под ред. Т.А. Шебзуховой, И.М. Першина, Е.А. Семенович, Н.С. Лимаревой. Пятигорск: ФГАОУ ВПО "СКФУ" (филиал) в г. Пятигорске, 2013. В двух томах. Т.II. С. 120-125; Бондаренко С.И. Возрождение сети учебных заведений в Ставропольском крае в 1943-1944 гг. // Казанская наука. 2012. №5; Бондаренко С.И. Состояние школьного образования на оккупированной немецкими захватчиками территории Ставропольского края (август 1942 г. – январь 1943г.) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. №1. С.189-195; Бондаренко С.И. Изменения в системе школьного и профессионально – технического образования на Ставрополье в начальный период Великой Отечественной войны // Научная мысль Кавказа. 2014. №2. С.82-89; Бондаренко С.И. Состояние системы школьного образования на Ставрополье к началу оккупации края немецкими войсками (август – сентябрь 1942 года) / Молодая наука – 2013: Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Часть XVIII. Пятигорск: ПГЛУ, 2011; Бондаренко С.И. К вопросу о деятельности детских домов Ставропольского края в завершающий период Великой Отечественной войны (январь 1943 г. – май 1945 г.) Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – V. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18-19 ноября 2012 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. С.40-44; и др.

¹⁰³ Бутов А.С. Трудовой подвиг сельской молодежи Ставрополья в годы Великой Отечественной войны / 50 лет Победы в Великой Отечественной войне. Материалы региональной научно-практической конференции. Ставрополь, 1995. С.85-86; Дронова Н.С. Школа Ставрополья в период Великой Отечественной войны. С. 86-87; Семенова В.Е. Война и молодежь. Историко-теоретический аспект. Там же. – С. 92-93; Габанти А.Б. Профилактика детской беспризорности в Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4-4. С.49; Агеева В.А. Войной опаленное детство: система школьного и

Источники, опубликованные в ряде работ по истории Ставропольского края, дают представление о деятельности краевых, городских и районных органов власти в период Великой Отечественной войны, в том числе и в решении детского вопроса¹⁰⁴.

Среди работ хрестоматийного характера, составленных на основе разнообразных источников, отражающих различные аспекты по истории детства в годы ВОВ, следует отметить хрестоматию "Дети войны: 1941-1945 гг. (антропологический аспект)", подготовленную в рамках краевой научно-исследовательской лаборатории "Антропология детства" ГБОУ ВПО "Ставропольский государственный педагогический институт", особенностью которой стала "попытка авторов-составителей отразить региональную специфику положения детей и подростков Ставрополья в годы Великой Отечественной войны".¹⁰⁵

История казачества, представленная в работах А.Ф. Григорьева, М.Ф. Куракеевой, Т.А. Невской, Т.Е. Покотиловой, Н.И. Булгаковой, С.А. Книевского, А.Б. Гордиенко и других, дает материал, позволяющий составить представление об особенностях воспитания и отношения к детству как существенной составляющей культуры и быта казачьего населения Северного Кавказа¹⁰⁶.

профессионально-технического образования Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Таганрог, 2007; Сомова И.Ю., Линец С.И. Культурные и религиозные учреждения Ставропольского края в период Великой Отечественной войны. Пятигорск, 2009; и др.

¹⁰⁴ Ставрополье в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.): Сборник документов и материалов. Ставрополь, 1962; Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сборник документов. Черкесск, 1990; Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.). Документы и материалы. Ставрополь, 2000; Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005; Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1930-1940 годах (Сборник документов). Ставрополь, 2010; и др.

¹⁰⁵ Дети войны: 1941-1945 гг. (антропологический аспект): Хрестоматия / ответственный редактор Е.Г. Пономарев. Ставрополь, 2011.

¹⁰⁶ Куракеева М.Ф. Казаки Верхней Кубани и Зеленчуков: материальная и духовная культура. Черкесск, 1994; Невская Т. А., Чекменев С. А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Минеральные Воды, 1994; Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995; Григорьев А.Ф. Этническая картина мира гребенских казаков (на примере ритуально-обрядовых традиций и песенного фольклора) / под науч. ред. д. филос. н., проф. И.И. Горловой. – Ставрополь : Возрождение ; Ставролит, 2011; Книевский С.А. Формирование государственно-правового статуса российского казачества в дореволюционной России // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. 2014. Вып. 15. С. 355-362; Гордиенко А.Б. Сва-

Спецификой исторических работ регионального характера является их тесное переплетение с этнографией, поскольку авторы широко используют этнографические материалы при изучении быта, культуры, обрядности кочевых и горских народов Северного Кавказа. Это, с одной стороны, усложняет работу исследователя, с другой – предоставляет богатейший эмпирический материал, позволяющий расширить рамки и провести комплексное исследование¹⁰⁷.

Изучению детского цикла обычаев и обрядов, особенностей воспитания и обучения детей, проблемам родительства и детства посвящены работы Я.С. Смирновой, С.Ш. Гаджиевой, Т.З. Бесаевой.¹⁰⁸

Так, Л.Х. Боташева, исследуя особенности детского цикла обычаев и обрядов у карачаевцев, пришла к выводу о том, что рождение ребенка рассматривалось не только как главное условие существования семьи, но и этноса в целом. Поэтому во всех обычаях и обрядах, связанных с рождением и воспитанием ребенка, общество в лице родственников, соседей и просто односельчан принимало активное участие¹⁰⁹.

Подробное исследование всех, связанных с данным комплексом обрядности проблем, возможно, по мнению автора, только в комплек-

дебные обряды и семейные традиции казаков Старопапавловской XIX – первой половины XX в.; Казачество в истории Ставрополья / Невская Т.А., Покотилова Т.Е., Клычников Ю.Ю., Булгакова Н.И., Великая Н.Н. и др. Ставрополь, 2014; и др.

¹⁰⁷ Культура и быт народов Северного Кавказа (1917-1967 гг.) / под ред. В.К. Гарданова. М., 1968; Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961; Курбанов А.В. Ставропольские туркмены. Историко-этнографический очерк. СПб., 1995; Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / отв. ред. Л.И. Лавров. Черкесск, 1978; Мамбетов Г.Х. Традиционная культура абардинцев и балкарцев. Нальчик, 2002; Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX – начала XX в. Нальчик, 1991; и др.

¹⁰⁸ Смирнова Я.С. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа // КЭС. М., 1976. Вып. 6; Боташева Л.Х. Детский цикл обычаев и обрядов у карачаевцев: конец XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... к.ист.н. Ставрополь, 2009; Бесаева Т.З. Обряды и обычаи осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ...к.ист.н. М., 1982; Дбар С.А. Обряды и обычаи абхазов, связанные с рождением и воспитанием ребенка (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис... к.ист.н. М., 1985; Соловьева П.Т. Грузия. Этнография детства. М., 1995; Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков. Элиста, 1982; Смирнова Я.С. Воспитание ребенка у абхазов. // КСИЭ. М., 1962. Вып. 36; Гостиева Л.К. Трудовое воспитание в осетинской крестьянской семье в конце XIX – начале XX в. // Проблемы истории СССР. М., 1980; и др.

¹⁰⁹ Боташева Л.Х. Детский цикл обычаев и обрядов у карачаевцев: конец XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... к.ист.н. Ставрополь, 2009. С. 13.

се с изучением материальной, духовной культуры – и в первую очередь – семейного и общественного быта, поведенческих норм¹¹⁰.

Отдельную группу составляют работы по этнопедагогике, в которых исследуются особенности традиционной педагогической культуры карачаевцев, дагестанцев, осетин, абхазов и других народов Северного Кавказа (З.З. Азашикова, Х.Х-М. Батчаевой, Ш.А. Мирзоева)¹¹¹.

В рамках работ историко-этнографического характера, выполненных на материалах Северного Кавказа К.Р. Амбарцумян, Р.Х. Керейтовым, А.А. Магомедовым, Я.С. Смирновой, С.Ш. Гаджиевой, в качестве самостоятельного направления выделяется история семьи, исследующая особенности семейно-брачных отношений у народов Северного Кавказа¹¹².

М.И. Гаджиева, исследуя трансформацию института семьи и брака у народов Дагестана, пришла к выводу, что, несмотря на модернизацию семейных отношений, заметно вырос интерес к традиционным ценностям. Основной формой семьи в современном Дагестане является малая индивидуальная семья в ее нуклеарной форме, в которой совместно с родителями проживают поженившиеся сыновья с внуками. Средний состав такой семьи обычно состоит из пяти – шести человек. Сохранившиеся "неразделенные" семьи, состоящие из родителей и детей с внуками можно встретить в горах Дагестана и в настоящее время. Современному типу дагестанской семьи соответствует эгалитарное распределение прав и обязанностей между супругами¹¹³.

¹¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹¹ Азашиков З.З. Этнопедагогическая культура адыгов. Майкоп, 2004; Батчаева Х. Х-М. Традиционная педагогическая культура карачаевского народа (история, теория и практика). Казань, 2002; Мирзоев Ш.А. Народная педагогика: словесные средства воспитания. Махачкала, 1984; Гуртуева М.Б. К вопросу о народной педагогике балкарцев // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1970. Вып. 3; Она же. Этнопедагогика карачаево-балкарского народа. Нальчик, 1997; и др.

¹¹² Амбарцумян К.Р. Семейные отношения в локальных обществах второй половины XIX – начала XX (на примере Ставрополя и Терека): автореф. дис... к.ист.н. Ставрополь, 2010; Керейтов Р.Х. Семья и брак у кубанских ногайцев в прошлом и настоящем: автореф. дис... к.ист.н. М., 1973; Магомедов А. А. Семья на Северном Кавказе. Ставрополь, 1999; Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев, XIX – начало XX в. М., 1979, Она же. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. М., 1985; Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е. Материалы к серии "народы и культуры". Вып. XXVII. Кн. 3. Народы Кавказа. Семья и семейный быт. 4.1. Формирование, тип и структура. М., 1995; Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983; Гаджиева С.Ш. Очерки семьи и брака у ногайцев. М., 1979; Она же. Семья и брак у народов Дагестана. М., 1985; и др.

¹¹³ Гаджиева М.И. Семья Дагестана в традиционном и современном обществе: XIX-XX вв.: автореф. дис... д.ист.н. Махачкала, 2004. С. 19.

Детское и молодежное движение частично получило освещение в работах, посвященных истории общественным организациям Ставрополя и Северного Кавказа, которые охватили сферу просвещения, обороны, социальной помощи и взаимопомощи, международных связей, быта и досуга граждан¹¹⁴. Авторы, наряду со взрослыми, исследуют детские и юношеские организации и общества. Н.Ж. Капустина, изучая массовые общественные организации Ставрополя в 1920-е годы (профсоюзы, кооперацию, комсомол, общество Красного Креста и Красного полумесяца, Ставропольское и Терское отделение Международного общества помощи борцам революции, губернское (окружное) общество "Долой неграмотность"), отдельно анализирует общества "Друг детей", деятельность которого была направлена на защиту детского населения края в условиях голода и послереволюционной разрухи¹¹⁵.

¹¹⁴ Любушкина Е.Ю. Общественные организации Ставропольской губернии и Кубанской области в период с 1860 г. по октябрь 1917 г.: дис... к.ист.н. Ставрополь, 2004; Бондаренко Г.Н. Роль профсоюзов Кубани и Ставрополя в повышении трудовой и политической активности трудящихся в восстановительный период (1921-1925 гг.): дис...к.ист. н. Ставрополь, 1985; Алиева Н.Б. Образование и деятельность организации МОПР на Северном Кавказе (1923-1929 гг.): дис...к.ист. н. СПб., 1993; Кравченко Г.В. Политические процессы и общественные организации на Дону, Кубани и Ставрополье в I пол. 20-х годов: Дисс...к.ист. н. Ростов-на-Дону, 2002; Ногина Е.В. Социокультурное развитие городского населения Ставрополя в 1920-1930 годы: опыт исторического исследования: дис...к.ист. н. Ставрополь, 2004; Трусова Е.М. Массовые организации трудящихся Дона и Северного Кавказа в период борьбы за победу социалистической революции: дис...к.ист. н. Ростов на/Д, 1984.и др.

¹¹⁵ Капустина Н.Ж. Ставропольское общество "Друг детей" в 20-е годы XX века // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Выпуск XI. М., 2004. С. 133-135; Капустина Н.Ж. Механизм контроля общественных организаций и гражданское общество в России в 20-е годы XX века (на материалах Ставропольского округа) // Проблемы становления гражданского общества на юге России. Армавир, 2004. С. 29-31; Капустина Н.Ж. Изба-читальня – центр культурного и политического просвещения ставропольской деревни в 1920-е годы // Новая локальная история. Выпуск 2. Ставрополь, 2004. С. 112-116; и др.

¹¹⁶ Артищев А.А., Найденов Г.В. Становление и развитие начального профессионального образования в Ставропольском крае (исторический аспект). Ставрополь, 2007; Нестеров А.С. История профессионально-технического образования на Ставрополье и Кубани (1940-1980 гг.): авт. дис...к. ист.н. Ставрополь: СГУ, 2006; Беликов Г. Ставрополь. Своя строка в истории...Очерки истории образования и медицины. Ставрополь, 2003; Леонова Н.А. Дошкольное воспитание и общеобразовательная школа для детей-инвалидов в 1917–1920-е гг. (по материалам постановлений, декретов и резолюций) // Антропологические основы современного педагогического образования: материалы IV Международной научной конференции (Ставрополь, 17-18 октября 2007 г.) / под ред. Л.Л. Редько. Ставрополь: СГПИ, 2007. С. 474-477;

Нельзя, конечно, в качестве отдельной темы, в рамках которой изучается детство, не отметить историю образования. Проблема профессионального образования на Ставрополье получила отражение в работах А.А. Артищева, Г.В. Найденко, Н.А. Леоновой, А.С. Нестерова и др.¹¹⁶

Исследуя школьную систему образования Северного Кавказа, Ф.Г. Гаджиева, М.С. Омаров, Ш.А. Мирзоев и др. отмечали особенности вовлечения в нее детского населения национальных областей региона, как горных, так и равнинных территорий, влияние на особенности обучения и воспитания местных традиций и обычаев¹¹⁷. Ф.Г. Гаджиева, изучая развитие школьной системы образования в Дагестане, пришла к выводу о том, что в конце XIX – начале XX в. в городах Дагестана появляются женские гимназии, но лишь в Темир-Хан-Шуринской женской гимназии обучалось некоторое число девочек-горянок. В начале XX в. в некоторых крупных сельских населенных пунктах Дагестана возникли казенные начальные училища, в которых обучались и девочки. Перед Февральской революцией во всех 60 сельских начальных школах Дагестанской области обучалось 189 девочек¹¹⁸.

Леонова Н.А. Среднее профессиональное образование на Ставрополье в 1920-е – 1930-е гг. // Вестник СГПИ. 2009. № 12. С. 155-168; Леонова Н.А. Образовательная политика советского государства в отношении детского населения: дети и подростки и среднее профессиональное образование на Ставрополье в 1920-е гг. // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 6. С. 159-163; Леонова Н.А. Подготовка педагогических кадров в системе среднего профессионального образования в 1920-1930-е гг. на Ставрополье // Антропологические особенности педагогической профессии как основа стандартов подготовки: педагога для новой школы: материалы X Международной научно-практической конференции (Ставрополь, апрель, 2013 г.). Ставрополь, 2013. С. 34-38; и др.

¹¹⁷ Губарев С.Ф. Из истории строительства Советской школы в национальных республиках Северного Кавказа // Известия Северокавказского научного центра высшей школы. 1982. № 1; Мирзоев Ш.А. Народная педагогика Дагестана: Содержание, формы и методы воспитания. Махачкала, 1986; Гаджиева Ф.Г. Развитие школьной системы образования в Дагестане в XIX – первой трети XX в.: автореф. дис...к.ист.н. Махачкала, 2004; Магидов Х.Г. Очерки краткой истории развития образования в Дагестане. Махачкала, 1998; Омаров С.М. Развитие советской школы в Дагестане / Вопросы учебно-воспитательной работы в школе. Махачкала, 1966; Он же. Школьное образование в дореволюционном Дагестане // Школьное образование в Дагестане. Махачкала, 1968; Он же. Первые годы строительства Советской школы в Дагестане. Махачкала, 1968; Он же. Развитие народного образования в Дагестане // Советскому Дагестану 50 лет. Махачкала, 1971; Он же. Основы народной педагогики Дагестана. Махачкала, 2000; и др.

¹¹⁸ Гаджиева Ф.Г. Развитие школьной системы образования в Дагестане в XIX – первой трети XX в.: автореф. дис...к.ист.н. Махачкала, 2004. С.20.

Т.о., региональная историография детства представлена многочисленными и разнонаправленными исследованиями, в рамках которых выделяются такие научные направления, как история детства, история образования, гендерная история и история семьи.

Изучение историографии истории детства в условиях Северного Кавказа позволило выделить такие научные проблемы, как детский цикл обычаев и обрядов, детская беспризорность и безнадзорность, меры государства по защите института детства в различные периоды отечественной истории, формирование системы социальной защиты детства, трансформация детского вопроса в 1920-е гг., детство в эпоху перемен, в годы революций и войн, дети в системе образования,

Однако ни один из этих вопросов не изучен настолько, чтобы можно было говорить о наличии комплексного исследования истории детства, а его аксиологические аспекты представляют на сегодняшний день спорное в силу своей метапредметности, но, несомненно, перспективное направление, дающее возможность изучать проблему не только в контексте региональных особенностей, но и через призму ценностного восприятия объекта исследования.

Глава 2

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЦЕННОСТИ ДЕТСТВА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ 1920-х гг.

2.1. ДОШКОЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА ДЛЯ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ В 1917–1920-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСТАНОВЛЕНИЙ, ДЕКРЕТОВ И РЕЗОЛЮЦИЙ)

В советском законодательстве 1917–1920-х гг. большое внимание уделялось вопросу воспитания подрастающего поколения в духе пролетарской культуры и новой идеологии. Это предполагало законодательное оформление таких остро обозначившихся проблем, как охрана детства, ликвидация безграмотности, борьба с беспризорностью и других. Особое место занимали вопросы дошкольного воспитания и организация учреждений для так называемых "дефектных" или "аномальных" детей, требовавшие неотлагательного разрешения¹¹⁹.

Уже в 1917 г. советское правительство постановлением от 11 декабря передало дело образования и воспитания в ведение Народного комиссариата просвещения. Это существенно изменило статус института образования, сделав его частью государственного аппарата.

Дошкольное воспитание детей стало в новых политических условиях одним из насущных вопросов. В постановлении Народного Комиссариата просвещения отмечалось, что "...Свободная, демократичес-

¹¹⁹ Автор использует терминологию тех лет.

кая Россия в своем строительстве новой, свободной жизни должна в первую очередь позаботиться о слабейших из слабых – о детях, независимо от их социального положения. Общественное (бесплатное) воспитание детей должно начаться с первого дня рождения ребенка"¹²⁰.

Такого рода воспитание, способствовавшее развитию заложенных в ребенке общественных и трудовых наклонностей, ума, воли, физическому совершенствованию, предполагалось уже в раннем детстве. В результате ребенок должен был стать всесторонне развитой, творческой личностью. Заметная роль при этом отводилась именно трудовому воспитанию, направленному на формирование трудоспособного и полезного члена общества. В резолюции Первого Всероссийского съезда по дошкольному воспитанию было указано на важность создания для детей дошкольного возраста нормальных условий жизни, способствующих гармоничному развитию члена трудового общества. Именно трудовое начало должно было лечь в основу дошкольного воспитания. При этом отмечалось, что труд должен быть посильным, а трудовая деятельность мотивированной и понятной детям¹²¹.

Для реализации этой цели предусматривалось создание детских садов для детей с трех до семи лет. Изначально предполагалось, что пребывание ребенка в таком учреждении будет ограничено шестью часами, однако, с учетом социально-экономических условий, необходимости освобождения работницы-матери и предоставления ей возможности принять участие в общественно-государственном строительстве новой жизни, было признано возможным и даже желательным пребывание ребенка в детском саду весь рабочий день матери. Одновременно в законодательстве оговаривались санитарно-гигиенические и другие условия, необходимые ребенку для нормального развития – помещение, дающее детям возможность отдыхать от коллектива, организация сна, питание, площадки для игр, прогулки, здание, приспособленное для детского сада, врач-педагог, недопустимость устройства детского сада при школах, клубах и др.

Для практической реализации трудового воспитания в законодательстве оговаривалось обязательное наличие при детских садах участка земли для огорода, цветника и сада.

Необходимость осуществления принципа непрерывного обучения и воспитания предполагала постоянную работу детских учреждений в

течение всего года с учетом сезонных особенностей и переходом на лето в дошкольные колонии и площадки.

Таким образом, основной целью дошкольного воспитания в этот период было формирование не личности, ценной своими индивидуальными качествами, а общественно-полезного человека. Трудовое воспитание при этом играло важную роль, особенно в раннем детском возрасте, что нашло отражение в законодательстве изучаемого периода.

Целью ряд распоряжений, постановлений и декретов советского правительства касался так называемых "аномальных" или "дефективных" детей, к которым, судя по документам, относились нервные, психически больные, умственно-отсталые, глухонемые, слепые, слабовидящие и калеки. В первую очередь необходимо было согласовать функции народных комиссариатов просвещения и здравоохранения. С этой целью постановлением СНК от 10 декабря 1919 г. было проведено следующее разграничение функций: нервные и психически больные дети передавались для воспитания соответствующим учреждениям Народного комиссариата здравоохранения (школам-санаториям, школам-лечебницам и т.д.). Умственно отсталые и так называемые телеснодефективные дети – глухонемые, слепые и калеки, должны были воспитываться во вспомогательных школах и специальных учреждениях Народного комиссариата просвещения.

В 1926 г. по постановлению СНК РСФСР создавался целый ряд специальных учреждений для глухонемых, слепых и умственно отсталых детей: для дошкольного возраста – детские сады; для школьников – школы для живущих и приходящих детей; для подростков – те же виды школ, но только с профессионально-техническим уклоном; школы для живущих и приходящих детей смешанного возрастного типа. Для умственно отсталых детей и подростков при школах для здоровых детей предполагалась организация вспомогательных групп. Условия приема и поступления в эти учреждения и порядок выпуска детей, закончивших их, должны были определяться специальными инструкциями Народного комиссариата просвещения РСФСР, в чьем ведении находились выше обозначенные категории детей.

Применение производительного труда в учреждениях для глухонемых, слепых и умственно отсталых детей допускалось также в соответствии с инструкциями Народного комиссариата просвещения и соответствующих ведомств.

¹²⁰ Народное образование в СССР. Сборник документов 1917–1973 гг. М., 1974. С. 327.

¹²¹ Народное образование в СССР. Сборник документов 1917–1973 гг. М., 1974. С. 327.

В 1927 г. СНК РСФСР был разработан ряд мероприятий по усилению работы среди "аномальных" детей. Одной из причин этого был по-прежнему небольшой охват соответствующими учреждениями данной категории детей. Местным исполнительным комитетам предлагалось обратить внимание на улучшение материальной базы специализированных учреждений и организацию новых школ. Содержание детей, питание, расходы на одежду, оплата труда педагогического и обслуживающего персонала возлагалась в значительной степени на бюджет местных учреждений. Кроме того, местным исполнительным комитетам вводилась в обязанность (в документах – предлагалась) организация за свой счет производственно-учебных мастерских и учреждений для обслуживания умственно отсталых, глухонемых и слепых детей и подростков.

По окончании обучения выпускникам специализированных учреждений законодательством предусматривалось предоставление рабочих мест. Для этого Народному комиссариату просвещения РСФСР совместно с Высшим Советом Народного Хозяйства РСФСР, Народным комиссариатом труда РСФСР и Всесоюзным Центральным Советом Профессиональных Союзов была поручена разработка мероприятий, обеспечивающих поступление на производство подростков вышеуказанных категорий.

В рамках введения всеобщего обучения по декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г. предполагалось ввести всеобщее обучение для слепых и глухонемых детей. Практическая реализация этого поручалась Народному комиссариату просвещения РСФСР и Государственной плановой комиссии РСФСР, которые, кроме того, должны были обеспечить развертывание сети вспомогательных школ и классов для всеобщего обучения отсталых детей, что в принципе было неосуществимо.

В соответствии с трехлетним планом борьбы с детской беспризорностью (постановление ЦИК и СНК СССР от 13 августа 1926 г.) к работе с "аномальными" детьми привлекался Народный комиссариат здравоохранения РСФСР, который должен был обеспечить медицинское обслуживание больных, умственно отсталых, глухонемых и слепых детей, находившихся в детских учреждениях Наркомпроса.

На Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР была возложена разработка мер (в первую очередь – бронирование определенного количества рабочих мест) по устройству в учреждениях соц. обеспечения подростков – инвалидов старше 18 лет, выбывших из детских спец. учреждений.

Для содержания специальных детских учреждений соответствующим организациям предписывалось увеличить часть бюджетных средств, как государственных, так и местных.

Проведение в жизнь плана борьбы с детской беспризорностью предусматривало увеличение количества школ-интернатов для сирот и полусирот из умственно отсталых, глухонемых и слепых детей, что было поручено Народному комиссариату просвещения РСФСР и наркомпросам автономных республик.

Т.о., в условиях построения нового общества детское население страны представляло ценность для государства как основа для поколения советских идеологически выдержанных граждан. Именно этим обусловлено то, что с 1917 г. и в течение 1920-х гг. вышел целый ряд документов, имеющих целью законодательное оформление детского вопроса в СССР. Многие из них ("О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению" (11 декабря 1917 г.), "О сети учреждений Наркомпроса РСФСР" от 20 августа 1923 г., "Основные принципы единой трудовой школы" (16 октября 1918 г.), "О дошкольном воспитании" от 20 декабря 1917 г., "О непрерывности занятий в дошкольных учреждениях" (20 сентября 1919 г.), "О согласовании функций народных комиссариатов просвещения и здравоохранения в деле воспитания и охраны здоровья дефективных детей" (10 декабря 1919 г.), "Об учреждениях для глухонемых, слепых и умственно отсталых детей и подростков" от 9 августа 1927 г и др.) обосновывали важность и необходимость развития сети специализированных учреждений для нуждающихся в этом детей, увеличения финансирования, обеспечения педагогическими кадрами и т.д.

Однако их практическая реализация в социально-экономических и политических реалиях того времени зачастую расходилась с теоретическими разработками, обозначенными в нормативно-правовых актах, а мнимая забота о детях в основе имела прагматичные идеологические обоснованные цели – возвращение нового поколения "хомо советикус".

2.2. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: ДЕТИ И ПОДРОСТКИ И СРЕДНЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА СТАВРОПОЛЬЕ В 1920-е гг.

В первые годы советской власти наметились основные тенденции в сфере образования – это предоставление широкой возможности всему детскому населению, особенно детям рабочих и крестьян, пользоваться благами просвещения, а также изменение характера образования и учебных заведений. Эти тенденции, с одной стороны, способствовали пролетаризации контингента учащихся (и как показала дальнейшая практика – зачастую инициированной сверху), с другой – существенно увеличили число учащихся и учебных заведений.

На Ставрополье процесс вовлечения детского населения в систему среднего профессионально-технического образования начался после окончательного установления советской власти в 1920 г. Первые попытки организации профильных училищ в образовательную систему были предприняты в соответствии с Декретом Совнаркома от 29 января 1920 г. на базе нового основополагающего принципа – сочетание общеобразовательной и профессиональной подготовки учащихся. В 1918 – 1920 гг. появились новые типы средних профессиональных учебных заведений: профтехшколы, профтехкурсы, школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), а также учебно-показательные мастерские, в которых применялось как индивидуальное ученичество, так и бригадное обучение.

Восстановление и дальнейшее развитие страны было возможно только при условии наличия необходимого количества квалифицированной рабочей силы. Поэтому именно дети и подростки стали основным объектом внимания со стороны государства в процессе подготовки новых профессиональных кадров, умеющих не только мыслить, но и работать по-новому. Переучить старых специалистов было гораздо труднее, чем научить новых.

Разработка концепции развития профессионального образования началась с появления в 1920-е гг. работ отечественных общественных деятелей и педагогов Н.К. Крупской, А.В. Луначарского, А.С. Макаренко и др., выступивших против популярного тогда узкопрофильного подхода в обучении и сформулировавших основные требования к про-

фессиональному образованию – соответствие уровню научно-технического прогресса и базирование на интеграции обучения с производительным трудом и практикой.

Первые попытки организации профильных училищ в новую образовательную систему были предприняты в соответствии с Декретом Совнаркома от 29 января 1920 г., выдвинувшего основополагающим принципом сочетание общеобразовательной и профессиональной подготовки учащихся. Новые типы средних профессиональных учебных заведений, появившихся в 1918 -1920 гг. (профтехшколы, профтехкурсы, школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), учебно-показательные мастерские и др.) позволили применить такие формы работы с детьми и подростками, как индивидуальное ученичество и бригадное обучение. Следует отметить, что на первом этапе становления советской системы среднего профессионального образования в учебные заведения было разрешено временно принимать так называемых "переростков", т.е. подростков, вышедших из школьного возраста, но в силу обстоятельств не получивших не только рабочую профессию, но даже начальное образование.

Деятельность профессиональных образовательных учреждений в начале 1920-х гг. находилась в ведении Отдела реформ профессионального образования и Секции профессионально-технического образования при Народном комиссариате просвещения. Секцией была разработана и принята схема единой профессионально-технической школы, по которой большинство бывших технических учебных заведений были реорганизованы в школы нового типа. Несмотря на принятые меры, становление и развитие сети средних профессиональных учебных заведений не отвечало требованиям, предъявляемым экономическим и хозяйственным развитием страны. Причины недостаточной активности Наркомпроса в деле профессионального образования, в первую очередь объяснялись несогласованностью действий Наркомпроса и профсоюзов, а также разными взглядами на постановку профессионального образования: Наркомпрос выступал за идею единой трудовой школы, против возможности получения какого-либо специального образования ранее окончания обеих ступеней единой трудовой школы, т.е. ранее 17– 18-ти лет ¹²².

¹²² Профессионально-техническое образование России за 1917-1921 гг. Юбилейный сборник / под ред. О.Г. Аникст. М., 1922. С. 10.

Кроме того, период организации секции совпал с самым критическим моментом существования советской власти, когда лучшие технические заведения были заняты военным ведомством и Наркомздравом для военных нужд. Большинство специалистов были призваны в Красную Армию, большая часть учащихся и курсантов была мобилизована для военных целей. Добавился топливный, продовольственный кризис, сложные отношения некоторых учреждений и союзов с Наркомпросом, сосредоточившего все дело профессионального образования, в том числе финансирования и снабжения. Все это привело к тому, что возникла необходимость изменения структуры руководящего центра профессионально-технического образования. В результате 29 января 1920 г. был издан декрет СНК об учреждении Главного комитета профессионально-технического образования (Главпрофобр), во главе которого стал народный комиссар по просвещению, а в число членов вошли представители от ВЦСПС и Наркомзема. По декрету профсоюзы получили право открывать свои учреждения по профессионально-техническому образованию "при условии идейного руководства, фактического контроля и получения кредитов от Главного комитета"¹²³.

После принятия декрета усилилась связь системы профессионального образования с хозяйственными органами, которые являлись заказчиками Главпрофобра. В результате Главпрофобр стал одним из основных и главных управлений Наркомпроса, объединившем все виды профессионального образования: педагогического, социально-экономического, индустриально-технического, сельскохозяйственного, медицинского и художественного. В его ведение в начале 1920-х гг. входили все виды и ступени специального образования, в основу которого легла семилетняя общеобразовательная школа, затем четырехлетний техникум или трехлетняя высшая школа после двух лет техникума. Став во главе профессионально-технического образования, Главпрофобр приступил к созданию своих органов на местах – губернских управлений профессионально-техническим образованием (губпрофобров). По положению от 23 апреля 1920 г. они были организованы как подотделы профессионально-технического образования при губернских отделах народного образования. Новое положение о губернских комитетах

¹²³ Профессионально-техническое образование России за 1917-1921 гг. Юбилейный сборник / под ред. О.Г. Аникст. М., 1922. С.13

профессионально-технического образования от 11 декабря 1920 г. способствовало их дальнейшему росту и развитию. В мае 1921 г. после реорганизации Наркомпроса было утверждено новое положение о губернских управлениях профессионального образования. Главпрофобр и его учебные заведения должны были работать целиком по заданию хозяйственных комиссариатов. Для этого был образован губернский совет профессионального образования, оказавшийся неработоспособным, в первую очередь, из-за громоздкости аппарата, и заменившие его учебно-технические комиссии, в которых представители губсовнархоза совместно с губпрофобром, разрабатывали учебные планы, программы, сети школ. На местах наиболее тесное сотрудничество было установлено с Наркомземом и земельными отделами. Отношения с Совнархозом были развиты заметно слабее.

На Ставрополье охват детского населения средним профессиональным образованием протекал в рамках общероссийского законодательства, но с учетом местной специфики. Аграрный характер региона способствовал преобладанию в учебных заведениях детей крестьян. Отсутствие крупных промышленных центров затрудняло процесс пролетаризации состава учащихся. Более позднее установление советской власти обусловило догоняющий характер развития образовательной сети. Наличие национальных областей, многонациональной и многоконфессиональной культуры предопределили трудности, связанные с вовлечением в среднее профессиональное образование детей так называемых нацменов, зачастую не знающих русского языка. Голод, охвативший Ставрополье в 1921 – 1922 гг., привел к огромному числу беспризорных детей и сирот, переполненности детских домов, и невозможности обучения многих детей из-за их тяжелого физического состояния. Все эти и другие обстоятельства способствовали тому, что вовлечение детей и подростков в образовательный процесс на Ставрополье происходил с заметным отставанием от других регионов.

Становление сети средних профессиональных учебных заведений на Ставрополье происходило одновременно с формированием управленческого аппарата, начавшегося еще в 1918 г., когда был образован Георгиевский городской отдел народного образования (гороно) исполнительного комитета городского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских (горских и казачьих) депутатов¹²⁴.

¹²⁴ ГАСК, ф.Р – 4648, д.325, 1918 г., 1961–1974 гг.

Отдел народного образования исполнительного комитета Ставропольского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губоно), возглавляемый М.К. Вальяно, был образован 29 февраля 1920 г.¹²⁵ До 30 марта 1921 г. он функционировал как Отдел народного образования Ставропольского губернского революционно-го комитета. С 8 июля 1924 г. он был реорганизован в Ставропольский отдел народного образования исполнительного комитета окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских (горских и казачьих) депутатов (ликвидирован 7 августа 1930 г.)¹²⁶.

В 1920 г. в составе губоно был выделен подотдел профтехобразования, а затем создано управление губпрофа, которое в 1921–1924 гг. состояло из административно-организационного подотдела (канцелярия, справочно-статистическое отделение), подотделов педагогического, сельскохозяйственного, художественного (секции изобразительная и музыкальная), технического, профессионального и экономического образования.

Кроме того, в 1920-е гг. были образованы многие районные и городские отделы народного образования исполнительных комитетов Советов рабочих, крестьянских, красноармейских (горских и казачьих) депутатов (Минераловодский, Туркменский, Ессентукский, Железноводский, Ставропольский, Ачикулакский, Кисловодский, Пятигорский, Михайловский, Новоалександровский, Петровский, Прикумский (бывший Буденновский), Советский (бывший Воронцово-Александровский), Александровский, Красногвардейский (бывший Медвеженский, Евдокимовский, Молотовский), Арзгирский, Благодарненский, Георгиевский, Горячеводский и др., в чье ведение входила организация сети образовательных учреждений и охват ими населения, в том числе детей и подростков Ставрополья.

Преобладание сельского хозяйства на Ставрополье и возросшая потребность в квалифицированных специалистах в этой области способствовали возникновению учебных заведений, в первую очередь, сельскохозяйственной ориентации. Причем к созданию таких заведений привлекались не только педагогические кадры, но и партийные, государственные и хозяйственные органы, контролировавшие и координирующие их деятельность. В июне 1919 г. был образован Ставро-

¹²⁵ Беликов Г. Ставрополь. Своя строка в истории... Очерки истории образования и медицины. Ставрополь, 2003. С. 37

¹²⁶ ГАУ ГАСК, ф. Р-164, д. 645, 1920–1924 гг.; ГАУ ГАСК, ф. Р – 300, д.757, 1924–1930 гг.

польский сельскохозяйственный техникум земельного управления Северо-Кавказского крайисполкома¹²⁷. Трудности начала 1920-х гг. отразились его деятельности. Техникуму не хватало собственного оборудования, лабораторий, учебников, что было одной из причин его слабой работы. Несмотря на это, руководство техникума важное внимание уделяло практическим работам, что полностью соответствовало распоряжениям из центра. Так, в 1921 г. Главпрофобром была разработана инструкция об организации летней практики учащихся в профессионально-технических учебных заведениях, по которой практика являлась государственной учебной повинностью, и все хозяйственные и административные органы губернии должны были содействовать ее проведению, предоставляя необходимое число мест для практикантов. При этом практиканты приравнивались к соответствующей категории рабочих и служащих¹²⁸.

В ходе реорганизации сельскохозяйственных школ низшего типа в стране и губернии предполагалось уничтожение слабых и неперспективных учебных заведений. Оставшиеся школы постепенно должны были быть преобразованы в сельскохозяйственные техникумы с четырехгодичным курсом обучения, принимавшие подростков с пятнадцати лет при условии их хорошей грамотности. Техникумами второй ступени могли быть только те учебные заведения, которые возникли вместо старой средней школы и имели оборудование, персонал, лаборатории и кабинеты. Если всего этого не имелось, школа становилась заведением инструкторского типа. После предоставления сельскохозяйственному техникуму в 1922 г. помещения с мебелью, он не только продолжил обучение слушателей на занятиях по садоводству, огородничеству, полеводству, но и организовал новые курсы по геодезии и лесоводству. В эти же годы на Ставрополье были открыты техникум овцеводства и сельскохозяйственный техникум с отделением инженерной мелиорации.

В соответствии со схемой, разработанной Главпрофобром в июле 1921 г., предполагалось создание курсов – краткосрочных (6 месяцев – 1 год), для подготовки рядовых работников социального воспитания (для лиц, имеющих общее образование) и педагогических (обучение до двух лет), для подготовки рядовых работников социального воспитания дошкольных и школьных учреждений (для лиц, имеющих за-

¹²⁷ ГАУ ГАСК, ф. Р-90, д.415, 1919–1933 гг.

¹²⁸ ГАУ ГАСК, ф. Р-90. Оп. 1. Д. 14. Л. 19.

конченное общее образование в размере нормальной школы второй ступени или закончивших бывшее среднее учебное заведение). На подростков, окончивших единую семилетнюю школу или имеющих соответствующее образование, были рассчитаны постоянные учебные заведения среднего типа – педагогические техникумы, курс обучения в которых был рассчитан на четыре года¹²⁹. По этой схеме началось построение сети средних педагогических учебных заведений на Ставрополье, проходившее параллельно с реформированием школьной системы. Так, при Терском педагогическом техникуме имени Н.К. Крупской Терского окружного отдела Народного образования (районо) функционировала начальная школа № 9 имени Н.К. Крупской¹³⁰. При Минераловодском педагогическом училище (техникуме) отдела народного образования Ставропольского крайисполкома, образованного в 1928 г. на базе железнодорожной школы второй ступени, функционировала начальная базовая школа № 28¹³¹.

В целом в 1920-е гг. были открыты педагогические техникумы и училища в городах Ставрополе, Ессентуках, Минеральных Водах, других городах, что позволило, с одной стороны, обеспечить регион квалифицированными кадрами в дошкольных и начальных образовательных учреждениях, а с другой – вовлечь в образовательный процесс детское население, в частности, подростков.

Кроме педагогических средних профессиональных учебных заведений подростки Ставрополья получили возможность обучаться в Ставропольской военно-фельдшерской школе Ставропольского губвоенкомата, учебном центре по подготовке фельдшеров и акушеров, фармацевтов и зубных врачей, медсестер и санитарных врачей,¹³² Ставропольском музыкальном училище управления культуры Ставропольского крайисполкома.

Несмотря на отсутствие на Ставрополье крупных промышленных центров, потребность страны в квалифицированных специалистах узкой технической направленности способствовала созданию Пятигорской и Ставропольской профессионально-технических школ (ПТШ), готовящих специалистов-техников, электротехников, электромехаников,

¹²⁹ ГАУ ГАСК, ф. Р-90. Оп.1. Д.14. Л. 20-21.

¹³⁰ ГАУ ГАСК, ф. Р-4097. Оп.1. Д.3. Л.11.

¹³¹ ГАУ ГАСК, ф. Р-4236, д.178, 1954-1973 гг.

¹³² Беликов Г. Ставрополь. Своя строка в истории... Очерки истории образования и медицины. Ставрополь, 2003. С. 39.

механиков и др.¹³³ После разработки Положения о профессионально-технической школе были определены цель, методы работы и перспективы развития учебных заведений¹³⁴.

По Положению ПТШ, открывавшаяся с разрешения местных органов народного образования и находившаяся в их ведении, имела целью подготовку квалифицированных рабочих и низшего административно-технического персонала для различных отраслей народного хозяйства, главным образом, для мелкой и кустарной промышленности. Курс обучения в профтехшколе определялся в три и четыре года, в зависимости от специальности. В сельскохозяйственной профтехшколе обучение сокращалось до двух – трех лет. В Положении оговаривалось, что профтехшкола должна соответствовать общеобразовательному уровню семилетней Единой трудовой школы, осуществлять образовательный процесс на основе типовых учебных планов и программ с учетом специфики получаемой специальности. На первый курс промышленных ПТШ принимались подростки обоего пола от четырнадцати до шестнадцати лет, сельскохозяйственных ПТШ – от четырнадцати до восемнадцати. Учащиеся, выполнившие все требования учебного плана, получали от школы по установленной Наркомпросом форме свидетельство об окончании полного курса обучения. Окончившие промышленную ПТШ получали квалификацию и соответствующие технические права только после прохождения производственного практического стажа, установленного Наркомпросом по согласованию с соответствующими органами.

Окончание восстановительного периода еще более обострило проблему рабочего образования в стране.

Курс на индустриализацию, провозглашенный на XIV съезде ВКП (б), потребовал более высокой квалификационной подготовки рабочих. В связи с этим на Ставрополье, как и по всей стране, было усилено внимание к фабрично-заводскому ученичеству. Большая часть школ ФЗУ, образованных в первой половине 1920-х гг., помимо отсутствия опыта работы, столкнулись с материальными и техническими трудностями, заключавшимися в нехватке средств, оборудования, кабинетов, учебных пособий, помещений для практических работ, переполненности классов. В 1925 г., в соответствии с Положением о реорганизации ФЗУ, в крае приступили к учету всех подростков, занятых на местных пред-

¹³³ ГАУ ГАСК, ф. Р-1198, д. 33, 1917–1922 гг.; ГАУ ГАСК, ф. Р-390, д.13, 1920–1923, 1926 гг.

¹³⁴ ГАУ ГАСК, ф. Р-300. Оп. 1. Д. 256. Л. 77-79.

приятных, и вовлечению их в систему ФЗУ, представленную двумя типами: самостоятельным ученичеством, для обучения подростков своего предприятия; и объединенным, для обучения подростков, работающих на мелких предприятиях однородной отрасли промышленности. При этом организация самостоятельных фабзавучей допускалась лишь при условии, что количество учеников в каждом классе было не менее двадцати человек ¹³⁵.

Объединенные школы ФЗУ создавались для обслуживания мелких предприятий, родственных отраслей промышленности или для получения специалистов родственных отраслей. Все ученики содержались за счет предприятий в течение обучения, причем на третьем и четвертом курсах они обязательно проходили практику по специальности на своем предприятии. В условиях реализации данного Положения на Ставрополье были образованы школа ФЗО (металлистов) при заводе "Красный металлист" в г. Ставрополе. На ее базе, а также на базе фабрики ходов и электростанции в 1928 г. была создана школа рабочих подростков ¹³⁶. К концу 1929 г. в школах ФЗУ на Ставрополье обучалось уже около 11 тысяч учащихся. Постепенно все профессионально-технические учебные заведения края были переданы хозяйственным наркоматам для более рационального и эффективного ведения учебного и производственного процесса, а также для расширения базы для прохождения студентами практики.

К концу 1920-х гг. в сфере среднего профессионального образования был накоплен определенный опыт в области организации и методики обучения, создана технико-производственная база, в дальнейшем послужившая основой становления учебных заведений трудовых резервов, положено начало новой, прогрессивной системы обучения – операционно-комплексной, сформировались и закрепились за образовательными заведениями кадры преподавателей и мастеров производственного обучения.

Т.о., среднее профессиональное образование на Ставрополье в 1920-е гг. и вовлечение в него детского населения получило возможность развития в связи с процессами, происходившими в социально-экономической и политической жизни страны. Восстановление народного хозяйства, курс на индустриализацию и коллективизацию существенно увеличили потребность в квалифицированных кадрах, в первую оче-

редь, рабочей специализации. В целом система СПО, находившегося на местах в ведении губпрофобров, была представлена следующими видами: педагогическое, социально-экономическое, индустриально-техническое, сельскохозяйственное, медицинское и художественное образование. В связи с хозяйственно-экономическими и социальными особенностями Ставрополя важное место в системе профобразования заняли сельскохозяйственные средние профессиональные учебные заведения – сельскохозяйственные школы, курсы, техникумы и т.д. Возросшая потребность в рабочих специальностях обусловила возникновение таких типов учебных заведений, как школы фабрично-заводского ученичества, учебно-показательные мастерские, школы рабочей и крестьянской молодежи, профтехшколы, различные курсы. В школе медицинских сестер, медицинских курсах осуществлялась подготовка медицинского персонала со средним образованием; в музыкальном техникуме и художественном училище – работников культуры и просвещения; подготовка педагогических кадров для дошкольных и начальных образовательных учреждений – в педагогических техникумах, училищах и педагогических курсах.

Дети и подростки – учащиеся школ ФЗУ, техникумов, курсов получили возможность изучать общеобразовательные, общетехнические и специальные предметы, что способствовало повышению их общей грамотности, культуры, образованности, профессионального мастерства, а также формированию квалифицированной прослойки новых специалистов.

2.3. ПЕРВАЯ МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО БОРЬБЕ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ (16–17 марта 1924 г.)

Рост детской беспризорности и вытекающей из нее преступности в 1920-е гг. являлся одной из насущных проблем, требующей незамедлительного и эффективного решения от социалистического общества. Поэтому политика государственных органов, политических и общественных организаций была направлена на ликвидацию детской беспризорности как явления. Другое дело – практическая реализация этих мероприятий, усложнявшаяся теми объективными условиями,

¹³⁵ ГАУ ГАСК, ф. Р-300. Оп. 1. Д. 25. Л. 88.

¹³⁶ ГАУ ГАСК, ф. Р-300. Оп. 1. Д. 499. Л. 205 об.

которые сложились в стране в 1920-е гг. (послевоенная разруха, неурожай, голод, усиление социальных противоречий и т.д.). Поэтому требовалась выработка конкретных мероприятий и форм борьбы с детской беспризорностью, способных привести если не к ее полному искоренению в ближайшие сроки, то хотя бы к существенному сокращению.

Относительная стабилизация экономической ситуации в стране в 1924 г. позволила приступить к более планомерному решению проблемы детской беспризорности, которая к этому времени осложнилась, помимо вышеуказанных трудностей, еще и обстоятельством психологического характера, а именно – привычкой "детей улицы"¹³⁷ быть таковыми, выработанной за послереволюционные и послевоенные годы, и извлекать из этого максимум выгоды для себя. Это обстоятельство вызвало необходимость привлечения к борьбе с детской беспризорностью, помимо партийных и государственных работников, специалистов, занимающихся вопросами педагогики и детской психологии¹³⁸. Поэтому своевременность Первой Московской конференции по борьбе с беспризорностью, проходившей с 16 по 17 марта 1924 г., была несомненна.

В работе конференции приняли участие люди, непосредственно занимающиеся проблемой детской беспризорности, как в центре, так и на местах, или каким-то образом касающиеся ее. Среди них – Н.К. Крупская, В.Н. Шульгин, Е.С. Лившиц, П.П. Блонский, К.А. Александер, А.Д. Калинина, И.Г. Розанова, А.Б. Залкинд, С.С. Моложавый и др. Тематика их докладов и выступлений была весьма разнообразной, но отражала тенденции, характерные для советского общества 1920-х гг. Их содержание сводилось к одному – наметить новые эффективные пути борьбы с детской беспризорностью, обратить на эту проблему внимание широкой общественности и, в конце концов, ликвидировать ее.

Следует отметить глубокий интерес и несомненную заинтересованность широких кругов работников образования и воспитания в работе конференции. Это, в первую очередь, объяснялось тем, что детская беспризорность достигла колоссальных масштабов. Уже в 1921-1922 гг. по некоторым данным в стране насчитывалось до 7 млн бес-

¹³⁷ Василевский Л.М. Голгофа ребенка. Беспризорность и дети улицы. М., 1924. С. 5.

¹³⁸ Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 134-140.

призорных детей¹³⁹. И, в первую очередь, от конференции ждали практического решения целого ряда вопросов, связанных с ликвидацией беспризорности как массового явления.

Два дня, отведенные для работы конференции, конечно, не могли вместить всех желающих выступить, поэтому в процессе работы состав выступающих корректировался и уточнялся.

Смысл и значение конференции были ясно сформулированы во вступительном слове Н.К. Крупской: "Мы должны понять, что ликвидация безграмотности, вызванной войной, вызванной революцией, что ликвидация этой беспризорности, покоящейся на разрушении старых отношений, возможна только путем организованной общественности, что те формы ликвидации беспризорности, которые практикуются в буржуазных странах – благодетельствование сверху путем устройства для беспризорных разных плохоньких приютов с узким замкнутым характером, – для нас неприемлемы, что этим путем мы ликвидировать у нас беспризорность не можем"¹⁴⁰. Ликвидация детской беспризорности, являясь симптомом укрепления всего общественного организма, выходила за рамки компетенции Соцвоса и Наркомпроса. Поэтому, останавливаясь на роли общественных организаций в борьбе с детской беспризорностью, Крупская особое внимание уделила участию профсоюзов: "Необходимо с каждым отдельным союзом обсудить детально, чем и как может союз помочь беспризорным, ибо помощь со стороны профсоюзов в деле ликвидации беспризорности может быть громадна, дело может быть поставлено на новые рельсы"¹⁴¹. В.Н. Шульгин, выступавший от Института Коммунистического Воспитания, отметил, что работа научно-педагогической секции ГУСа и института направлена на то, чтобы привлечь к образованию население, и еще раз подчеркнул прикладной характер конференции.

Признавая огромную роль комсомола, который до этого в малой степени участвовал в борьбе с беспризорностью, и коммунистического детского движения, а также бесперспективность в сложившихся условиях безработицы привлечения беспризорных к хозяйственному

¹³⁹ Рябинина Н.В. Морально-дефективные" – кто они? К истории детской беспризорности и преступности в 1920-е годы // Век нынешний, век минувший...: Исторический альманах / под ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 1999. С. 56.

¹⁴⁰ Борьба с беспризорностью: материалы 1-й московской конференции по борьбе с беспризорностью. 16-17 марта 1924 г. М., 1924. С. 3.

¹⁴¹ Там же. С. 4.

труду, представитель от РКМ Шохин подчеркивал значение использования самоорганизации детей, их активности и инициативы: "Ибо, какие бы мы ни создали интернаты, какие бы мы станции ни строили, но если мы беспризорного не установили на определенную задачу, чтобы он находился на конкретном общественно полезном труде, он опять-таки останется беспризорным в значительной степени"¹⁴². Ни одно учреждение, которое ставило своей задачей борьбу с беспризорностью – детищем революции, по мнению Шохина, не могло обойтись без комсомола и детского коммунистического движения. Юные пионеры способны были охватить своим влиянием беспризорную среду, таящую в себе колоссальную энергию и способную создать сотни строителей социалистического хозяйства. И если раньше Союз Коммунистической Молодежи не ставил перед собой задачу борьбы с беспризорностью, то в сложившихся условиях она стала первостепенной.

Большой интерес у присутствующих на конференции вызвал доклад А.Б. Залкинда о беспризорности и детской психопатии. Автор отмечал, что в капиталистических странах беспризорность напрямую связывают с психологическими отклонениями, говоря о врожденной беспризорности, моральной дефективности, психопатической конституции, о врожденных инстинктах и предрасположенности ребенка к преступности.

Однако Залкинд отрицал это, считая, что беспризорные дети, которые, по его подсчетам, в 95-98 % происходили из пролетарской среды, страдали психопатией не больше, чем другие. Обвиняя капиталистическое общество и представителей зарубежной науки в предвзятом отношении к беспризорникам, Залкинд объяснял это их стремлением свалить на детей ответственность за дефекты капиталистического строя. Проблемы наследственности, вырождения, детская беспризорность и преступность вызвана условиями среды, то есть имеет социальные корни. Конечно, Залкинд не отрицал, что среди беспризорников нет психически больных детей ("психопатов"), но этот процент был не выше, чем среди остальных детей.

Интересна психологическая характеристика беспризорника, данная Залкиндром. Тяжелые условия жизни беспризорного ребенка развивали в нем острее и глубже, чем у других детей, инстинкт самосохранения. Беспризорник, по выражению Залкинда, "сугубо осторожный

¹⁴² Борьба с беспризорностью. Материалы 1-й московской конференции по борьбе с беспризорностью. 16-17 марта 1924 г. М., 1924. С. 4.

реалист". Органы чувств у него все воспринимают резче, острее, глубже. Он менее способен к синтезу, более эмоционален, у него наблюдается раннее развитие сексуальности, склонность к авантюризму, трудовая неустойчивость и т.д. Как вернуть беспризорного ребенка в нормальную среду? Как его воспитывать? Нужно ли отправлять его на принудительное лечение, в тюрьму или специальные приюты? Отвечая на эти вопросы, А.Б. Залкинд однозначно утверждал и настаивал на том, что все перечисленные психические особенности беспризорного ребенка имеют характер условных рефлексов и психоневрозов, а значит, они устранимы. Кроме того, беспризорник, по мнению Залкинда, обладает ценным моральным фондом: "Мы имеем, с одной стороны, богатое эмоциональное содержание, чрезвычайную насыщенность всех эмоциональных черт его бытия. Мы имеем находчивость, смелость, хитрость, гибкость и т.д. Это все является резервуаром для богатых творческих проявлений. Речь идет о том, что этот резервуар нерационально используется, направляется не по тем руслам, по которым он мог бы творчески сформироваться в дальнейшем... Воспитывать беспризорных ребят – значит базироваться на их положительных чертах. Необходимо добиться, чтобы он (беспризорный) мог организованно трудиться; необходимо добиться, чтобы чувство солидарности, направленное к той группе, в которой он живет и промышляет, чтобы это чувство было развито в широкий коллективизм, относящийся ко всему классу"¹⁴³.

О социальных корнях детской беспризорности говорила в своем докладе Е.С. Лившиц¹⁴⁴. Ссылаясь на статистические данные, она попыталась дать сравнительную характеристику беспризорности в капиталистических странах и в СССР. И там, и там по социальной принадлежности беспризорники в массе своей – дети трудящихся, рабочих и крестьян, и далеко не выходцы из преступной среды. Но даже преступники-рецидивисты, по статистическим данным, – в большинстве были детьми трудящихся. И как раз эта категория более других нуждалась в помощи, так как именно в их среде выше всего был процент безработных, сирот и полусирот. Причины беспризорности в столь массовом масштабе, особенно среди подростков, Лившиц видела в социальных условиях, в частности, в безработице, а не в личных свойствах и каче-

¹⁴³ Борьба с беспризорностью. Материалы 1-й московской конференции по борьбе с беспризорностью. 16-17 марта 1924 г. М., 1924. С. 6

¹⁴⁴ Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. М., 1925.

ства ребенка или подростка. Лившиц высказала отрицательное отношение к оценке беспризорных детей как нравственно отсталых, считая, что для этого нет никаких оснований. Разделяя мнение Залкинда, она называла систему принудительного воспитания беспризорных детей системой классового подавления, отвечающей интересам господствующего класса. Надо сказать, что в своем выступлении новых мер борьбы с детской беспризорностью, кроме уже обозначенных – привлечения к общественно полезному труду, развитие творческой инициативы, товарищеской атмосферы, свободы для выхода активности и энергии, привлечения рабочих и общественных организаций, РКСМ и т.д., – Лившиц не смогла предложить, но она еще раз подчеркнула необходимость отказа от системы решеток, закрытых дверей и изоляторов.

В докладе А.Д. Калининой, носившем ретроспективный характер, была дана характеристика методов и средств борьбы с детской беспризорностью в советской России с 1921 по 1923 г. В 1921 г. они были продиктованы голодом и необходимостью спасения детей от голодной смерти – эвакуация, организация столовых, приемников и др. В 1922 г. – борьбой с последствиями голода – реэвакуация, открытие стационарных детских учреждений, привлечение шефской помощи и т.д. И только в 1923 г. появилась возможность перехода к плановой работе – установление твердой сети учреждений, расширение педагогической работы, поиск новых форм и методов борьбы с детской беспризорностью. В качестве приоритетной автор доклада выделил работу социальной инспекции, деятельность которой заключалась в создании клубов для беспризорных, имевших целью изучение, организацию и работу с коллективом детей-правонарушителей с привлечением их родителей, организации ночлежек как экстренной формы помощи, и трудовых коммун, задачей которых было облегчение жизни беспризорных детей через приближение ее к обстановке здорового рабочего коллектива¹⁴⁵.

В целом Московская конференция по борьбе с детской беспризорностью первой в советской России подняла эту проблему на научный уровень. Уже 15 октября 1924 г. постановлением ВЦИК второго созыва была констатирована необходимость продолжения и совершенство-

¹⁴⁵ Борьба с беспризорностью. Материалы 1-й московской конференции по борьбе с беспризорностью. 16-17 марта 1924 г. М., 1924. С. 32.

вания работы по борьбе с детской беспризорностью¹⁴⁶. В дальнейшем эта проблема неоднократно поднималась на научных и общественных мероприятиях разного уровня, обсуждалась на страницах периодики тех лет, в научной и публицистической литературе, сборниках материалов конференций¹⁴⁷. Большое внимание уделялось изучению причин и социальных корней этого явления, проблеме детской преступности, роли общественных, партийных организаций и государства в борьбе с беспризорностью, формам и методам привлечения беспризорных детей к общественно полезному труду в рамках трудового воспитания подрастающего поколения.

Но именно в рамках работы Первой Московской конференции впервые с научным обоснованием (историческим, психологическим и педагогическим) проблемы детской беспризорности в стране, основанном на опыте предыдущих лет, выступили представители науки, правительства, компартии, профсоюзов и других организаций. Конференция заложила основы систематической работы с детьми, нуждающимися в особом внимании со стороны государства и общественных организаций. Вопрос скорейшего изживания этого огромного бедствия совместными усилиями приобрел колоссальную государственную и общественную важность.

¹⁴⁶ Герасимова Г.Г. Советское государство в борьбе с детской беспризорностью в 20-е годы // Вопросы российской государственности: история и современные проблемы: сб. статей. М., 1999. С. 89.

¹⁴⁷ Всероссийский съезд социально-правовой охраны несовершеннолетних. Резолюции. М., 1924; Всероссийский съезд социально-правовой охраны несовершеннолетних. Сборник статей. М., 1926; Беспризорные в трудовых коммунах. М., 1926; Маро М.И. Беспризорные: социология, быт, практика работы. М., 1925; Куфаев В.И. Юные правонарушители. М., 1925; Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью (сб. статей). М., 1926; Позднышев С.В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М., 1927; Трехлетний план борьбы с детской беспризорностью. М., 1927; Люблинский П.И. Охрана детства и борьба с беспризорностью за 10 лет // Право и жизнь. 1927. № 8.; и др.

Глава 3

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕТСТВА В БЫТОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1920-1930-х гг.

3.1. "ТЫ ВИНОВАТ ЛИШЬ В ТОМ, ЧТО ХОЧЕТСЯ МНЕ КУШАТЬ...", ИЛИ ДЕТИ СТАВРОПОЛЬЯ В УСЛОВИЯХ ГОЛОДА НАЧАЛА 1920-х гг.

О социокультурных противоречиях 1920-х годов написано достаточно много. Такие понятия, как "постреволюционный синдром", "поколение двадцатых", "постреволюционная релаксация", "эпоха катастроф" и прочие употребляются в современной историографии применительно к двадцатым годам XX века вполне обоснованно. Резкое изменение социально-политических условий, потеря ценностных ориентаций и массовая маргинализация общества выплеснули на поверхность огромное количество проблем, связанных в первую очередь с невозможностью трансформации человеческого сознания за столь короткое время.

В эпоху перемен и катаклизмов одной из самых незащищенных социальных категорий были и остаются дети. Когда молодое советское государство направляло все усилия на закрепление своих позиций, борьбу с внутренними и внешними врагами, на организационное строительство, детский вопрос не представлялся значимым. В пылу войн и революций было просто не до него. Однако, по некоторым подсчетам, уже к началу 1921 года в стране насчитывалось около 5,5 млн беспризорных детей, к 1922 году их было более 7 млн.¹⁴⁸

¹⁴⁸ Павлов А.Н. Борьба милиции с преступностью в годы НЭПа // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 141.

Этот факт заставил изменить отношение к проблеме и способствовал активизации государственной политики в вопросах детства, но в рамках построения социалистического общества, а не в целях защиты личности ребенка.

Среди множества социокультурных противоречий и тенденций исследуемого периода выделялась одна, наиболее характерная для постреволюционного и послевоенного кризиса – изменение отношения к детям и детству как к общечеловеческой ценности. Этому способствовало несколько причин. Одна из них – расшатывание старых семейных устоев и размягчение нравов под влиянием лозунгов о свободной любви. Один из современников и очевидцев событий тех лет писал: "Старые, гнилые устои семьи и брака рушатся и идут к полному уничтожению с каждым днем. Но нет никаких руководящих начал для создания новых, красивых, здоровых отношений. Идет невообразимая вакханалия. Свободная любовь лучшими людьми понимается как свободный разврат..."¹⁴⁹.

Изменение отношения к институту семьи и брака в 1920-е годы не могло не отразиться на отношении к детям, которые не входили в планы взрослых людей, разделяющих идеи о свободной любви.

Женская эмансипация, о чем уже говорилось, приняла крайние формы – дети как важная составляющая семьи и общества в целом, не соответствовали потребностям революционно настроенных женщин и не отвечали их эмансипированным интересам.

Не менее значительную роль в изменении отношения к детям и обесцениванию детства в начале 1920-х годов сыграли экономический кризис и неуверенность многих людей в завтрашнем дне. В условиях отсутствия гарантий нормального существования и постоянной угрозы голода рождение ребенка для многих было нежелательным или непозволительной роскошью.

Война, разрушившая многие семьи, способствовала росту числа беспризорников и сирот, которые выросли в условиях "военной заброшенности"¹⁵⁰. Этим детей не научили быть мамами и папами. Недостаток внимания и заботы, равнодушие со стороны взрослых, отсутствие семейных ценностей и традиций вырабатывали в этих детях достаточ-

¹⁴⁹ Панин С.Е. Борьба с проституцией в России в 1920-е годы // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 113.

¹⁵⁰ Василевский Л.М. Голгофа ребенка. Беспризорность и дети улицы. Л., М., 1924. С. 6.

но жесткое отношение к людям, жизни, обществу, которое они, став взрослыми, представителями "поколения двадцатых", перенесли на своих детей.

Человеческий фактор, или психологический, о котором так много говорят сегодня, в 1920-е годы проявил себя в том, что у людей вырабатывалась своеобразная защитная реакция на кризисные явления, человек становился отчужденным от ставших повседневными проблем. Люди, прошедшие через войны и революции, привыкшие видеть на протяжении многих лет страдания, смерть, голод, становились нечувствительными к чужому горю. Смерть взрослого человека, как и смерть ребенка в годы социальных катаклизмов стала обыденным явлением.

Взрослые игры в войны и политику, экономический кризис и послевоенная разруха заслонили собой ребенка, сделав его второстепенным и даже обузой для многих родителей. Особенно ярко эта тенденция проявила себя в условиях голода 1921-1922 годов и нашла отражение на страницах периодических изданий тех лет, в том числе региональных, в частности газеты "Власть Советов".

Как уже упоминалось в параграфе 1.2, периодика пестрила заголовками о брошенных детях¹⁵¹. "Подкидывание" детей в 1921-1922 годах стало обычным явлением. Одних (младенцев) подбрасывали ночью; других – выгоняли из дома со строгим наказом, не возвращаться и не признаваться в том, что у них есть родители; третьих – приводили матери и умоляли принять в детский дом. Чаще детей бросали на вокзалах и рынках, откуда легче было скрыться, затерявшись в толпе. Только в городе Петровске за апрель 1922 года подобрали тридцать брошенных детей, которых прикрепили к зажиточным семьям. Эта практика получила распространение, но не встретила одобрения со стороны населения. Всем хотелось есть, и в условиях голода ребенок, тем более чужой, был неимоверной обузой, от которой пытались избавиться при первой возможности. Но далеко не каждый брошенный ребенок попадал в соответствующие учреждения и организации. Большинство из них оставались на улице без куска хлеба и ночлега, пополняя ряды беспризорников: "Пройдитесь по Красной часов в 9–11 вечера, вам всегда попадет несколько таких детей, которые попросят у вас ...не хлеба, – даже не хлеба! – а просто ночлега! Брошенным, го-

¹⁵¹ ГАУ ГАСК // Власть Советов. – № 612. 1922. 25 апреля. С. 2.

лодным детям, умирающим, негде ночевать. Даже умереть они могут только на улице!"¹⁵².

В городе Ставрополе в одном из старых сараев было обнаружено двенадцать бездомных детей-беженцев, которые жили здесь вместе некоторое время. Трупы умерших от голода детей никто не убирал, и живые спали бок о бок с мертвыми.

На апрель 1922 года только по Медвеженскому уезду насчитывалось до 20.000 беспризорных, в том числе и брошенных родителями, детей¹⁵³.

Во многих случаях аргумент, приводимый взрослыми, бросающих детей, был один – пусть умрут не на наших глазах. При этом характерно, что взрослые люди, озабоченные вопросами собственного пропитания, молча проходили мимо, не обращая внимания на детей, или отделялись фразой: "Хлеба нет, сами голодаем".

Особенно раздражали взрослое население дети, выпрашивающие продукты на рынках. Вот только некоторые примеры – в городе Петровске мальчик попросил у торговки кусочек хлеба. Когда она ему отказала, ребенок схватил хлеб и попытался убежать. Закончилось это тем, что торговка вместе с соседкой, поймав мальчика, избили его и бросили, окровавленного, на улице. В городе Медвежье женщина убила ребенка, укравшего у нее продукты. В Ставрополе: "Девочка семи-восьми лет, точно приведение, иссохшая, с голубыми глазами, медленно переходит от торговки к торговке.

"Тетенька, дайте кусочек хлеба", – молит она слабым голосом.

– "Проваливай, сами голодаем, вас тут много шатается" и т.д.

Вот продают горячие жареные пирожки.

"Тетенька..."

– "Пошла, пошла". – Торговка накрывает своими жирными руками корзину с пирожками. Но девочка не отходит. Она знает, что ничего не получится, но дальше идти не может: горячий и вкусный запах как ураган врывается в пустой и сжатый в комок желудок и причиняет нечеловеческие страдания"¹⁵⁴.

Частыми стали призывы: "Женщина – мать! Кормя своего ребенка, вспомни об опухших с голода детях!". Однако голод заставлял забывать не только о чужих, но и о своих детях. Очень распространенным

¹⁵² ГАУ ГАСК // Власть Советов. – № 593. 1922. 29 марта. С. 2.

¹⁵³ ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 617. 1922. 30 апреля. С. 3.

¹⁵⁴ ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 611. 1922. 23 апреля. С. 2.

явлением стали случаи убийства детей на почве голода или с целью употребления их в пищу. Наиболее многочисленными они были в Медвеженском, Благодарненском уездах и Туркменском районе Ставропольской губернии, где голод распространился более всего. Так, в селе Ивановском Медвеженского уезда мать зарезала свою дочь. Остальные дети успели убежать. Мать, придя в себя после убийства, бросилась в колодец. В селе Летницкое муж и жена, после того, как были съедены две собаки и кошка, задушили своего новорожденного ребенка и съели его. В селе Средний Егорлык мать, сойдя с ума от голода, задушила и съела дочь. В селе Сандаля мать похоронила дочь, умершую от голода. Когда, перед погребением, вскрыли гроб, там оказалась лишь половина трупа – другая была съедена¹⁵⁵.

В апреле 1922 года в село Сухая Буйвола пришли беженцы из Туркменского района – старик, старуха и два мальчика 15-ти и двух лет. Им разрешили переночевать в здании волисполкома. Утром, когда беженцы собирались уходить, сторож поинтересовался, где ребенок. Невразумительный ответ заставил его насторожиться. После обыска в печке были обнаружены детские череп и кости. В сумках задержанных беженцев нашли позвоночный столб, ножки и внутренности мальчика.

В мае, когда до нового урожая было еще далеко, и голод особенно свирепствовал в Ставропольской губернии, подобные случаи участились и приобрели бытовой характер. Поедание человеческих трупов сменилось людоедством, жертвой которого чаще становились дети младшего возраста. Ценностное отношение к детям приобрело характер страшного явления – они стали цениться как продукт питания. В городе Благодарном в квартире гражданки Копыловой были найдены останки двух убитых детей. В качестве вещественных доказательств они были отправлены в Ставропольский губздравотдел для проведения дальнейшего расследования. В сопроводительном письме № 1696 было сказано, что один труп – девочки Марии Жучковой, павшей жертвой людоедства. В акте экспертизы, составленной на месте преступления врачом Киселевым, констатировалось, что труп ребенка полутора-двух лет обнаружен уже приготовленным для употребления в пищу: тщательно выпотрошен, вымыт, разрезан на части: отделена голова, руки, ножки, бедра.

Другой обнаруженный труп, вернее сказать, скелет – с остатками объединенного поджаренного мяса. Все кости скелета были почти об-

¹⁵⁵ ГАУ ГАСК // Власть Советов. 1922. № 548. 2 февраля. С. 1.

глоданы. По результатам экспертизы было установлено, что, по-видимому, это был ребенок возраста около двух лет. Прежде чем употребить в пищу, женщина сначала сварила, а затем поджарила его.

В акте нет указаний относительно обстановки преступления и дальнейшей судьбы женщины-людоедки. Показателен сам факт. Останки детей, пока продолжалось расследование, хранились в банках с формалином в подотделе экспертизы Ставропольского губздравотдела. По словам свидетелей, "Из-за формалина части трупов обесцвечены, среди костей бросаются в глаза обглоданные детские ребрышки и полусъеденная нога. Сквозь стекло банки глядит посиневшее личико убитого ребенка, носик приплюснут к стеклу, рот полуоткрыт, высунут язык, голова покрыта редкими белокурыми волосиками. Лицо трупа сохраняет какое-то недоумевающее страдальческое выражение..."¹⁵⁶

С увеличением масштабов голода росло стремление взрослых избавиться от детей.¹⁵⁷ В селе Б. Джалга "дети завернуты в тряпки, все больны цингой, со вздутыми животами, потерявшие человеческий облик"¹⁵⁸.

Особого внимания заслуживает положение детей в детских домах и других организованных учреждениях, призванных если не полностью решить, то хотя бы частично снять остроту проблемы, вызванной голодом 1921-1922 гг. и огромным количеством брошенных и нуждающихся в питании детей.

Не следует заблуждаться по поводу состояния детей в этих заведениях. Детские дома и приемники 1920-1930-х гг. мало чем напоминали современные подобные учреждения. Ценностное восприятие детства в условиях голода полностью нивелировалось и сместилось в сторону естественного отбора. Выживал сильнейший.

Отдел народного образования буквально осаждали матери с просьбой принять их голодных детей в детские дома. Заурядным явлением стало подбрасывание детей в детские учреждения.

Однако факт нахождения в детском доме, приюте, школе-колонии еще не гарантировал детям обеспеченного продовольственного снабжения. Показателен доклад заведующего школы-коммуны № 1: "Дети голы, голодны, сидят в нетопленном помещении, топлива нет. Из-за отсутствия топлива все дети перевезены на один хутор. И все же нет возможности отапливать и одного помещения..."

¹⁵⁶ ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 672. 1922. 12 мая. С. 2.

¹⁵⁷ ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 573. 1922. 5 марта. С. 4.

¹⁵⁸ ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 542. 1922. 26 января. С. 2.

Картина такова: учитель-воспитатель качается от истощения, дети все, как выходцы с того света, сбились в кучу около почти холодной печки, закутанные во что попало и так остаются в продолжение всего урока. С неудовольствием покидают свое место, когда надо идти к доске...

На почве недоедания и голода дети пухнут, болеют (есть случаи заболевания сыпным тифом), бегут из приюта, унося последнюю одежду и обувь... Последнее время бегство почти прекратилось... Но думаю, что бегство приостановилось только до теплых дней...

Больные наши тоже в отчаянном положении, холодно, питания должного нет, медика нет, перевязочных средств нет, постельных принадлежностей нет и ко всем бедам – фельдшер совершенно не знаком с детскими болезнями...

Обещаний было много об улучшении материального и продовольственного положения детей и служащих, но условия пребывания школы-коммуны не только не улучшилось, но продолжает ухудшаться быстрым темпом.

Ни один из нарядов Уоно не выполнили. Отпущенного Уоно ячменя хватало на две недели...

Вернулся завхоз из трехнедельной командировки, которого ждали с нетерпением, привез... разрешение на отпуск небольшого количества обмундирования для детей, два замка и два гребешка и ничего определенного о продовольствии. Правда на другой день прибыли из Спицевки две подводки и забрали кожи... Из коллектива доставлено на одних санях несколько плах дров. Вот и все" ¹⁵⁹.

Детский дом матери и ребенка № 1 в Ставрополе, выполнявший в 1922 году функции детского приемника, не отапливался; дети, большинство из которых были брошены родителями, видимо, не желавшими лишней возни с похоронами, ютились возле казанков, от которых было мало тепла, но много грязи и копоти. Вместо 50-60-ти детский приемник содержал 94 ребенка, которые были в страшно истощенном состоянии. Почти две недели дети от одного до трех лет питались только фасолью в жидком виде три – четыре раза в день. От желудочных заболеваний за это время тринадцать детей умерли ¹⁶⁰.

Тяжелое продовольственное положение способствовало ужесточению нравов и порядков во многих детских домах. Помимо того, что

¹⁵⁹ ГАУ ГАСК, ф. р-388. Оп. 1. Д.11. Л. 38-39.

¹⁶⁰ ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 619. 1922. 3 мая. С. 2.

дети были голодными и находились в антисанитарных условиях, их жизни не представляли ценности для некоторых работников и обслуживающего персонала. Показательным стал случай, произошедший в яслях им. Ленина города Александровска. Там был удушен годовалый ребенок, который, будучи больным, все время кричал и раздражал этим заведующую и няньку. Только по случайности этот факт стал известным, и преступников отдали под суд.

Осенью 1921 г. в Туркменском районе было два детских дома в Летней Ставке, в которых насчитывалось сто три ребенка ¹⁶¹. Детдома находились в очень тяжелом положении из-за отсутствия транспортных продовольственных поставок из г. Ставрополя. Местная комиссия помощи голодающим не работала из-за отсутствия соответствующих инструкций, денежных и продовольственных средств. Медико-санитарная помощь детдомовцам не предоставлялась, так как не было ни врача, ни медикаментов. Дети не получали хлеба по несколько суток.

В отчете о работе Ставропольского Губоно по борьбе с голодом отмечалось, что в начале 1921 г. в Ставрополе было пять детских домов на 320 детей, в Ставропольском уезде – пять на 230 детей, Александровском уезде – шесть на 248 детей, Благодарненском – одиннадцать на 731 ребенка, в Медвеженском – тринадцать детдомов на 750 детей. Данные по Туркменскому району отсутствуют. Таким образом, в начале 1921 г. в губернии насчитывалось сорок детских домов с количеством детей 2279. ¹⁶²

В июне 1921 г. функционировало тридцать шесть детских домов с 1.784 детьми. Плохой урожай, собранный в августе, еще более усугубил ситуацию в голодающих Медвеженском и Благодарненском уездах, а также в Туркменском районе Ставропольской губернии. Это привело к тому, что количество детских домов начало стихийно расти, "дети буквально затопили детские дома" ¹⁶³. Уже к сентябрю приблизительное число детских учреждений, принимавших так называемых детей улицы, в городе Ставрополе увеличилось более чем в два раза: одиннадцать детских домов на 600 детей и детский городок на 400 детей. Та же тенденция увеличения числа детских учреждений наблюдалась и по всей Ставропольской губернии, в уездах которой к

¹⁶¹ ГАУ ГАСК, ф. р-388. Оп. 1. Д.11. Л. 2-2а.

¹⁶² Там же. Л. 51.

¹⁶³ ГАУ ГАСК, ф.р – 338. Оп. 1. Д. 11. Л.51

середине сентября 1921 г. функционировало девяносто семь детдомов и школ-коммун с 7.000 детей¹⁶⁴.

По данным Губоно, к этому времени в г. Ставрополе было уже тринадцать детских домов (1.062 ребенка), детский городок (1.176 детей) и эвакуационный пункт (200 детей), по губернии – 134 детских дома, в которых находилось 10.058 детей. Всего к этому периоду по губернии насчитывалось 149 детских учреждений с количеством детей 12.490 человек.¹⁶⁵ Но и этих детучреждений не хватало, поскольку нуждающихся во временном или постоянном приюте детей становилось все больше.¹⁶⁶

Совместно с комиссией по улучшению жизни детей Губоно принял ряд мер к изысканию местных средств для питания детей, поскольку материальная помощь, выделяемая из центра, могла удовлетворить только четверть нуждающихся детей Ставрополя. В Ставропольском и Александровском уездах, менее пораженных неурожаем, попытались внедрить практику передачи детских домов на снабжение местным населением. Так, в городе Петровске тридцать детей прикрепили к чужим семьям. Но отсутствие многих продуктов, мыла, чая и самого необходимого не способствовало одобрению этой практики со стороны населения¹⁶⁷.

Работу по оказанию помощи голодающим детдомовцам распределили на Медвеженский, Благодарненский уезды, Туркменский район и тринадцать голодающих волостей Александровского и Ставропольского уездов.

К январю 1922 г. голод усилился, что существенно увеличило количество детей в детских учреждениях. После неоднократных попыток был произведен подсчет голодающих детей в губернии. На 1 января 1922 г. их число приблизительно составило 180 тысяч человек¹⁶⁸. Из них в детучреждениях по разным подсчетам было 10.000 человек. Данные, представленные в таблице, не безусловны, но они отражали динамику численности детских домов и детей в них на начало 1922 г.¹⁶⁹:

¹⁶⁴ ГАУ ГАСК, ф.р – 338. Оп. 1. Д. 11. Л.51.

¹⁶⁵ ГАУ ГАСК, ф.р – 338. Оп. 1. Д. 11. Л. 51.

¹⁶⁶ ГАУ ГАСК, ф.р – 338. Оп. 1. Д. 11. Л. 51.

¹⁶⁷ ГАУ ГАСК // Власть Советов. – 1922. – № 593. – 29 марта. – С. 2.

¹⁶⁸ ГАУ ГАСК, ф.р – 163. Оп. 1. Д. 387. Л. 5.

¹⁶⁹ ГАУ ГАСК, ф.р – 163. Оп. 1. Д. 387. Л. 5.

Уезды, населенные пункты	Количество детских домов до неурожая	Количество детей в них до неурожая	Количество детских домов в настоящее время	Количество детей в них в настоящее время
Г. Ставрополь	5	320	13	1800
Детский городок	-	-	-	1170
Ставропольский уезд	5	230	13	1240
Александровский уезд	6	253	22	1937
Благодарненский уезд	11	731	47	2939
Медвеженский уезд	13	750	48	3116
Туркменский район	-	-	4	300

Поэтому, помимо планового увеличения количества детских домов до ста восьмидесяти, Губоно¹⁷⁰ был вынужден с помощью Губкомпомгола открыть три питательных пункта в г. Ставрополе на 500 детей¹⁷¹.

Следует еще раз подчеркнуть условность и относительность приведенных данных, не позволяющую сделать объективные выводы. Тем не менее, таблица отражает общую тенденцию, в соответствии с которой в условиях голода количество детских домов и детей в них резко увеличилось. Причем это было характерно как для относительно благополучных уездов, куда эвакуировали детей (Александровский уезд), так и для голодающих (Медвеженский, Благодарненский).

В 1922 г. из голодающих районов началась эвакуация детского населения в более благополучные Александровский и Ставропольский уезды при активном участии, в том числе и оказании материальной помощи Помгола и Губэвака. Среди эвакуированных детей были случаи заболевания холерой. Поэтому в пунктах их прибытия, в основном в Ставрополе, с целью медицинского осмотра открывались прививочные и обсервационные пункты.

В первую очередь детей вывозили из Медвеженского и Благодарненского уездов (по пятьсот человек), Туркменского района (сто человек), из села Птичьего Ставропольского уезда (двести человек)¹⁷².

Часть детей из Туркменского района разместили в г. Ставрополе в Детском городке, других – в селах Александровского и Ставропольско-

¹⁷⁰ ГАУ ГАСК, ф.р – 163. Оп. 1. Д.387. Л.5

¹⁷¹ ГАУ ГАСК, ф.р – 338. Оп. 1. Д. 11. Л.51.

¹⁷² ГАУ ГАСК, ф.р – 163. Оп. 1. Д.387. Л.11 об.

го уездов, в частности, в селе Татарка. Одновременно в Туркменском районе были открыты четыре детских дома на двести детей при помощи Помгола¹⁷³.

Дети из Благодаренского уезда были эвакуированы в села Александровского уезда.

Эвакуация детей из отдаленных сел была крайне затруднительной. Голодающих детей Медвеженского уезда сначала собирали на станциях Песчанокопской, Торговой и Расшеватка, а затем везли на железнодорожном транспорте, поскольку теплой одежды у многих детей просто не было и пешком или на гужевом транспорте добраться до пункта назначения они не могли.

Так как Александровский и Ставропольский уезды меньше пострадали от неурожая, они были сняты с централизованного государственного снабжения. Это негативно отразилось на содержании детских домов, которые перестали получать сахар, чай, промышленные товары, не производящиеся в Ставропольской губернии в условиях, когда они пополнились эвакуированными детьми из голодающих уездов.

С увеличением масштабов голода росло стремление взрослых избавиться от детей, сдать их в детские дома, несмотря на ужасные условия содержания. Пример села Михайловского был характерным для большинства детских домов и приютов Ставропольской губернии: "Дети похожи на живые трупы. Босы, оборваны, почти голы, или покрыты грязью и лохмотьями. На каждого ребенка одна смена белья. Ютятся дети в одной комнате (тридцать – сорок детей на один квадратный сажень). Воздух тяжелый, смрадный, пропитан мочой. Дети сидят на нарах, поджав от холода босые ноги. Дров нет. Топливо дети добывают сами – рубят дикие деревья. Из-за холода дети ютятся на кухне. Обед состоит из воды и картошки. Муки нет, хлеба нет..."¹⁷⁴.

Инспектор Ставропольского Уоно В.М. Коссович так описывал свои впечатления о детском доме в селе Михайловском: "Детский дом (девятино восемь детей) не живет, а поистине влачит жалкое существование: внешний вид детей производит удручающее впечатление – нет ни одного детского личика, на котором хотя бы чуть-чуть сверкала в глазах искра жизни, а, наоборот, лица детей отражают уже продолжительные страдания. Размещается детский дом в трех домах, разделенных между собой большой площадью, что создает большие неудоб-

¹⁷³ ГАУ ГАСК, ф.р – 163. Оп. 1. Д.387. Л.11 об.

¹⁷⁴ ГАУ ГАСК // Власть Советов. 1922. № 573. 5 марта. С. 4.

ства в смысле присмотра за детьми, да и сами здания совершенно не приспособлены для детского дома: в каждом доме по три-четыре низеньких, грязных и темных комнаток. Такая же запущенность в смысле санитарии и снаружи зданий. ... В детском доме нет кухонной посуды, пища готовится в чугунах, принадлежащих служащим детского дома и няньке...; в буквальном смысле слова – вши заели детей, так как нет ни гребней, ни мыла, ни общей чистоты..."¹⁷⁵. Одной из главных причин такого состояния детского дома инспектор считал халатное отношение его администрации, не желающей предпринимать меры для улучшения положения детей.

Жалобы с мест о плачевном состоянии детских учреждений заставил Губоно усилить контроль над их деятельностью. Ставропольский Уоно, обследовав детские учреждения в селах Михайловском, Московском и Пелагиадском, направил Ставропольскому губисполкому заключение: "...момент катастрофы в детских домах, созданный голодом, уже наступил. Нет слов, нет выражений, чтобы описать ужасы голода в детских домах, ибо можно прямо сказать, что голод уже был, а сейчас есть лишь предсмертные конвульсии умирающих детей в детских домах, раньше не имевших места в истории человеческих страданий. Кривая смертности близка к девяноста градусам. Мы уже преступники, но человеческая потребность (уже больше ничто, кроме этого) заставляет нас не просить, не говорить о потребной помощи, а кричать – требовать: помогите умирающим детям!.. Вы уже не спасете всех, но спасите хотя тех, кого, может быть, еще удастся спасти..."¹⁷⁶. Уоно в качестве экстренной меры предлагал Ставропольскому губисполкому усилить снабжение детских домов из центра на местах хлебом, мясом и жирами, поскольку надежд на местное население и организации не было, а также открыть чрезвычайные и экстренные кредиты. "...Уоно заявляет, что если ему не будет предоставлено Вами такого рода средства и в чрезвычайно срочном порядке, то он не в состоянии будет в дальнейшем нести ответственность за повальную гибель детей в детских домах Ставропольского уезда"¹⁷⁷.

Обследование показало, что в уезде голодает более 35.000 детей. Пятнадцать детских учреждений уезда остро нуждались в помощи: Безопасненский, Благодаренский, Бешпагирский, Донской, Констан-

¹⁷⁵ ГАУ ГАСК, ф.р – 388. Оп. 1. Д.11. Л.72.

¹⁷⁶ ГАУ ГАСК, ф.р – 388. Оп. 1. Д.11. Л.71.

¹⁷⁷ ГАУ ГАСК, ф.р – 388. Оп. 1. Д.11. Л.71.

тиновский, Кугультинский, Михайловский, Московский, Надеждинский, Пелагиадский, Птиченский, Татарский, Терновский, Старо-Марьевский детские дома и школа-коммуна № 1, находящаяся в селе Спицевка.

Детские дома были прикреплены к различным советским учреждениям и организациям, некоторые из которых, особенно воинские части, оказывали существенную материальную помощь. Так, Комиссия при Второй Кавдивизии взяла на свое попечение и полностью снабжала питанием два детских дома. Только за три месяца она оказала им помощь на один миллиард рублей.¹⁷⁸ Другие учреждения (Губземотдел, Губисполком, Губчека, Совпроф, Губвид, Губмилиция, Коммухоз, Губком, Губсоюз, ЕПО и др.) оказали помощь десяти детским домам города и одному детскому городку на сумму 504 миллиона рублей. Губкомпомгол отпустил продуктов питания на 500 детей для трех питательных пунктов в г. Ставрополе и каждый месяц отчислял 50% поступающих средств в фонд питания детей по всей губернии¹⁷⁹.

Помощь со стороны местного населения губернии по-прежнему была мизерной, только в Александровский и Ставропольский уезды давали питание на 2.800 детей.

Для сбора средств в фонд детских домов Губоно совместно с другими организациями и учреждениями проводили благотворительные вечера, спектакли, на одном из которых в г. Ставрополе было собрано около семидесяти миллионов рублей¹⁸⁰.

При распределении детских пайков для детей Царицынского отделения АРА (американская благотворительная организация, действующая на территории Ставропольской губернии в годы голода) губОНО предоставило 14.900 пайков для детских домов (по числу детей, находящихся в них)¹⁸¹.

Кроме того, в первую очередь АРА отпускала продукты в детские дома губОНО, снятые с государственного снабжения (Александровский и Ставропольский уезды), а после для детей, не находящихся в детских домах.

В августе 1922 г. детские дома г. Ставрополя получили от АРА 1446 детских пайков, по количеству находящихся в них детей¹⁸². В ноябре

¹⁷⁸ ГАУ ГАСК, ф.р – 388. Оп. 1. Д. 11. Л. 51-52.

¹⁷⁹ ГАУ ГАСК, ф.р – 388. Оп. 1. Д. 11. Л. 51-52.

¹⁸⁰ ГАУ ГАСК, ф.р – 163. Оп. 1. Д.387. Л.4 об.

¹⁸¹ ГАУ ГАСК, ф.р – 163. Оп. 1. Д.386. Л. 2.

¹⁸² ГАУ ГАСК, ф.р – 415. Оп. 1. Д.37. Л. 22.

для восемнадцати детских закрытых учреждений г. Ставрополя Американской администрацией помощи было отпущено 1575 пайков¹⁸³:

детский дом № 1 им. Ушинского – 114
 детский дом № 2 им. Блинева – 102
 детский дом № 3 им. Некрасова – 38
 детский дом № 4 им. Чехова – 108
 детский дом № 5 им. Горького – 37
 детский дом № 6 им. Никитина – 52
 детский дом № 7 им. Калинина – 99
 детский дом № 8 им. Короленко – 57
 детский дом № 9 им. Апанасенко – 62
 детский дом № 10 им. Толстого – 77
 детский дом № 11 им. Маркса – 83
 детский дом № 12 для дефективных детей – 83
 детский дом № 13 им. Троцкого – 85
 детский приемник – 254
 Дом матери и ребенка № 1 – 36
 Дом матери и ребенка № 2 – 14
 Детская больница № 1 – 40
 Детская больница № 2 – 234.

АРА снабжала пайками детские дома уездов, наиболее пострадавших от голода: в ноябре 623 пайка были выделены для детдомов Ставропольского уезда, 1950 – для Медвеженского, 1042 – Благодарненского, 1295 – для Александровского уезда и 318 – для Туркменского района. Всего АРА только за ноябрь 1922 г. снабдила продуктовыми пайками 6803 детей, находившихся в детских домах Ставропольской губернии¹⁸⁴.

Несмотря на все усилия, уровень смертности детей в детских домах Ставропольской губернии был чрезвычайно высок. Основными причинами этого были голод, корь, дизентерия, катарр желудка, тиф, другие инфекционные заболевания.

Незащищенность детей в приютах и детских домах была очевидной, но это не останавливало взрослых. Усугубляло положение то, что во многих случаях собранные с населения продукты, предназначенные для брошенных детей, распределялись между членами исполко-

¹⁸³ ГАУ ГАСК, ф.р – 415. Оп. 1. Д.34. Л. 18.

¹⁸⁴ ГАУ ГАСК, ф.р – 415. Оп. 1. Д.34. Л. 11.

мов, их семьями и родственниками. Именно представители местной власти чаще других пытались "сплавить" своих детей в детские дома, на казенный паек до лучших времен, совершенно не заботясь о чужих детях, действительно нуждающихся в этом.

Во многих детских учреждениях процветали хищение продуктов и воровство среди обслуживающего персонала и работников. Проверка детского дома села Безопасного Ставропольского уезда показала, что неизвестно, куда пропали 55 овчин, пожертвованных населением, продукты, пшено и мука, большая часть которых отпускалась обслуживающему персоналу и своим людям. Было установлено, что прием детей производился "по блату" и на усмотрение местного председателя исполкома, который разместил здесь не только своих детей, но и некую 17-летнюю девицу, ему приглянувшуюся.

Однако не только бедняки и представители местной власти пытались избавиться от детей. Эта тенденция стала распространенной среди практически всех слоев населения губернии. Зажиточные люди также, пользуясь связями, сбывали своих детей в детские дома: "Дети – наша обуза, так рассуждают спекулянты... Вот и пример. Есть в нашем селе (Б. Джалга) два "гражданина" – Хиля и Юнда. Живут они великолепно. Масла коровьего продают по 15-20 фунтов сразу, хлеб едят белый, совершенно не чувствуя, что здесь же в селе едят хлебные суррогаты и что у некоторых и этого нет. Чтобы свободнее жить, они определили своих детей в детский дом. Не правда ли, как просто?"¹⁸⁵.

Многие родители, рассчитывая, что кто-нибудь из взрослых все же сжалится, заставляли своих детей бродяжничать и просить милостыню. Однако, выражаясь словами периодики того времени, "буржуазная масса оставалась глуха к этому". Подростки 10-15 лет, выгнанные родителями, приходили в исполкомы и требовали удостоверений для ухода в Кубанскую область "на заработки". Малыши попрошайничали как поодиночке, так и группами: "Дайте хлеба, мы уже давно не ели, а мама и папа нас выгнали из дома". Они еле-еле шевелят ножонками в больших оборванных валенках и плачут. Помощи нет – зажиточный элемент в большинстве выехал со скотом на зимовку"¹⁸⁶.

Характерно, и это отмечали очевидцы, что в уездах, меньше пострадавших от неурожая и голода, несмотря на наличие хлеба и других

продуктов, отношение к детям со стороны взрослых было не менее жестоким и безразличным.

Таким образом, представления о ценности детства в эпоху социальных катаклизмов претерпевали существенное изменение, обусловленное целым рядом причин – распадом многих семей, отрывом от традиционных устоев, изменением положения женщины в семье и обществе и т.д. И эта тенденция очень четко просматривается на фоне событий 1921-1922 гг., когда голод продемонстрировал полную зависимость и незащищенность детей от взрослых.

Несмотря на активизацию деятельности некоторых государственных и общественных организаций, предпринимавших попытки обустроить детские дома, расширить сеть приемников-распределителей, снабдить детей продуктами, одеждой и прочее, для большинства взрослого населения на первом плане было удовлетворение собственных физиологических потребностей в еде. Ребенок стал обузой для многих родителей, которые предпочитали избавиться от него, подбросив в детский дом или просто оставив на улице. Голод наглядно показал, что для многих взрослых, озабоченных собственным выживанием, дети перестали быть социальной ценностью.

3.2. ДЕТСКАЯ ПРАЗДНИЧНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ФОРМА ОСВОЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТЕКСТА 1920-1930-х гг.

Одной из главных тенденций в изменении ценностных представлений об отдыхе и досуге в 1920-1930-е гг. стала коллективная форма их проведения. Массовость мероприятий, по мнению некоторых исследователей, способствовала ритуализации общественного сознания¹⁸⁷. При этом происходило целенаправленное и планомерное вытеснение из повседневности религиозных праздников, связанное с государственной политикой и распространением атеистических настроений, и за-

¹⁸⁵ ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 530. 1922. 11 января. С. 4.

¹⁸⁶ ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 549. 1922. 3 февраля. С. 1.

¹⁸⁷ Булдаков В.П. Постреволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // Нэл в контексте исторического развития России XX века. М.: Наука, 2001. С. 210.

мена их государственными и народными, в обоих случаях заканчивающихся массовыми гуляньями.

"Советизация" праздника и досуга стала неотъемлемой частью культурной повседневности 1920-1930-х годов. Как взрослое, так и детское население страны Советов перестраивали свое досугово-праздничное пространство в соответствии с новой ценностной парадигмой и идеологией, предполагающей формирование культурной идентичности через коллективные и массовые формы.

Существенное изменение претерпел социальный состав отдыхающих – это видно из названий мест отдыха: народные дома, народные кружки, народные театры, театры рабочей молодежи... Народ требовал хлеба и зрелищ. Хлеба в 1920-е годы было мало, и его необходимо было заменить зрелищами. Отдых и досуг представителей разных социальных групп отличались. В условиях НЭПа широкое распространение получил так называемый "ресторанный" отдых, доступный незначительной части населения. Нэпманы, прекрасно осознавая временность своей относительной свободы, транжирили огромные суммы, проводя свой досуг в ресторанах и разного рода увеселительных заведениях.

Крестьяне гораздо реже посещали кинематограф в силу привязанности к хозяйству и отдаленности проживания, однако появление рабоче-крестьянских клубов, где демонстрировались фильмы на повседневные, близкие и понятные темы ("Броненосец Потемкин", "Земля", "Мать" и др.), сделало кино частью досуга и сельского населения.

Кинофильмы очень быстро вошли в обыденную жизнь детей, которые, отличаясь повышенной восприимчивостью и эмоциональностью, зачастую пытались воспроизвести некоторые эпизоды в реальности. На страницах периодики тех лет встречаются сообщения о том, что после выхода фильма "Знак Зорро" увеличилось число краж, совершенных детьми; после демонстрации фильма "Приключения Банмортимера" группа детей украли деньги, устроила кутеж в лучшей из городских гостиниц и "казнила котенка, который изображал бандита"¹⁸⁸.

Следует отметить, что детский досуг и отдых очень быстро приобрели идеологическую окраску. Детская пионерская и юношеская комсомольская организации стали главными центрами и средоточием жиз-

¹⁸⁸ Ногина Е.В. Кино как форма досуга городского населения Ставрополя в 1920-е годы // ЧЕЛОВЕК: Научный альманах. Ставрополь: СГПИ, 2005. С. 118.

ни советских детей и подростков. Пионерские лагеря, дружины, пионерские костры, комсомольские отряды заняли важное место в досуге советского школьника.

Потребность в постреволюционной и послевоенной релаксации зачастую не находила удовлетворения в рамках традиционных и одобряемых обществом культурно-досуговых мероприятий. Это стало одной из причин распространения в рабоче-крестьянской среде различных форм девиантного поведения: алкоголизма, наркомании, проституции, ставших неотъемлемой частью отдыха. Пьянство в 1920-е годы стало распространенным явлением среди всего населения. Нэпманы могли позволить себе качественный алкоголь, крестьяне предпочитали самогон, рабочие – употребляли что придется, особенно после начала антиалкогольной кампании. Так или иначе, спиртные напитки стали традиционным элементом досуга.

Все больше в сферу отдыха и развлечений в 1920-е годы входили наркотики. Надо сказать, что некоторые представители культурной элиты того периода рассматривали их употребление как неотъемлемую часть богемной жизни¹⁸⁹.

Характерной стала наметившаяся тенденция проникновения наркомании в сельскую местность и рабоче-крестьянскую среду. Одной из причин этому послужило активное вовлечение в сферу отдыха и досуга женщин свободного поведения и увеличение числа рабочих, пользовавшихся их услугами. Спрос рождал предложения, а общее падение нравов, обусловленное кризисным состоянием общества, и распространение идей о свободной любви только способствовали этому. Тезис того времени "Коммунизм – могила проституции" не оправдал себя¹⁹⁰.

Необходимо отметить, что изменение соотношения в среде отдыхающих в сторону выходцев из социальных низов, преобладание рабочей и крестьянской субкультур и пренебрежительное отношение к интеллигенции значительно снизили уровень отдыха и досуга. Широкое распространение получила народная низовая культура, особенно в условиях отрицания старого культурного "буржуазного" наследия и навязывания образцов идеологически выдержанной пролетарской культуры.

¹⁸⁹ Панин С.Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917 – 1920-е годы) // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 132.

¹⁹⁰ Панин С.Е. Борьба с проституцией в России в 1920-е годы // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 114.

В этих условиях вовлечение детей и подростков в построение нового общества и формирование нового типа советского человека происходило через такие формы досуга и праздничности, как коллективные шествия, парады, марши, массовые спортивные мероприятия. По сути, как показывает историческая практика, не было изобретено ничего нового. Использование феномена толпы и принципа "хлеба и зрелищ" исторически оправданы и результативны.

При этом никогда ранее в отечественной истории государство, на наш взгляд, не использовало институт детства в таких масштабах, как в этот период. По крайней мере, количество нормативно-правовых актов первых лет советской власти свидетельствуют именно об этом. Дети стали частью государственного механизма, с одной стороны, важной в плане потенциала, с другой – нуждающейся в корректировке и направлении. Именно этим обусловлено столь пристальное внимание к институту детства со стороны государства, внедрение новых методов и приемов в образовательный и воспитательный процессы.

Спецификой процесса формирования нового советского поколения было то, что в процессе досугово-праздничной деятельности дети и подростки, по сути, проигрывали взрослые, но политически выверенные и идеологически окрашенные роли. Повседневность ребенка, по сути, представляла собой кальку взрослой. Как быт, так и организованный досуг детей были подвержены серьезной идеологизации, политизированы и представляли собой повторение взрослого образа бытовой повседневности и праздничности.

Вот выдержка из письма тех лет: "Дорогие ребята! Сегодня у вас замечательный праздник – день рождения Владимира Ильича Ленина! Этот радостный день отмечают люди разных возрастов и поколений, ведь красный пионерский галстук с радостью носили бы те, кто вел смертельную борьбу с кулачеством, создавал первые колхозы, кто строил новые города, заводы, фабрики, кто покорила необузданную стихию, космос и те, кто строит сейчас новое коммунистическое общество, и вы, юные ленинцы.

Сегодня хочется вас, дорогие наши друзья, не только поздравить с юбилеем, но и вспомнить некоторые странички из истории пионерского движения Ставрополя... увлекательные экскурсии, походы, вечера с вольными упражнениями, песнями, танцами, стихами, пионерские костры с печенной картошкой, все это надолго запомнилось и в

корне изменило жизнь детей простых рабочих и крестьян, беспризорных, чьи родители погибли в борьбе с белогвардейцами"¹⁹¹.

Только через коллектив, через различные объединения, проведение совместных мероприятий возможно было за короткий период сформировать необходимые качества в подрастающем поколении. Личность, предоставленная себе, склонна мыслить и сомневаться. Толпа идет за вожаком. Поэтому необходимо было как можно больше охватить свободное время детей, организовать и скорректировать его.

"Какая это прелесть – ходить маршем под гармонику! Мы не мечтали о маршах под духовой оркестр. Это нам удалось сделать в один из каких-то праздничных дней на демонстрации. И это было единственный раз. Походы мы обычно совершали в праздничные дни. И когда проходили по селу строем, с песнями, на улицу выходили люди и сопровождали нас восхищенными восклицаниями. Но были и такие, которые кричали нам вслед: "голодранцы", "пионеры юные – головы чугунные", "безбожники" и т.д. Часто во время походов нас просили сделать какие-нибудь гимнастические упражнения, пирамиды. Мы это делали с удовольствием и вокруг собиралась толпа людей. А в это время знаменосец вместе с двумя охранявшими стояли в стороне"¹⁹².

Антирелигиозная пропаганда и атеистическое воспитание нового поколения советских граждан занимала важнейшее место в организации досуговой деятельности. В школах через пионерскую организацию проводились беседы по разъяснению происхождения религиозных праздников, в первую очередь, Рождества, особенно любимого детьми. От устройства елок для детей государство призвало воздержаться¹⁹³.

Детское население начинают активно привлекать к участию в новых государственных праздниках, направленных на объединение, создание коллективного духа и формирование чувства причастности к общей идее. Так, празднование 1 мая в г. Ставрополе в 1922 г. проходило организованно и с привлечением как взрослого, так и детского населения города. Еще 30 апреля было проведено торжественное собрание частей гарнизона, посвященное выяснению значения присяги, ликвидации безграмотности, концерт, а также вечер воспоминаний участников празднования 1 мая до революции и после. С 9 ч. 30 мин. 1

¹⁹¹ СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.568 ед.хр.1 л. 2-3.

¹⁹² СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.568 ед.хр.1 л.1.

¹⁹³ ГАУ ГАСК ф.р.– 300 оп. 1д. 95. Л. 4.

мая все профессиональные организации собирались около здания Совпрофа. Дети детских домов и учащиеся с девяти лет в это же время собирались около здания Губнародобраза. Комсомол – около губкома РКСМ. От места сбора все двигались к площади Луначарского, где в 11 ч. 00 мин. проходил парад. После начиналось шествие по улицам города с музыкой и революционными песнями. По пути с балконов Губисполкома представители партии произносили речи. С 13 ч. 00 мин. до 17 ч. 00 мин. в роще проходил детский праздник, после которого дети шли в кинематографы "Солей", "Наука и жизнь", "Модерн" и театр Пахалова. Вечером было организовано торжественное заседание партийцев, членов профсоюза, представителей частей гарнизона г. Ставрополя в театре им. Ленина, где с 19 ч. 00 мин. для взрослых был дан спектакль¹⁹⁴. Была поставлена революционная хроника. Пьеса исполнялась труппой пехотно-пулеметных кадров. Как свидетельствовали источники тех лет, спектакль прошел довольно оживленно. Публики было много. В театре Луначарского в этот день шла пьеса "Сполошный знак", в которой участвовала труппа Центрального показательного клуба. "Зал был переполнен. Исполнители пьесы поняли мысль последней и провели свои роли весьма удовлетворительно"¹⁹⁵. В клубе 62-го батальона в 20 ч. 00 мин. был проведен митинг, после которого шла революционная пьеса "Странник". Завершился вечер концертом и танцами.

Подготовка детского населения к празднованию была организована заранее: дети делали красные флажки, бантики, украшали портреты вождей, плакаты с надписями: "Дети! Жизнь красиво стройте без насилия и зла", "Дети всего мира – на помощь старшим, на борьбу за коммунизм!!!", "Юные, гордые, смелые, смелое дело отцов завершим!"¹⁹⁶.

В день праздника, выстроенные стройными колоннами по восемь человек в ряд, празднично одетые, с красными флажками, цветами, зелеными ветвями с развернутыми знаменами в руках дети "чинно и серьезно стояли у Народообраза и ждали речи товарища Лапшина, который вскоре показался на балконе и сказал собравшимся детям несколько прекрасных слов о значении дня 1 мая, назвав его светлосолнечным праздником, который нельзя не любить им, детям, воспи-

¹⁹⁴ ГАУ ГАСК // Власть Совета. № 617. 30 апреля 1922 г. С. 4.

¹⁹⁵ ГАУ ГАСК // Власть Совета. № №619. 3 мая 1922 г. С. 4.

¹⁹⁶ Там же. С. 3.

тивавшимся на новых коммунистических началах. Дети ответили товарищу Лапшину дружным "ура" и пением "Интернационала" и "Гимна свободы"¹⁹⁷.

Затем, с революционными песнями дети двинулись на площадь, и заняв отведенное им заранее место, слились со взрослыми. А после действия детям раздали по куску белого хлеба, что в условиях голода начала 1920-х гг. на Ставрополье было достойным завершением праздника и наглядной демонстрацией принципа "хлеба и зрелищ" в действии.

Не стоит забывать, что до 1917 г. большая часть детского населения нашей страны была лишена возможности доступа к организованному досугу. Следует отдать должное государственной политике, посредством которой у поколения детей 1920-30-х гг. появилась такая возможность – массовые зрелища (спектакли, концерты и др.) стали важной частью не только праздников, но и повседневности. Дети с удовольствием и смотрели и сами принимали участие в постановках: "Любили мы и спектакли. Часто мы давали спектакли в народном доме... К сожалению, я забыл, какие пьесы мы ставили. Помню, в одной пьесе я исполнял роль попа, который пришел в дом к старухе, чтобы убедить пионера отказаться от своего слова...

Любили мы и декламировать. С пионерских лет я помню стихотворение "Каменщик", "9 января" и др. Стихотворения мы читали на вечерах взрослых в Народном доме"¹⁹⁸.

В процессе формирования нового поколения важное место отводилось разучиванию и коллективному исполнению детьми новых песен, тексты которых были патриотически окрашены и воспитывали советских граждан: "Песни оказывали большое влияние на формирование развития нашего сознания, убеждений, на наше отношение к окружающему, к советскому государству, на наше физическое развитие. По-настоящему я петь не умею, но всегда делал это в строю, в компании. Делаю это и сейчас. Песни "Наш паровоз", "Лейся песня, мой друг", "Вперед заре навстречу", "Смело, товарищи, в ногу" и другие я не могу сейчас слушать без волнения и часто сам напеваю их"¹⁹⁹.

Строевая подготовка активно использовалась в организованном досуге советских детей, должных уметь демонстрировать не только

¹⁹⁷ ГАУ ГАСК // Власть Совета. № №619. 3 мая 1922 г. С. 3.

¹⁹⁸ СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.568 ед.хр.1 л. 1.

¹⁹⁹ СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.568 ед.хр.1 л.19.

идеологическую, но и физическую зрелость, а также готовность в любой момент стать на защиту государства. Воспоминания подростка тех лет служат наглядной демонстрацией этого: "Первый день образования нашего отряда закончился построением в одну шеренгу, расчетом и краткой маршировкой. Этим и начинались наши почти ежедневные сборы. В пионерской организации я познакомился с понятиями "мирно", "вольно", "равняйся", "налево", "направо". Здесь же приобрел навыки по строевой подготовке. Эти навыки, закрепленные за время пребывания в комсомоле, очень помогли мне в будущем. До Великой Отечественной войны я не был в армии. Но когда я был призван в армию, я чувствовал себя вполне подготовленным. Вот, наверное, почему, когда я сейчас вижу на торжественных линейках пионеров, идущих строем, но не в ногу, как попало, и не умеющих быстро, на ходу сменить ногу, меня коробит"²⁰⁰.

Спорт, занятия гимнастикой, ориентация на сдачу норм ГТО – все в коллективе, через формирование ответственности за рядом стоящего товарища: "Почти на каждом сборе мы разучивали гимнастические упражнения и пирамиды. По воскресеньям и по праздничным дням около нашего клуба обычно собиралось много молодежи. Их привлекали сюда наши упражнения и пирамиды. В исполнении их мы добились четкости и внимательности. Горе было тому, кто был невнимателен. Был такой случай. На одном из собраний взрослых мы должны были выступать в народном доме со своими гимнастическими упражнениями, пирамидами и в заключении девочки должны были исполнять балет "Мы белые снежинки". Одна девочка заболела и ее место предложили занять мне. И вот за 10-15 мин. я должен был научиться выполнять движения, как все девочки. В некоторых местах я отставал от всех. После мне было сделано серьезное замечание на совете отряда за то, что я не сумел сделать все без ошибки"²⁰¹.

Игры детей 1920-1930-х гг. были отражением реалий тех лет. Дети играли в то, чем взрослые жили. Конечно, традиционные детские забавы оставались, они оказались сильнее политики и идеологии. Один из современников так вспоминал свое детство: "Часто мы увлекались так, что это дело затягивалось до поздней ночи. Но важно сказать об этом – мы не боялись поздних вечеров. Не боялись потому, что мы постоянно группами в несколько человек провожали девочек домой.

²⁰⁰ СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.568 ед.хр.1 л. 18.

²⁰¹ Там же.

Я не помню ни одного мальчика, которого бы мы провожали домой. Мальчики расходились тогда, когда всех девочек разводили по домам. Это тоже воспитывало у нас бесстрашие. Мы очень много слышали о мертвецах, якобы выходящих из могил ночью. И вот, чтобы не бояться этого, мы часто, провожая девочек, шли через кладбище. Я помню два случая, когда мне пришлось с одной девочкой проходить через кладбище. "Где тебе лучше и безопаснее идти: впереди или сзади?" – спросил я девочку. Она ответила: "Мне все равно: я ничего не боюсь". И вот в темноте мы разглядели медленно движущийся предмет. Конечно, страх овладел нами, но ни я, ни она не бросились бежать. Предмет стал удаляться от нас. Преодолевая страх, мы все же стали следовать за предметом и как мы обрадовались и рассмеялись, когда ясно увидели очертания свиньи, которая с хрюканьем убежала от нас.

Были случаи, когда нас взрослые пытались пугать. Так однажды на пути у нас оказалось мохнатое, грубо говорящее существо...Мы были напуганы, но дружным градом калчей (куски затверделой земли) мы осыпали это существо и обратили в бегство... Любили мы играть и в "Третий лишний" и в "Перепрыжки" и др.²⁰²

Но, как отражение реалий 1920-1930-х гг., появляются и новые игры и развлечения: "Любили мы играть. Большое впечатление у меня, да и моих друзей оставила игра "белые и красные". Сколько требовалось хитрости, сообразительности, чтобы найти флаг противника, обмануть охрану, унести этот флаг..."²⁰³.

Организованные походы и ночевки также стали важной формой воздействия на коллективное сознание. Они объединяли, сплачивали детей, создавая благодатную почву для взращивания идеологически верных и физически выносливых будущих граждан советского государства. При этом воспоминания уже взрослых людей практически лишены идеологической окраски. Дети проживали свое детство, не замечая и не осознавая внешнего воздействия: "Ночевали мы зимой и летом. Помню ночевку в избе-читальне зимой, ночевку на хуторе "Заветы Ильича" летом. Однажды группа мальчиков-пионеров совершили суточный поход в с. Медвежье (25 верст). Шли мы всю ночь. И встретив солнце в поле под Медвежьим, мы легли спать в стайки (снопы скошенного сена, сложенные в крестообразные копны). Выс-

²⁰² СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.568 ед.хр.1 л. 18.

²⁰³ СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.568 ед.хр.1 л. 1.

павшись, мы пошли в с. Медвежье, искупались в Егорлыке и, голодные, отправились домой в с. Лад-Балку. Домой мы пришли с заходом солнца. Ночевки, походы закаляли, вырабатывали смелость и мужество. Помню, однажды осенью я и три пионерки поехали на районный слет пионеров. По окончании слета нас не обеспечили транспортом, хотя обещали. Часа в четыре вечера, потеряв надежду получить транспорт, мы, 11-12-летние, три девочки и один мальчик, решили отправиться пешком домой. Райкомовский работник тешил нас надеждой получить транспорт и не советовал идти. Мы решили: что же мы за пионеры, если будем бояться идти в ночь 25 верст домой? И мы отправились. Темная осенняя ночь. Ничего не видно. Перед глазами встают воображаемые разные фигуры. То кажется, что надвигается темная толпа людей, то какие-то животные, оскалив пасть, готовые броситься на нас, то вдруг на дороге перед нами поднимается непонятный черный куст. И так все время. Чтобы как-то отвлечься и ускорить путь, мы решили не отдыхать и время от времени пускались вскачь, взявшись за руки. И вот на пути глубокий овраг. Темнота уплотнялась, наступила могильная тишина. Потянуло сырым прохладным ветерком. Жуть охватила нас. Мы слышали удары своего сердца"²⁰⁴.

Т.о., политизированность и идеологизированность общественной жизни и массового сознания в 1920-30-е гг. отразились на всех культурно-массовых мероприятиях, сделав их средством и ареной агитационно-пропагандистской борьбы и формой распространения новых идей среди населения, в первую очередь, подрастающего поколения.

Социокультурные изменения и значительное распространение массовой советской культуры способствовали тому, что в обществе одновременно сосуществовали две тенденции в сфере отдыха и досуга. Одна – узаконенная, официальная, развивающаяся в рамках идеологических установок, была представлена кинематографом, театром, клубами, библиотеками, выставками и прочим. Другая – теневая, получила распространение в самых различных социальных группах, – пьянство, наркомания, проституция. Одновременное сосуществование этих двух тенденций в сфере отдыха и досуга отражало все социокультурные противоречия периода постреволюционной и послевоенной релаксации.

"Как отцы живут, так дети играют"²⁰⁵... Детские праздники и повседневная жизнь стала для поколения советских детей 1920-1930-х гг.

²⁰⁴ СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.568 ед.хр.1 л.1.

²⁰⁵ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ.

формой освоения аксиологической составляющей пространственно-временного контекста. Организованный досуг детей, с одной стороны, стал отражением социально-экономических и политических изменений тех лет. С другой – праздничность и бытовая повседневность (игры, развлечения, забавы, песни и др.) стали представлять ценность как форма и средство воздействия на детей и подростков в процессе возвращения нового, идеологически выдержанного и физически выносливого поколения, могущего стать надежной опорой обществу и государству. Последующие десятилетия отечественной истории стали этому подтверждением.

3.3. "ДЕТИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ" ИЛИ ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ 1920-1930-х гг. В СТИХАХ СТАВРОПОЛЬСКИХ ДЕТЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Среди источников по истории детства особое место занимают письма, дневники, стихи, сочинения детей и подростков, отражающие как внутренние особенности ребенка, так и влияние взрослого мира (идеологическое и политическое воздействие на личность, психологическое манипулирование и др.).

Общественно-политические реалии 1920-1930-х гг. не могли не отразиться на ребенке, как лакмусовая бумажка, впитывающем в себя все изменения и новые веяния, и в силу возрастных и психофизиологических особенностей, подверженному внешнему влиянию.

Анализ детского стихотворного творчества, представленного на страницах периодической печати тех лет, дает наглядное представление о процессах, происходящих в обществе. Несовершенство или полное отсутствие стиля, орфографические и пунктуационные ошибки (сохраненные автором) нивелируются эмоциональным накалом, открытостью и поражающей уверенностью в собственной правоте и юных стихотворцев. Конечно, необходимо учитывать, что периодика тех лет печатала только идеологически выдержанные материалы. Насколько дети были искренними и верили в то, о чем писали, судить трудно, но для нас важным является тот факт, что практически все значимые события были восприняты подрастающим поколением советских граждан так, как того требовала идеология. Это дети своего времени.

В коллективном творчестве пятиклассников из Дагестанского селения Сталин-аул (говорящее название), вдохновленных примером взрослых, восторженная, по-детски наивная реакция на процесс коллективизации:

"На саклях у нас
 Флаги-кумачи,
 По улице нашей
 Оркестр звучит.
 У нас неколхозников
 Нынче нет,
 Нашему колхозу
 Все шлют привет.
 Дружно работаем,
 Дружно живем,
 О своем колхозном
 Песню поем:
 – Живи, живи,
 Ударный колхоз,
 Вечно живи,
 Ударный колхоз!"²⁰⁶.

Голод 1921-1922 гг. на Ставрополье тяжелее всего отразился на детском населении, менее всего защищенном в тех условиях. На страницах газеты "Власть Советов" было опубликовано детское стихотворение "Сам о себе":

"Вот мальчик в лохмотьях лежит у дороги,
 Головку без шапки склонивши к земле,
 Сегодня живет он, а завтра уж мертвый,
 Он хочет сказать: "Дайте хлебушка мне!"
 Идут мимо сыты, о нем нет и дела:
 Лишь были бы сыты, лишь только они...
 Вот в доме напротив романсы запели,
 А мальчик, он стонет в предсмертном огне...
 Поете! И смех ваш звучит
 Серебристой волною...
 Поете? А знает, гибнут они?"

²⁰⁶ ГАУ ГАСК // Сталинские ребята. 22 января 1936 г. № 4 (64). С. 1.

Пусть наше проклятие будет с тобою –
 С тобою, что думаешь сам о себе!!!"²⁰⁷.

Ранее уже рассматривалось положение детей Ставрополья в голодные годы, когда родители заставляли их попрошайничать, подбрасывали в детские учреждения, оставляли умирать на улицах. Ценность детской жизни была утрачена, поскольку масштабы голода заставляли взрослое население забыть о человеческом в себе и выживать только животными инстинктами. Жертвами случаев людоедства также чаще становились именно дети²⁰⁸.

Активное вовлечение подрастающего поколения в общественно-политическую и хозяйственную жизнь сделало их полноправными участниками всех происходящих процессов и событий. Летние лагеря, в которых дети и подростки вместе со взрослыми боролись за урожай, собирая колоски, детские дозоры, организуемые для ночной охраны от расхитителей колхозного имущества, стали действенными формами идеологической работы с подрастающим поколением советских граждан:

"Нам всего
 По десять, по пятнадцать
 Звонких лет, Цветущих словно май.
 В лагеря
 Идем мы закаляться
 И стеречь колхозный урожай.
 Мы в полях
 У стогектарных клеток
 Вышки для дозоров
 Возвели
 И работать в лагеря
 На все лето
 Из станиц и сел
 Перешли...
 Пусть-ка враг
 Уставит свои взоры

²⁰⁷ ГАУ ГАСК // Власть Советов. 11 января 1922. № 530. С. 1.

²⁰⁸ Леонова Н.А. Изменение представлений о ценности детства в условиях голода 1921-1922 гг. // Вестник СГПИ. 2007. № 9. С. 128-134; Леонова Н.А. Институты детства и семьи в эпоху перемен (по материалам 1920-х гг.) // Новинки научного прогресса -2013: Материалы XI Международной научно-практической конференции Т.5. Педагогические науки.София, 2013.С. 13-17; и др.

И на хлеб потянется рука, –
 Сразу же
 Поймается дозором,
 Не успевши
 Срезать колоска...
 А как сядет
 Солнце за горами
 У палаток
 Песни зазвучат:
 "Стерегут поля и гряды,
 Чтобы вор и враг не влез
 Пионерские отряды
 Аполлонской МТС" ²⁰⁹.

Даже в романтических стихах, посвященных приходу весны, детское воображение, подвергшись идеологической обработке, вставляет строки, продиктованные жизненными реалиями:

"Буйный ветер дует, дует,
 Быстро гонит облака.
 Водопадами бушует
 Быстроходная река.
 По каналам и оврагам
 Снег нестаянный лежит
 И весну свою встречая
 Лес от радости звенит.
 Пробудилась степь шмелями,
 Загудели трактора.
 Все весенний сев начали,
 Идет рабочая пора.
 Боевые песни льются,
 Все колхозники поют
 Про страну свою родную,
 Про весну и труд" ²¹⁰.

Индустриальное развитие СССР, первые пятилетки, строительный бум, эмоциональный всплеск, сопровождающий эти процессы, а так-

²⁰⁹ ГАУ ГАСК // Северо-Кавказский большевик. 30 сентября 1934 г. № 178. С. 5.

²¹⁰ ГАУ ГАСК // Сталинские ребята. 17 марта 1936 г. № 13 (73). С. 12 об.

же внедряемая в массовое сознание идея врага и внешней угрозы, детьми воспринимались буквально:

"У республики Советов
 Край широк, далек.
 Много тысяч километров
 Вдоль и поперек.
 Все растет над страной
 Стройки стук.
 Крепче стой, часовой,
 На посту!
 Посреди широт советских,
 С каждым новым днем
 Бурным ростом пятилеток
 Мы растем, растем.
 Но вокруг советских строек,
 Облегая ширь,
 Притаился враг жестокий,
 Обреченный мир.
 Этот враг ведет разведку
 К чащам наших труб,
 Он на нашу пятилетку
 Скалит волчий зуб.
 У врага готовы пушки,
 Только выждать срок –
 Он готов нас взять на мушку
 И спустить курок.
 Только зря: с лесов высоких
 Зорок острый глаз.
 Просчитаешься жестоко
 Ты и в этот раз.
 К вражьей хитрости привычный
 И готовый в бой
 Тверд и зорок пограничник –
 Красный часовой!" ²¹¹.

Дети поколения 1920-30-х гг. готовы были отдать жизнь за Родину, Сталина, которым посвящали свои пламенные творения:

²¹¹ ГАУ ГАСК // Сталинские ребята. 23 февраля 1936 г. № 9 (69). С. 7.

"Ликует сердце детское,
 Цветет страна советская,
 Никем не победимая,
 Страна моя любимая.
 Нас мудрый Сталин жить учил,
 Он в руки радость нам вручил.
 И нет нигде страны такой –
 Для сердца близкой и родной.
 И нашу родину ведет
 Любимый Сталин все вперед.
 Для нас работает в Кремле.
 Любимый друг во всей земле.
 Он, как заботливый отец,
 Его забот не перечесать.
 Страну к победе он ведет,
 И любит Сталина народ.
 От гор, где снег лежит века
 И до границ материка,
 На суше, в море и везде
 Поются песни о вожде"²¹².

В период страшных репрессий 1938 г. Васген Карабоков, ученик Кисловодской школы № 14, писал:

"Счастливое детство
 И юность у нас,
 Нам всюду открыты дороги,
 Повсюду, куда только
 Видит наш глаз –
 Веселья
 И радости много.
 Мы, школьники
 Нашей любимой страны,
 Где детство счастливо и ясно.
 Мы так в своих школах
 Учиться должны,

²¹² ГАУ ГАСК // Сталинские ребята. 2 декабря 1938 г. № 76 (257). С. 65.

Чтоб Сталин сказал нам:
 "Прекрасно!"²¹³.

Большое количество детских стихов посвящено В.И. Ленину, его жизни и смерти:

"Умер Ленин... Знамена скрестили
 Над могилою люди страны.
 Молча головы низко склонили,
 Чтобы не были слезы видны.
 Звуки марша печально рыдали,
 Разливаясь приятной волной,
 И, сливаясь, грустно стихали,
 Проносья над молчавшей толпой.
 Великий Ленин вечно с нами,
 Счастливой жизнью мы живем.
 Мы гордо ленинское знамя
 С любимым Сталиным несем!"²¹⁴.

Обращают на себя внимание последние строки, наглядно демонстрирующие уже сформированное благодаря идеологической пропаганде умение ребенка лавировать, приспосабливаться к ситуации и чувствовать дух времени: "Король умер! Да здравствует король!".

Смерть С. Кирова, комментариями которой и некрологами пестрела периодика тех лет, также не осталась без детского внимания:

"Погиб большевик за рабочих,
 За дело Советов погиб.
 Проклятой тиранской рукою
 Он на работе убит.
 Подернуты трауром взоры
 Трудящихся мира всего.
 Погиб большевик за рабочих,
 Но помнить мы будем его"²¹⁵.

Так же эмоционально окрашена и идеологически выдержана мгновенная реакция одного из самых активных ставропольских детских корреспондентов тех лет, Жоры Крамаренко на смерть М. Горького:

²¹³ ГАУ ГАСК // Сталинские ребята. 22 января 1936 г. № 14 (64). С. 65.

²¹⁴ ГАУ ГАСК // Северо-Кавказский большевик. 14 декабря 1934 г. № 238. С. 1.

²¹⁵ ГАУ ГАСК // Северо-Кавказский большевик. 14 декабря 1934 г. № 238. С. 6.

"К нему в сердцах горит любовь,
Где так страна свободно дышит
Печаль в груди и стынет кровь
При виде траурной афиши" ²¹⁶.

Не остался без внимания деткора газеты "Сталинские ребята" Шуры Ракитянского, проходивший в ноябре – декабре 1936 г. Всесоюзный съезд Советов:

"С колхозного Терека,
С днепровских шлюзов,
Сибири далекой сыны,
Со всех уголков и окраин Союза
Слетелись лучшие люди страны.
Росли они там, где и снег и метели,
Где раньше рвалась шрапнель,
Где раньше отцовские рвало шинели,
Тела заметала метель.
С колхозного Терека,
С Тихого Дона,
С Амура и дальней тайги,
Пришли комсомольцы с победною песней
Со всех уголков и окраин страны" ²¹⁷.

Периодика 1920-1930-х гг., наполненная детскими впечатлениями о реалиях тех лет, представляет собой яркую демонстрацию ценностной характеристики нового советского поколения. Война в Испании, события на озере Хасан, положение детей в Африке, троцкистско-зиновьевский процесс и многое другое стало темой детских стихов, активно тиражируемых на страницах периодических изданий, рассчитанных на детско-юношеский возраст. Это богатейший и содержательный материал по истории детства, позволяющий, в первую очередь, осветить аксиологическую составляющую проблемы, эмоциональную атмосферу, оценить масштабность идеологической проработки подрастающего поколения, увидеть политический подтекст детского стихотворного творчества.

²¹⁶ ГАУ ГАСК // Сталинские ребята. 28 июня 1936 г. № 29(89). С. 31.

²¹⁷ ГАУ ГАСК // Сталинские ребята. 23 апреля 1936 г. № 17 (79). С. 17.

Заключение

Феномен детства в исторических исследованиях представляет несомненный научный и практический интерес. Десятилетие детства, объявленное в нашей стране Президентом РФ В.В. Путиным, еще раз подчеркивает его актуальность, значимость и масштабность для современного общества, и только усиливает необходимость всестороннего исследования как исторической, так и современной составляющей этого универсального явления.

История детства, помимо исторической составляющей, исследует особенности социализации ребенка, трансформацию ценностных позиций детства в различных культурах и исторических периодах, "образы детства" через систему инициаций, наказаний и поощрений, игры, культурные стереотипы, что интегрирует ее с этнологией детства, историей образования, психологической и педагогической антропологией. При этом исследование аксиологической стороны истории детства как направления исторической антропологии, трансформации ценностного изменения к ребенку и институту детства в историческом контексте выступают важным условием его всестороннего и метапредметного изучения.

Социально-экономические и политические катаклизмы, переходные периоды в отечественной истории способствовали изменению ценностных позиций детства. История 1920-1930-х гг. наглядно демонстрирует трансформацию ценностных позиций детства и ценностных представлений о детстве. Изменения в государственной политике, нормативно-правовой базе, отразившиеся на роли и месте детей в системе государства и общества, на детской бытовой повседневности, "переоценка детства" наиболее ярко проявили себя именно в этот период.

Проблема дефиниций детства в исторической науке рассматривается с учетом условности его возрастной периодизации, метапредметности и комплексного характера явления. При этом следует помнить,

что в отечественной науке отсутствует самостоятельное направление, изучающее детство только в контексте исторического развития, что еще раз подчеркивает его универсальность, межпредметность и сложность для исследователей.

Следует подчеркнуть, что исследования детства в исторической науке не имеют таких традиций, как в педагогике и психологии, но именно это дает возможность отойти от общепринятых стереотипов и рассмотреть феномен с позиций новых методов и подходов. Характерной чертой для трактовки понятия детства в исторических науках является его рассмотрение через различные проявления: движения, формы, организации, детскую повседневность и т. д.

История детства в контексте отечественной историографии представлена исследовательской базой, достаточной для сформированности научного направления. Историография проблемы рассматривается в историко-культурном и политико-правовом контексте в рамках общепринятых для исторических работ периодов: дореволюционном, советском и современном.

Увеличение доли исторической составляющей в исследованиях вопросов детства напрямую было связано с созданием специализированных научных центров, многие из которых функционировали на институтских и университетских базах. Это, с одной стороны, усилило научную составляющую, с другой – практикоориентуемость исследований детства. Однако сложность объекта затрудняет его комплексное исследование в рамках исторических работ.

История детства на Ставрополье представляет несомненный научный интерес с учетом его поликультурности, полиэтничности и многоконфессиональности. Исследования регионального характера в рамках общероссийского контекста позволяют провести системный и комплексный анализ в условиях конкретной административно-территориальной единицы, с учетом культурно-исторических, социально-экономических и политических особенностей.

Трансформация представлений о ценности детства наглядно проиллюстрирована в контексте государственной политики 1920-х гг., когда советская власть по-новому оценила подрастающее поколение как важнейший элемент общества и государства. Вся образовательная сфера, система воспитания были переориентированы в сторону формирования идеологически выдержанного и физически активного гражданина, готового противостоять внутренней и внешней агрес-

сии, как реальной, так и мнимой, и быть защитником своего государства.

Дети страны Советов представляли базовую ценность как поколение идеологически выдержанных граждан. Одним из способов воспитания такого винтика в государственном механизме стал отрыв ребенка от семейных ценностей, родителей, традиций и переориентация детской аксиологической парадигмы в сторону коллектива в любой его форме: детские ясли, сад, приемники-распределители, пионерские кружки и т.д.

Законодательное оформление и практическая реализация этих вопросов способствовали развитию сети образовательных и специализированных детских учреждений и организаций, увеличению государственного финансирования даже в трудные годы начала XX века, обеспечению педагогическими кадрами за счет открытия курсов, училищ, техникумов институтов, и т.д.

Образовательная политика советского государства в отношении детского населения проводилась с учетом возрастных и психофизиологических особенностей детей и подростков. Понимая важность работы с детьми самого разного возраста, новая власть сосредоточила внимание на дошкольном воспитании и общеобразовательной школе, на вовлечении детей и подростков в систему среднего профессионального образования. Именно дети и подростки, благодаря распространению грамотности, возможности изучать общеобразовательные, общетехнические и специальные предметы, повышению общей культуры, росту профессионального мастерства, стали той квалифицированной прослойкой новых рабочих и специалистов, которые обеспечили индустриальное развитие страны.

Детская беспризорность как один из самых острых и болезненных вопросов, мешавших решению поставленных задач в формировании нового поколения советских граждан, стала предметом обсуждения на Первой Московской конференции по борьбе с детской беспризорностью, проходившей 16 – 17 марта 1924 г. Явление, несмотря на предпринимавшиеся меры, приобрело такие масштабы, что понадобилось объединение усилий государственных, общественных и партийных организаций с представителями различных наук, заложившее основу для научно обоснованной и системной работы с "неорганизованными детьми".

Аксиологическая трансформация детства в бытовой повседневности исследуемого исторического контекста была продиктована труд-

ностями переходного периода, в том числе, голодом начала 1920-х гг., масштабы которого стали катастрофичными для детей Ставрополья. Попытки со стороны государственных, партийных, общественных организаций обеспечить питание голодающих детей через систему детских домов, приемников-распределителей, детских столовых и питательных пунктов, наталкивались не только на объективные трудности, такие как послевоенная хозяйственная разруха, засуха, неурожай, но и нежелание взрослого населения губернии помочь детям, даже родным. Массовыми стали случаи оставления детей, подбрасывания их в детские дома и приемники, избиение детей, просящих милостыню и еду. Голод резко обозначил ценностную переориентацию общества в сторону удовлетворения первичных биологических потребностей в еде. В борьбе за выживание, дети были самым слабым звеном, что наглядно продемонстрировали случаи каннибализма, имевшие место в Ставропольской губернии.

Детская праздничность и повседневность как форма освоения ценностей пространственно-временного контекста 1920-1930-х гг. представлена коллективными и массовыми мероприятиями, способствовавшими ритуализации детского сознания и созданию идеальных условий для манипулирования им.

Запрет религиозных праздников, основанных на вековых традициях, введение новых государственных и народных, заканчивающихся массовыми гуляньями, новые формы организации досуга и отдыха детей и подростков, стали важными формами смены аксиологической парадигмы и воспитания иных ценностей у подрастающего поколения. В своей досуговой деятельности (играх, спектаклях, массовых мероприятиях) дети, будучи в силу возрастных и психофизиологических особенностей внушаемым и податливым материалом, проигрывали жизнь взрослых, которые "организовывали" им детство в нужном обществу и государству направлении. Если взрослые вмешиваются в игры детей, это полностью меняет их смысловую нагрузку. Игра по сценарию – это кем-то прописанная роль.

Будучи отражением своего времени, ставропольские дети и подростки пели идеологически выдержанные песни и писали стихи, освещающие общественно-политические реалии 1920-1930-х гг. и демонстрирующие новую ценностную характеристику подрастающего поколения.

В целом, для аксиологии детства данного периода, на наш взгляд, характерны две тенденции. С одной стороны, в новых социально-эко-

номических и политических условиях изменилась ценностная парадигма всего общества и государства, что, конечно, повлекло ломку ценностей и в детско-подростковой среде. С другой – сами дети и институт детства стали цениться с совершенно иных позиций: как важнейший базовый компонент по-новому идеологически выстроенной системы; как психосоциобиологический материал для взрослого масштабного эксперимента.

Условные обозначения

ARA – Американская администрация помощи (American Relief Administration)

волисполком – Исполнительные комитеты волостных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

главпрофобр – Главное управление профессионального образования

гороно – Городской отдел народного образования

губвид – Губернская военно-инженерная дистанция

губкомпомгол – Губернский комитет помощи голодающим

губоно – Губернский отдел народного образования

губпрофобр – Губернское управление профессионального образования

губчека – Губернская ЧК (Чрезвычайная комиссия)

губэвак – Губернский отдел по эвакуации населения

ГУС – Государственный ученый совет, созданный в 1921 году в Наркомпросе

ЕПО – Единое общество потребителей

Помгол – Помощь голодающим

ПТШ – Профессионально-технические школы

СНК РСФСР – Совет народных комиссаров РСФСР

Ставропольский Уоно – Ставропольский уездный отдел народного образования

Школы ФЗУ – Школы фабрично-заводского ученичества

Источники и литература

1. <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=1689032>
2. <http://childcult.rsuh.ru/section.html?id=3717>
3. <http://rl-online.ru/info/authors/66.html>
4. <http://window.edu.ru/resource/781/48781>
5. <http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1855/1903/index.html>
6. http://www.sspi.ru/index.php?dir=_nau&sub=lab_antro
7. Ареева В.А. Войной опаленное детство: система школьного и профессионально-технического образования Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Таганрог, 2007.
8. Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII в.по 1920 г. Ставрополь, 2008.
9. Азашиков З.З. Этнопедагогическая культура адыгов. Майкоп, 2004.
10. Акопян В.З. Национально-государственное и административно-территориальное строительство на Северном Кавказе в 20-30 гг. XX в. Пятигорск, 2009.
11. Алиева Н.Б. Образование и деятельность организации МОПР на Северном Кавказе (1923-1929 гг.): дис. ... к.ист. н. СПб., 1993.
12. Амбарцумян К.Р. Семейные отношения в локальных обществах второй половины XIX – начала XX (на примере Ставрополя и Терека): автореф. дис. ... к.ист.н. Ставрополь, 2010.
13. Артищев А.А., Найденко Г.В. Становление и развитие начального профессионального образования в Ставропольском крае (исторический аспект). Ставрополь, 2007.
14. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.
15. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности <https://www.twirpx.com/file/1817274/>
16. Ауслендер С. Будь готов. М., 1924.
17. Байбаков Ю.Г. Из истории борьбы с детской преступностью на Северном Кавказе в 1921-1925 г.г. // Ростовский-на-Дону университет: Научная

теоретическая конференция аспирантов, 10-я. 1969. Материалы. Серия гуманитарных наук. Ростов-на-Дону, 1969.

18. Балакирев А.Н. Становление и развитие детского движения в Бурятии: автореф. дис. ... к.ист.н. Улан-Уде, 2006.

19. Батчаева Х. Х-М. Традиционная педагогическая культура карачаевского народа (история, теория и практика). Казань, 2002.

20. Бахрушин С. Организация попечения о беспризорных детях в Москве. М., 1916.

21. Безрогов В. Г., Иванченко Г. В., Макаревич Г. В. Образ ребенка в учебнике для начальной школы. [Электронный ресурс]. URL: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=66850> (дата обращения: 16.10.2012).

22. Безрогов В., Келли К. Лики российского детства // Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890-1990) / под ред. В. Безрогов, К. Келли. – [Электронный ресурс]. URL: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=72929> (дата обращения: 16.10.2012).

23. Бейбулатов А.Ш. Кулацкий вопрос на Северном Кавказе: эволюция и особенности решения: 1928-1935 гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Пятигорск, 2006.

24. Беликов Г. Ставрополь. Своя строка в истории...Очерки истории образования и медицины. Ставрополь, 2003.

25. Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России: автореф. дис. ... д.ист.н. М., 2009.

26. Белоножка Е.А. История охраны материнства и детства органами социального призрения России, вторая половина XIX-начало XX вв.: автореф. дис. ... д.ист.н. М., 2001.

27. Бентковский И. Ногайцы. Краткое показание о соседствующих народах: Сборник сведений о Северном Кавказе / под ред. Г.Н. Прозрителева. Т. 12. Ставрополь, 1920.

28. Бербеков Х.М. Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1964

29. Бесаева Т.З. Обряды и обычаи осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... к.ист.н. М., 1982.

30. Беспризорные в трудовых коммунах. М., 1926

31. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2005. 432 с.

32. Блинова А.Н. Этнография детства немецкого населения Западной Сибири в XX – начале XXI вв.: автореф. дис. ... к.ист.н.Омск, 2007.

33. Бондарев В.А. Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев): дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2001.

34. Бондарев В.А. Селяне в годы Великой Отечественной войны: российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – Ростов н/Д, 2005.

35. Бондаренко Г.Н. Роль профсоюзов Кубани и Ставрополья в повышении трудовой и политической активности трудящихся в восстановительный период (1921-1925 гг.): дис. ... к.ист. н. Ставрополь, 1985.

36. Бондаренко С.И. Возрождение сети учебных заведений в Ставропольском крае в 1943-1944 гг. // Казанская наука. 2012. №5; Бондаренко С.И. Состояние школьного образования на оккупированной немецкими захватчиками территории Ставропольского края (август 1942 г. – январь 1943 г.) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. №1. С.189-195.

37. Бондаренко С.И. Борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью в Ставропольском крае в годы Великой Отечественной войны / Кавказ: исторические вызовы и современная практика их преодоления. Симпозиум XII. Материалы VII Международного конгресса "Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество". 14-18 октября 2013 года. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. С.20-25.

38. Бондаренко С.И. Государственная политика в детском вопросе на Ставрополье в годы ВОВ (1942-1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2015.

39. Бондаренко С.И. Детская беспризорность и безнадзорность на Ставрополье в 1943-1944 гг.: состояние и пути решения проблемы / Материалы Международной научной конференции "Актуальные проблемы Северо-Кавказского федерального округа в условиях формирования туристско-рекреационного кластера" / под. ред. Т.А. Шебзуховой, И.М. Першина, Е.А. Семеновой, Н.С. Лимаревой. Пятигорск: ФГАОУ ВПО "СКФУ" (филиал) в г. Пятигорске, 2013. В двух томах. Т.II. С.120-125.

40. Бондаренко С.И. Изменения в системе школьного и профессионально-технического образования на Ставрополье в начальный период Великой Отечественной войны // Научная мысль Кавказа. 2014. №2. С.82-89.

41. Бондаренко С.И. К вопросу о деятельности детских домов Ставропольского края в завершающий период Великой Отечественной войны (январь 1943 г. – май 1945 г.) Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – V: материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18-19 ноября 2012 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. С.40-44.

42. Бондаренко С.И. Перестройка работы детских и учебных учреждений Ставропольского края в первый год Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – июль 1942 г.) / Проблемные зоны истории: исследовательские практики. Ученые записки. Выпуск XVI / под ред. В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. С. 41-49.

43. Бондаренко С.И. Состояние детских домов Ставропольского края после освобождения края от немецких оккупантов в 1943 году / Университетские чтения-2014. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть XI. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. С.74-80.

44. Бондаренко С.И. Состояние системы школьного образования на Ставрополье к началу оккупации края немецкими войсками (август – сентябрь

- 1942 года) / Молодая наука – 2013: Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Часть XVIII. Пятигорск: ПГЛУ, 2011; Бондаренко С.И. К вопросу о деятельности детских домов Ставропольского края в завершающий период Великой Отечественной войны (январь 1943 г. – май 1945 г.) Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – V. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18-19 ноября 2012 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. С.40-44.
45. Бондаренко С.И. Участие школьной молодежи Ставропольского края в социально-экономических мероприятиях в первый год Великой Отечественной войны / Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VI. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18-19 ноября 2013 г. Пятигорск, 2013.
46. Бондаренко С.И. Государственная политика в детском вопросе на Ставрополье в годы ВОВ (1942-1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2015.
47. Борисов Б.С. Энциклопедический словарь русского детства. М., 2008.
48. Бородин Д. Пьянство среди детей. СПб., 1910.
49. Борьба с беспризорностью. Материалы 1-й московской конференции по борьбе с беспризорностью. 16-17 марта 1924 г. М., 1924.
50. Боташева Л.Х. Детский цикл обычаев и обрядов у карачаевцев: конец XIX – начало XX вв.: автореф. дисс...к.ист.н. Ставрополь, 2009.
51. Бочаров Ю. Первые особые суды по делам о малолетних в России // Дети-преступники. М, 1912.
52. Бруханский Б.П. Борьба с детской смертностью в России и роль Попечительства об охране материнства и младенчества в этой борьбе. Пг., 1916.
53. Буксгевден О.О. О попечительном воспитании детей. СПб., 1905.
54. Буксгевден О.О. Об организации призрения бесприютных детей в крестьянских семьях. СПб., 1900.
55. Булдаков В.П. Постреволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001.
56. Бутов А.С. Трудовой подвиг сельской молодежи Ставрополья в годы Великой Отечественной войны / 50 лет Победы в Великой Отечественной войне: материалы региональной научно-практической конференции. Ставрополь, 1995. С.85-86.
57. Важнейшие решения ВКП/б/ и РЛКСМ о юных пионерах. Харьков, 1926.
58. Василевский Л.М. Голгофа ребенка. Беспризорность и дети улицы. – Л., М., 1924.
59. Володькова Е.Н. Борьба с детской беспризорностью на Юге России в 1775-1917 гг.: на материалах Ставрополья и Кубани: автореф. дисс... канд. ист.н. Ставрополь, 2008.

60. Володькова Е.Н. Борьба с детской беспризорностью на Юге России в 1775-1917 гг.: на материалах Ставрополья и Кубани: автореф. дис. ... к.ист.н. Ставрополь, 2008.
61. Вопросы деткомдвижения. М., 1930.
62. Всероссийский съезд социально-правовой охраны несовершеннолетних. Резолюции. М., 1924.
63. Всероссийский съезд социально-правовой охраны несовершеннолетних. Сборник статей. М., 1926.
64. Габанты А.Б. Профилактика детской беспризорности в Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4-4. С.49.
65. Гаджиева М.И. Семья Дагестана в традиционном и современном обществе :XIX-XX вв.: автореф. дис... д.ист.н. Махачкала, 2004.
66. Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев, XIX – начало XX в. М., 1979.
67. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. М., 1985.
68. Гаджиева Ф.Г. Развитие школьной системы образования в Дагестане в XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. ... к.ист.н. Махачкала, 2004.
69. Гальперин В. Проституция детей // Дети-преступники. М, 1912; Мукалов М. Дети улицы. Малолетние проститутки. СПб., 1906.
70. ГАУ ГАСК ф.Р – 4648, д.325, 1918 г., 1961 – 1974 гг.
71. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 573. 1922. 5 марта
72. ГАУ ГАСК // Власть Совета. № 617. 30 апреля 1922 г.
73. ГАУ ГАСК // Власть Совета. № №619. 3 мая 1922 г.
74. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 530. 1922. 11 января
75. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 549. 1922. 3 февраля
76. ГАУ ГАСК // Власть Советов. – № 593. 1922. 29 марта
77. ГАУ ГАСК // Власть Советов. – № 612. 1922. 25 апреля
78. ГАУ ГАСК // Власть Советов. 1922. № 573. 5 марта
79. ГАУ ГАСК // Власть Советов. 1922. № 548. 2 февраля
80. ГАУ ГАСК // Власть Советов. 1922. № 593. 29 марта.
81. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 542. 1922. 26 января
82. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 611. 1922. 23 апреля
83. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 617. 1922. 30 апреля
84. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 619. 1922. 3 мая
85. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 672. 1922. 12 мая
86. ГАУ ГАСК // Сталинские ребята. 17 марта 1936 г. № 13 (73)
87. ГАУ ГАСК // Сталинские ребята. 2 декабря 1938 г. № 76 (257)
88. ГАУ ГАСК // Сталинские ребята. 22 января 1936 г. № 14 (64)

89. ГАУ ГАСК // Сталинские ребята. 22 января 1936 г. № 4 (64)
90. ГАУ ГАСК // Сталинские ребята. 23 апреля 1936 г. № 17 (79)
91. ГАУ ГАСК // Сталинские ребята. 23 февраля 1936 г. № 9 (69)
92. ГАУ ГАСК // Сталинские ребята. 28 июня 1936 г. № 29(89)
93. ГАУ ГАСК ф.р.– 300 оп. 1д. 95. Л. 4
94. ГАУ ГАСК // Власть Советов. 1922. № 598. 4 апреля
95. ГАУ ГАСК // Власть Советов. 1922. № 617. 30 апреля
96. ГАУ ГАСК // Власть Советов. 1922. № 548. 2 февраля
97. ГАУ ГАСК // Власть Советов. 1922. № 586. 21 марта
98. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 530. 1922. 11 января
99. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 533. 1922. 14 января
100. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 542. 1922. 26 января
101. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 553. 1922. 8 февраля
102. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 604. 1922. 12 апреля
103. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 617. 1922. 30 апреля
104. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 619. 1922. 3 мая
105. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 672. 1922. 12 мая
106. ГАУ ГАСК // Власть Советов. 11 января 1922. № 530
107. ГАУ ГАСК // Власть Советов. 1922. № 598. 4 апреля
108. ГАУ ГАСК // Власть Советов. 1922. № 599. 5 апреля
109. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 530. 1922. 11 января
110. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 533. 1922. 14 января
111. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 549. 1922. 3 февраля
112. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 549. 1922. 3 февраля
113. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 573. 1922. 5 марта
114. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 593. 1922. 29 марта
115. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 599. 5 апреля
116. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 611. 1922. 23 апреля
117. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 612. 1922. 25 апреля
118. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 619. 1922. 3 мая
119. ГАУ ГАСК // Власть Советов. № 672. 1922. 12 мая
120. ГАУ ГАСК // Северо-Кавказский большевик. 14 декабря 1934 г. № 238
121. ГАУ ГАСК // Северо-Кавказский большевик. 14 декабря 1934 г. № 238
122. ГАУ ГАСК // Северо-Кавказский большевик. 30 сентября 1934 г. № 178
123. ГАУ ГАСК ф.Р – 1198, д.33, 1917 – 1922 гг.
124. ГАУ ГАСК ф.р – 163. Оп. 1. Д.386
125. ГАУ ГАСК ф.р – 163. Оп. 1. Д.387
126. ГАУ ГАСК ф.Р – 164, д.645, 1920 – 1924 гг.
127. ГАУ ГАСК ф.Р – 300 д.757, 1924 – 1930 гг.

128. ГАУ ГАСК ф.Р – 300. Оп.1. Д.25
129. ГАУ ГАСК ф.Р – 300. Оп.1. Д.256
130. ГАУ ГАСК ф.Р – 300. Оп.1. Д.499
131. ГАУ ГАСК ф.р – 338. Оп. 1. Д. 11
132. ГАУ ГАСК ф.Р – 390, д.13, 1920 – 1923, 1926 гг.
133. ГАУ ГАСК ф.Р – 4097. Оп.1. Д.3
134. ГАУ ГАСК ф.р – 415. Оп. 1. Д.34
135. ГАГАУ ГАСК ф.р – 415. Оп. 1. Д.37. Л 22
136. ГАУ ГАСК ф.Р – 4236, д.178, 1954-1973 гг.
137. ГАУ ГАСК ф.Р – 90, д.415, 1919 – 1933 гг.
138. ГАУ ГАСК ф.Р – 90. Оп.1. Д.14
139. ГАУ ГАСК ф. р-100. Оп.1. Д.37
140. ГАУ ГАСК Ф.р. – 163. Оп. 1. Д. 452
141. ГАУ ГАСК Ф.р. – 163. Оп.1. Д.387
142. ГАУ ГАСК Ф.р. – 163. Оп.1. Д.413
143. ГАУ ГАСК Ф.р. – 2709. Оп.1. Д.27
144. ГАУ ГАСК ф.р.-163. Оп. 1. Д. 413
145. ГАУ ГАСК Ф.р.-2709. Оп.1. Д.34
146. Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.
147. Гельмонт А. Бюджет времени пионера и школьника. М., 1933.
148. Герасимова Г.Г. Советское государство в борьбе с детской беспризорностью в 20-е годы // Вопросы российской государственности: история и современные проблемы. Сб. статей. М., 1999. С. 89.
149. Гернет М. Детоубийство. М, 1911.
150. Герье В.И. Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и о теоретических началах правильной его постановки. М.,1897.
151. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917-1929 года: сб. документов / под ред. Т.А. Булыгиной. Ставрополь, 2009.
152. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1930-1940 годах (Сборник документов) / под ред. Т.А. Булыгиной. Ставрополь, 2010.
153. Гордиенко А.Б. Свадебные обряды и семейные традиции казаков Старопавловской XIX - первой половины XX вв.
154. Горностаев И.Ф. Дети рабочих и городские попечительства о бедных в Москве. М, 1900.
155. Гостиева Л.К. Трудовое воспитание в осетинской крестьянской семье в конце XIX – начале XX в. // Проблемы истории СССР. М., 1980.
156. Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью (сб. статей). – М., 1926.

157. Губарев С.Ф. Из истории строительства Советской школы в национальных республиках Северного Кавказа // Известия Северокавказского научного центра высшей школы. 1982. № 1.
158. Гуртуева М.Б. К вопросу о народной педагогике балкарцев // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1970. Вып. 3.
159. Гуртуева М.Б. Этнопедагогика карачаево-балкарского народа. Нальчик, 1997.
160. Давидов И. Об учреждениях для бедных детей и способах оказания им помощи. М., 1888.
161. Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. и "демографической катастрофе" 1940-х гг. в СССР // Вопросы истории. 1988. №3. С.116-121.
162. Дбар С.А. Обряды и обычаи абхазов, связанные с рождением и воспитанием ребенка (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... к.ист.н. М., 1985.
163. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.
164. Деревенские дети России XIX – начала XX в.: хрестоматия / отв. ред. Е.Г. Пономарев. – Ставрополь, 2009. Ч. 1.
165. Дерюжинский В.Ф. Общественное призвание у крестьян. СПб., 1899.
166. Дети войны: 1941-1945 гг. (антропологический аспект): Хрестоматия / ответственный редактор Е.Г. Пономарев. Ставрополь, 2011.
167. Дети города: Россия (вторая половина XIX – начало XX в.): хрестоматия / отв. ред. Е.Г. Пономарев. Ставрополь, 2008
168. Дети ГУЛАГа. 1918-1956 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский и др. (Россия. XX век. Документы). М., 2002.
169. Детское коммунистическое движение: сборник инструктивных материалов. М.-Л., 1932.
170. Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации: сб. науч. статей и сообщений / сост. и отв. редактор А. А. Сальникова. Казань, 2011.
171. Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации: Сб. науч. статей и сообщений/сост. и отв. ред. А.А. Сальникова. Казань, 2011.
172. Директивы ВКП/б/ по вопросам просвещения. 3-е изд. М.-Л., 1931.
173. Дриль Д.А. О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних. СПб., 1908
174. Дронова Н.С. Школа Ставрополя в период Великой Отечественной войны. С.86-87; Семенова В.Е. Война и молодежь. Историко-теоретический аспект. Там же. С.92-93.
175. Дубах Б. Юные пионеры // Учительская газета. 1939. № 7/8; Справочник вожатого пионерского отряда. М., 1936.
176. Дубровина Л. По заветам великого Ленина // "Вожатый". 1952. №5.

177. Дьяченко С. Страшный месяц пух-кутень//Огонек. 1989. №27. С.22-25.
178. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931-1933 / Р. Дэвис, С. Уиткрофт. М. : Российская политическая энциклопедия, 2011.
179. Елистратов А.И. Проблемы общественного обеспечения детства. Казань, 1908.
180. Жуков И. Отзыв на книжку Н.К.Крупской "РКСМ и бойскаутизм" // Юный коммунист. 1922. № 10-12.
181. Жуков И.Н. Русский скаутизм. Пг., 1916.
182. Журавлев С. В., Соколов А. К. Счастливое детство // Социальная история: ежегодник, 1997. М., 1998. С. 159-202.
183. За изучение опыта, за теорию пионердвижения. М.-Л., 1930.
184. Залкинд А.Б. О так называемых трудных детях. М. 1924.
185. Захарченко Г.А. Юный разведчик. М., 1910.
186. Звенигородский С.Л. Призрение покинутых детей в Харьковской губернии. Харьков, 1912.
187. Зеленин И.Е. "Сплошная коллективизация" – основной фактор социально-экономических и демографических деформаций в советской деревне // Новые страницы истории Отечества (По материалам Северного Кавказа). Межвузовский сборник научных статей. Выпуск I. Ставрополь. С. 151-174.
188. Зеленин И.Е. Крестьянство и власть в СССР после "революция сверху" // Вопросы истории. 1996. №7. С. 14-31.
189. Зорин В. Десять лет борьбы на два фронта // Путь комсомольской смены. М., 1932.
190. Игонин А.В. Партийно-государственная политика в сельских районах Ставрополя, Кубани и Дона: историко-политический и теоретический аспекты (1928-1934 гг.): автореф. ... дис. канд ист. наук. Ставрополь, 1997.
191. Ильенков Э. В. Идеал // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 195-199.
192. История городов и сел Ставрополя. Ставрополь, 2002; Край наш Ставрополь: очерки истории / под ред. проф.Д.В. Кочура и проф. В.П. Невской. Ставрополь, 1999.
193. История Кабардино-Балкарской АССР. Т. I-II.М., 1959.
194. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.
195. История народов Северного Кавказа. Т. 1-й.М., 1988.
196. История Северо-Осетинской АССР. М., 1959; Очерки истории Адыгеи. Т. I. Майкоп, 1957.
197. К 30-летию пионерской организации // "Советская педагогика". 1952. №5.
198. Казачество в истории Ставрополя / Невская Т.А., Покотилова Т.Е., Клычников Ю.Ю., Булгакова Н.И., Великая Н.Н. и др. Ставрополь, 2014.

199. Канторович Я.А. Законы о детях. СПб, 1899; Дембо Г. Защита детей от жестокого обращения // Общественное и частное признание в России: сб. статей. СПб, 1907.
200. Капустина Н.Ж. Изба-читальня – центр культурного и политического просвещения ставропольской деревни в 1920-е годы // Новая локальная история. Выпуск 2. Ставрополь, 2004. С. 112-116.
201. Капустина Н.Ж. Механизм контроля общественных организаций и гражданское общество в России в 20-е годы XX века (на материалах Ставропольского округа) // Проблемы становления гражданского общества на юге России. Армавир, 2004. С. 29-31.
202. Капустина Н.Ж. Ставропольское общество "Друг детей" в 20-е годы XX века // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Выпуск XI. М., 2004. С. 133-135.
203. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / отв. ред. Л.И. Лавров. Черкесск, 1978.
204. Касаева Ж.К. Деятельность государственных учреждений и общественных организаций Северной Осетии по борьбе с детской беспризорностью (1920-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2006.
205. Келли К. Об изучении истории детства в России XIX-XX вв. // Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. статей и материалов. М.; Тверь, 2008.
206. Келли К. "Маленькие граждане большой страны": интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/kelli.htm> (дата обращения: 16.10.2012).
207. Керейтов Р.Х. Семья и брак у кубанских ногайцев в прошлом и настоящем: автореф. дис. ... к.ист.н. М., 1973.
208. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северо-Кавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск, 2006.
209. Книевский С.А. Формирование государственно-правового статуса российского казачества в дореволюционной России // Вестник Ставропольского государственного пединститута. 2014. Вып.15. С. 355-362.
210. Коджесау Э.Я. Социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства Адыгеи (1926-1933) : сборник статей по истории Адыгеи. Майкоп, 1967.
211. Козлов А.И. Некоторые вопросы общественно-экономического развития и социального состава Дона и Северного Кавказа накануне Октября // Социально-экономическая структура населения Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Дону, 1984.
212. Козлов А.И. Социально-экономические отношения на Северном Кавказе накануне Октября // История народов Северного Кавказа. М., 1980.

213. Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества. СПб, 1996; Вопросы партийного руководства по ликвидации национального неравенства народов Карачаево-Черкесии (1917-1941 гг.) / ред. М. М. Бекижев. Черкесск, 1984.
214. Колесникова Э.Г. Гендерные представления и стереотипы ставропольского провинциального общества в последней четверти XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2007.
215. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927-1937 гг.). Краснодар, 1972.
216. Кононенко Е. Юные ленинцы (к 35-летию пионерской организации) // "Работница". 1957. №5.
217. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.
218. Кошелева О.Е. История детства: Филипп Арьес и Россия // Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века): Сб.статей. М., 2012.
219. Кошелева О.Е. История детства: Филипп Арьес и Россия // Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века): сб.статей. М., 2012.
220. Кравченко Г.В. Политические процессы и общественные организации на Дону, Кубани и Ставрополье в I пол. 20-х годов: дис...к.ист. н. Ростов-на-Дону, 2002.
221. Край наш Ставрополье. Ставрополь, 1999.
222. Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / Сост. Крюкова С.С. М., 2001.
223. Кропачев С.А. Большой террор на Кубани. Краснодар, 1993.
224. Кругов А.И. АРА – детям // Вечерний Ставрополь. 1990. № 165-166. 16 августа. С. 2.
225. Кругов А.И. Ставропольский край в истории России. Ставрополь, 2001.
226. Крупская Н.К. Задачи профессионального образования // Вопросы народного образования. 2-е изд. Берлин, 1922.
227. Крупская Н.К. О профессионально-технической подготовке квалифицированной рабочей силы. Сборник статей и высказываний. М., 1971.
228. Крупская Н.К. Общее и профессиональное образование / Педагогические сочинения. М., 1989. Т. 4.
229. Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995.
230. Кузьмин М.С. Деятельность партийных советских и общественных организаций по ликвидации неграмотности на Северном Кавказе в годы первой пятилетки. Ставрополь, 1985.
231. Петренко П.И. Комсомол Северного Кавказа в борьбе за ликвидацию безграмотности (1919-1929) // Некоторые вопросы педагогики. Ставрополь, 1970.
232. Кулешин Л. Дети, голод и разруха // Молодой ленинец. 1976. № 208. 23 октября.

233. Культура и быт народов Северного Кавказа (1917-1967 гг.) / под ред. В.К. Гарданова. М., 1968.
234. Кураеева М.Ф. Казаки Верхней Кубани и Зеленчуков: материальная и духовная культура. Черкесск, 1994.
235. Курбанов А.В. Ставропольские туркмены. Историко-этнографический очерк. СПб., 1995.
236. Куфаев В.И. Юные правонарушители. М., 1925.
237. Леонова Н.А. Детский вопрос в 1920-е годы в отечественной историографии и на страницах периодической печати тех лет (по материалам Северного Кавказа) // Вестник СГПИ. 2006. № 8. С. 121-124.
238. Леонова Н.А. "Дети своего времени" или Отражение общественно-политических реалий 1920-1930-х гг. в стихах ставропольских детей (по материалам периодической печати) // Тинейджеры в пространстве гуманитарных технологий: сборник научных трудов. Санкт-Петербург, 2015. С.206-211.
239. Леонова Н.А. Дети и семья в социуме 1920-х годов как объекты исторического исследования // КАНТ. 2014. № 2 (11). С. 97-100.
240. Леонова Н.А. Дошкольное воспитание и общеобразовательная школа для детей-инвалидов в 1917 – 1920-е гг. (по материалам постановлений, декретов и резолюций) // Антропологические основы современного педагогического образования: материалы IV Международной научной конференции (Ставрополь, 17-18 октября 2007 г.) / под ред. Л.Л. Редько. Ставрополь: СГПИ, 2007. С. 474-477.
241. Леонова Н.А. Законодательство 1920-х годов о "дефектных" или "аномальных" детях // Экономические и гуманитарные исследования регионов. Вып. 3. 2014. 8 С. 5-7.
242. Леонова Н.А. Изменение представлений о ценности детства в условиях голода 1921-1922 гг. // Вестник СГПИ. 2007. № 9. С. 128-134; Леонова Н.А. Институты детства и семьи в эпоху перемен (по материалам 1920-х гг.) // Новинки научного прогресса -2013: Материалы XI Международной научно-практической конференции Т.5. Педагогические науки. София, 2013. С. 13-17.
243. Леонова Н.А. Институты детства и семьи в эпоху перемен (по материалам 1920-х гг.) // Новинки научного прогресса -2013: материалы XI Международной научно-практической конференции Т.5. Педагогические науки. София, 2013. С. 13-17.
244. Леонова Н.А. Место и роль потребительской кооперации Северного Кавказа в повседневной жизни региона (вторая половина 20-х годов XX века) /Человек: Научный альманах. Ставрополь, 2005. С. 134.
245. Леонова Н.А. Образовательная политика советского государства в отношении детского населения: дети и подростки и среднее профессиональное образование на Ставрополье в 1920-е гг. // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 6. С. 159-163.

246. Леонова Н.А. Отдых и досуг в условиях постреволюционной и послевоенной релаксации: трансформация представлений и основные тенденции развития в 1920-е годы // "Курорт" в дискурсивных практиках социогуманитарного знания: материалы Международной научной конференции (Пятигорск, 27-29 апреля 2007 г.) / под ред. И.В. Крючкова. Пятигорск, 2007. С. 178-181.
247. Леонова Н.А. Первая Московская конференция по борьбе с детской беспризорностью (16-17 марта 1924 г.): цели, задачи, итоги // Новый век: история глазами молодых: Сб. научных трудов молодых ученых, аспирантов и студентов ИИМО. Вып. 8. В 2х ч. Ч.1. Саратов, 2009. С. 79-85.
248. Леонова Н.А. Подготовка педагогических кадров в системе среднего профессионального образования в 1920-1930-е гг. на Ставрополье // Антропологические особенности педагогической профессии как основа стандартов подготовки: педагога для новой школы: материалы X Международной научно-практической конференции (Ставрополь, апрель, 2013 г.). Ставрополь, 2013. С. 34-38.
249. Леонова Н.А. Потребительская кооперация Северного Кавказа в 20-е годы XX века: автореф. дис... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2004.
250. Леонова Н.А. Ребенок в условиях войны: дети Ставрополья в годы оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.) // Педагогическая наука и практика – региону: Материалы Всероссийской интернет-конференции (Ставрополь, 29 мая 2014 г.). Ставрополь: ГБОУ ВПО СГПИ, 2014. С. 41-45.
251. Леонова Н.А. Советское законодательство 1917-1920-х гг. о детях и подростках: теория и практика // Вестник СГПИ. 2007. № 9. С. 128-134.
252. Леонова Н.А. Среднее профессиональное образование на Ставрополье в 1920-е – 1930-е гг. // Вестник СГПИ. 2009. № 12. С. 155-168.
253. Леонтьева С. Г. Трудовое детство // Отечественные записки. – 2003. – № 3. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://www.strana-oz.ru/2003/3/trudovoe-detsstvo> (дата обращения: 16.10.2012).
254. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М., 2010.
255. Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. М., 1925.
256. Лопатина С. Как Степка беспризорный стал пионером. М., 1925.
257. Луначарский А.В. Избранные произведения. М., 1979.
258. Люблинский П.И. Охрана детства и борьба с беспризорностью за 10 лет // Право и жизнь. 1927. № 8.
259. Любушкина Е.Ю. Общественные организации Ставропольской губернии и Кубанской области в период с 1860 г. по октябрь 1917 г.: дис. ... к.ист.н. Ставрополь, 2004.
260. Ляшок А.С. Трансформация детской повседневности в социокультурном пространстве школы (на материале 1980-х – 1990-х гг.): авт. дис.... к. культурологии. Саратов, 2013.

261. Магидов Х.Г. Очерки краткой истории развития образования в Дагестане. Махачкала, 1998
262. Магомедов А. А. Семья на Северном Кавказе. Ставрополь, 1999.
263. Магомедов М.А. Горцы Северного Кавказа и социалистическая революция: правда истории и домыслы антикоммунистов. Махачкала, 1980 .
264. Магомедов Ш.М. Северный Кавказ в трех революциях (на материалах Дагестанской и Терской областей). М.: Наука, 1986.
265. Макаренко А.С. Педагоги пожимают плечами / Педагогические сочинения. М., 1989. Т. 1.
266. Мальцева К.В. Частная и организованная благотворительная деятельность женщин Ставропольской губернии и Кубанской области во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ...канд. ист. наук. Ставрополь, 2007.
267. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 2002.
268. Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX – начала XX в. Нальчик, 1991.
269. Маро М.И. Беспризорные: социология, быт, практика работы. М., 1925.
270. Марченко Е.М. Историческая эволюция института материнства у народов Северного Кавказа (вторая половина XIX -20-е гг. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009.
271. Маслова О.Б. Американская администрация помощи и голод на Ставрополье 1921-1922 гг.// Проблемы российской и европейской истории: общественно-политический и социально-экономический аспекты. Ученые записки. Вып. 12 / под общей ред. В.П. Ермакова. Пятигорск, 2009. С. 127.
272. Маслова О.Б. Ликвидация массовой детской беспризорности в Советской России в 1920-е годы: автореф. дис... канд. ист.н. Пятигорск, 2010.
273. Медынский Е.Н. Внешкольное образование в РСФСР. Статистический сборник. М., 1923.
274. Мирзоев Ш.А. Народная педагогика Дагестана: Содержание, формы и методы воспитания. Махачкала, 1986.
275. Мирзоев Ш.А. Народная педагогика: словесные средства воспитания. Махачкала, 1984.
276. Моложавый С., Шилекевич Е. Проблемы трудовой школы в марксистском освещении. М., 1924.
277. Народное образование в СССР. Сборник документов 1917 – 1973 г.г. М., 1974.
278. Народное хозяйство Ставрополя за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. Ставрополь, 1987.
279. Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сборник документов. Черкесск, 1990.
280. Наш край: Документы и материалы (1917-1977 гг.). Ставрополь, 1983.

281. Невская Т. А., Чекменев С. А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Минеральные Воды, 1994.
282. Нежинский В. Воспитанные родиной // Ленинское знамя. 1977. 11 ноября. № 226.
283. Некрасова И.И. Коллективизация в сельском хозяйстве Ставропольского края (конец 20-х-начало 30-х гг.): оценки и выводы. Пятигорск, 2004.
284. Нестеров А.С. История профессионально-технического образования на Ставрополье и Кубани (1940-1980 гг.): авт. дис. ... к. ист.н. Ставрополь: СГУ, 2006.
285. Нечаева А.М. Охрана детей-сирот в России (История и современность). М., 1994.
286. Ногина Е.В. Кино как форма досуга городского населения Ставрополя в 1920-е годы // Человек: Научный альманах. Ставрополь: СГПИ, 2005.
287. Ногина Е.В. Социокультурное развитие городского населения Ставрополя в 1920-1930 годы: опыт исторического исследования: дисс...к.ист. н. Ставрополь, 2004.
288. НЭП на Ставрополье. Штрихи жизни и быта (1921-1926) // Молодой ленинец. 1988. № 247, 27 декабря.
289. Образцов В.Н. О профессионально-техническом образовании в Советской России. М., 1920.
290. Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Здравоохранение Ставрополя (1918 - 2005). Ставрополь, 2007.
291. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. М., 2003.
292. Окольская Л. А. Трудовые ценности и нормы в содержании учебников для начальной школы сегодня и 20 лет назад. [Электронный ресурс]. URL: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=85181> (дата обращения: 16.10.2012).
293. Омаров С.М. Основы народной педагогики Дагестана. Махачкала, 2000.
294. Омаров С.М. Первые годы строительства Советской школы в Дагестане. Махачкала, 1968.
295. Омаров С.М. Развитие народного образования в Дагестане // Советскому Дагестану 50 лет. Махачкала, 1971.
296. Омаров С.М. Развитие советской школы в Дагестане //Вопросы учебно-воспитательной работы в школе. Махачкала, 1966.
297. Омаров С.М. Школьное образование в дореволюционном Дагестане // Школьное образование в Дагестане. Махачкала, 1968.
298. Осколков Е.Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991.
299. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. I. Ставрополь, 1967. Т.Н. Ставрополь, 1972.

300. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г./ под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.
301. Очерки истории Ставропольского края. Т. 1-Й. Ставрополь, 1999.
302. Тарасов С.В. Образ мира: Опыт категориальных структур мировосприятия школьников. СПб., 1996.
303. Павлов А.Н. Борьба милиции с преступностью в годы НЭПа // Вопросы истории. 2004. № 10.
304. Панарина Е.В. Решение социальных проблем населения Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Монография. Армавир, 2009.
305. Панин С.Е. Борьба с проституцией в России в 1920-е годы // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 113.
306. Панин С.Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917 – 1920-е годы) // Вопросы истории. 2003. № 8.
307. Партия, комсомол и детское движение. М., 1928.
308. Партия, комсомол и пионерское движение. М.– Л. 1930.
309. Парфененко В. Крупская пишет ставропольцам // Ставропольская правда. 1969. № 43. 20 февраля. С. 4.
310. Петренко П.И. Комсомол Северного Кавказа в борьбе за ликвидацию безграмотности (1919-1929 // Некоторые вопросы педагогики. Ставрополь, 1970.
311. Петров Г.И. НЭП в Ставрополе в воспоминаниях подростка тех времен (1923-1930). Ставрополь, 2004.
312. Позднышев С.В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М., 1927.
313. Преображенский В.С. Бойскауты. Практическое воспитание в Англии по системе Баден-Пауэлла. М., 1913.
314. Профессионально-техническое образование России за 1917-1921 гг. Юбилейный сборник / под ред. О.Г. Аникст. М., 1922.
315. Тарасов С.В. Образ мира: Опыт категориальных структур мировосприятия школьников. СПб., 1996.
316. Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 1. С.134-140.
317. Рокутова О.А. О причинах беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних в СССР в 1940-е гг. / СССР во Второй мировой войне. Третьи Всероссийские историко-краеведческие чтения памяти профессора П.Е. Матвиевского: сб. статей. Оренбург, 2010. С.208-210.
318. Ромашева М. В. Журнал "Работница" как источник по истории советского детства (1945-1953 гг.). [Электронный ресурс] URL: <http://childcult.rshu.ru/article.html?id=73856> (дата обращения: 16.10.2012).
319. Ромашова М. В. Проблема советского детства в современной отечественной историографии // Историческое знание: теоретические основа-

- ния и коммуникативные практики / Матер. Всерос. науч. конф. (Казань, 2006). М.: ИВИ РАН, 2006. С. 247-250.
320. Ромашова М. В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psu.ru/psu/files/1080/0030.doc> (дата обращения: 16.10.2012).
321. Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. Выпуск 2 (22). 2013. С. 108-116.
322. Ромашова М.В. Репрезентация советского детства в мемуарной литературе рубежа 20 и 21 веков // Вестник Пермского университета. История. Выпуск 5. 2005. С. 57.
323. Ромашова М.В. Советское детство в 1945-середине 1950-х гг.: по материалам Молотовской области: Авт. дисс...к.ист.н., Пермь, 2006.
324. Рябинина Н.В. Морально-дефективные" – кто они? К истории детской беспризорности и преступности в 1920-е годы // Век нынешний, век минувший...: Исторический альманах / под ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 1999. С. 56.
325. Сальникова А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М., 2011.
326. Сальникова А.А. "Детский" текст и детская память "эпоху катастроф" // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. ст. Челябинск, 2004. С. 414.
327. Сальникова А.А. Детство как миф: некоторые аспекты изучения российско-советского детства в зарубежной историографии // CLIO MODERNA. Зарубежная история и историография: Сборник научных статей. Выпуск 3. Казань, 2002.
328. Сальникова А.А. Российское детство в XX в.: история, теория и практика исследования. Казань, 2007.
329. Сальникова А.А. Российское детство в XX в.: история, теория и практика исследования Казань, 2007; "Взрослые о детях и дети о себе" / сост. В. Безрогов. М.-Тверь, 2008.
330. Самсонова С.А. К вопросу о понятии "Детская беспризорность" // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 12(80). С. 358-363.
331. Самсонова С.А. Политика и социальная практика преодоления детской беспризорности на Ставрополье и Тереке в 20-е – 30-е гг. XX века: автореф. дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2012.
332. Самсонова С.А. Представление беспризорников о мире как пример маргинального сознания / Материалы Всероссийской интернет-конференции "Новая локальная история: город и село в виртуальном и интеллектуальном пространстве" // <http://www.newlocalhistory.com/> те1conГ/2007.

333. СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.568 ед.хр.1
334. СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.54. ед.хр. 23
335. СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.54. ед.хр.27
336. СГМЗим. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.54. ед.хр.56
337. СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.54. ед.хр.56
338. СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.54. ед.хр.57
339. СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.54. ед.хр.8
340. СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.54. ед.хр.9
341. СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.85. ед.хр.20
342. СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.85. ед.хр.22
343. СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.98. ед.хр. 9
344. СГМЗ им. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф.98. ед.хр.30
345. СМГЗим. Г.К. Прозрителева и Г.Н. Праве ф. 54. ед.хр. 23 // Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809.
346. Славко А.А. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в России 1917-1952 годов. Сыктывкар, 2009.
347. Славко А.А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. №120. С.33-43.
348. Славко А.А. Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Вестник Чувашского университета. 2010. №1. С.79-88.
349. Славко А.А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие Советской власти: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2005.
350. Славко А.А. Роль государства в ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в России / Социально-экономические и политико-правовые тенденции развития советского общества в период Великой Отечественной войны. Тверь, 2009. С.116-123.
351. Смена комсомола: Документы, воспоминания, материалы по истории пионерской организации имени В.И. Ленина / сост. В.Г. Яковлев. М.,1964.
352. Смирнова Я. С. Трудовые роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 1997. №4. С.48-59.
353. Смирнова Я.С. Воспитание ребенка у абхазов // КСИЭ. М., 1962. Вып. 36.
354. Смирнова Я.С. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа // КЭС. М., 1976. Вып. 6.
355. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983.
356. Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е. Материалы к серии "народы и культуры". Вып. XXVII. Кн. 3. Народы Кавказа. Семья и семейный быт. 4.1. Формирование, тип и структура. М., 1995.

357. Советские пионеры // "Народное образование". 1952. №5.
358. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. М. 1991.
359. Соловьева П.Т. Грузия. Этнография детства. М., 1995.
360. Сомова И.Ю., Линец С.И. Культурные и религиозные учреждения Ставропольского края в период Великой Отечественной войны. Пятигорск, 2009.
361. Ставрополье в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.): Сборник документов и материалов. Ставрополь, 1962.
362. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.). Документы и материалы. Ставрополь, 2000.
363. Ставрополье за 50 лет. Сборник статистических материалов. Ставрополь, 1968.
364. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005.
365. Старшинов Н. Река любви. М., 1976.
366. Струнин В. Всегда готовы! (Из истории пионерской организации) // "Начальная школа". 1957. №11.
367. Тевдеева Н.В. Женщины Северной Осетии в контексте модернизационных процессов 1920-1930-х гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008.
368. Трехлетний план борьбы с детской беспризорностью. М., 1927.
369. Трехлетний план борьбы с детской беспризорностью. М., 1927.
370. Трусова Е.М. Массовые организации трудящихся Дона и Северного Кавказа в период борьбы за победу социалистической революции: дис. ... к.ист. н. Ростов на/Д, 1984.
371. Турчанинова Е.И. Подготовка и проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства на Ставрополье. Душанбе, 1963.
372. Фарфаровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии (историко-этнографический очерк). Тифлис, 1909.
373. Фарфаровский С.В. Народно-юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии. Этнографический очерк. Ставрополь, 1909.
374. Фарфаровский С.В. Чеченские этюды (из дневника этнографа). Ставрополь, 1912.
375. Фокин В.А. Социально-экономические преобразования в национальных районах Северного Кавказа в 1918-1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
376. Ханчин В.С. Н.К. Крупская о пионердвижении // "Советская педагогика". 1957. №9.
377. Хубулова С.А. "Неудобный класс": некоторые проблемы социально-экономического и этнодемографического развития доколхозного Северо-Кавказского крестьянства. Владикавказ, 2003.
378. Чередникова М.П. Голос детства из дальней дали. (Игра, магия, миф в детской культуре). М., 2002.

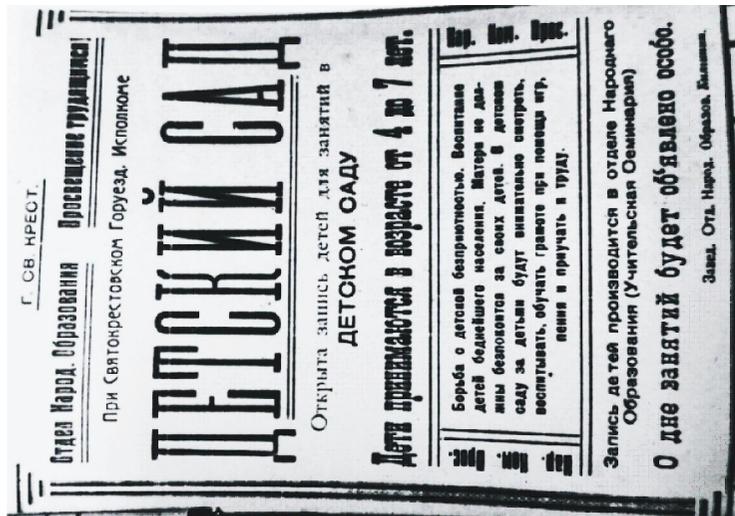
379. Чернопицкий П.Г. Деревня Северо-Кавказского края в 1920-1929 гг. Ростов-н/Д, 1987.
380. Чеучев Н.Ш. Из истории борьбы адыгейской партийной организации за социалистическое преобразование народного хозяйства в годы первой пятилетки. Майкоп, 1967.
381. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.
382. Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков. Элиста, 1982.
383. Шафранова О.И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в.: дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004.
384. Шацкин Л. Основные вопросы юношеского движения: сб. статей. М.-Л., 1924.
385. Шпилова Р.А. А. Луначарский на Дону и Северном Кавказе (1920-1930) // Общественные науки. 1976. № 2. С. 34.
386. Шишова Н. В. Роль общественности в преодолении детской беспризорности на Северном Кавказе в 1920-1926 годы. Ростов-на-Дону, 1979.
387. Энциклопедический словарь Ставропольского края. Ставрополь, 2006.
388. Юм Ю. Повесть о красном галстуке. М., 1925.
389. Юсупов П.И. Первые шаги культурного строительства в Чечено-Ингушетии (1920-1925 гг.) // Известия: статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Т.VIII. Вып.1. Грозный.
390. Яковлев В. Страницы истории // "Учительская газета". 1957. 18 мая
Соколова Э.С., Таборко В.А. Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина. М., 1963.
391. Яковлев В.Г. Рождение Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина. М., 1962.

Приложения

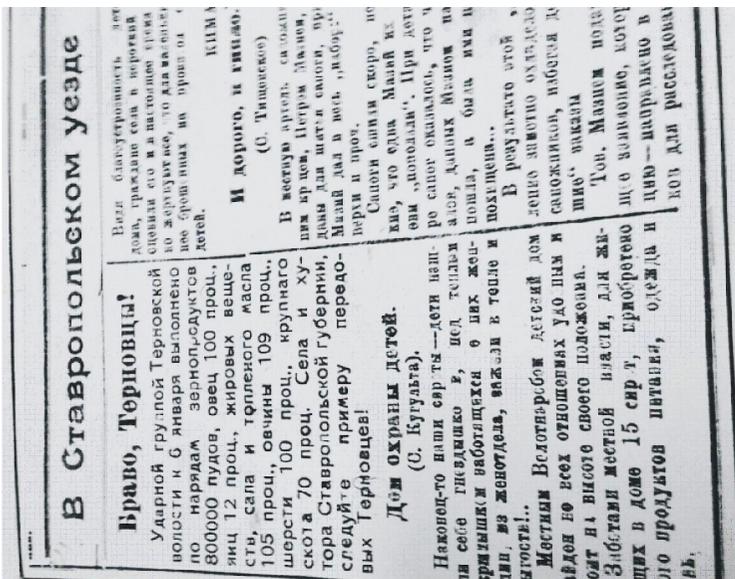
Из фондов СМГЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Ф. 98. Ед.хр. 9.

Детский сад. 1920 год

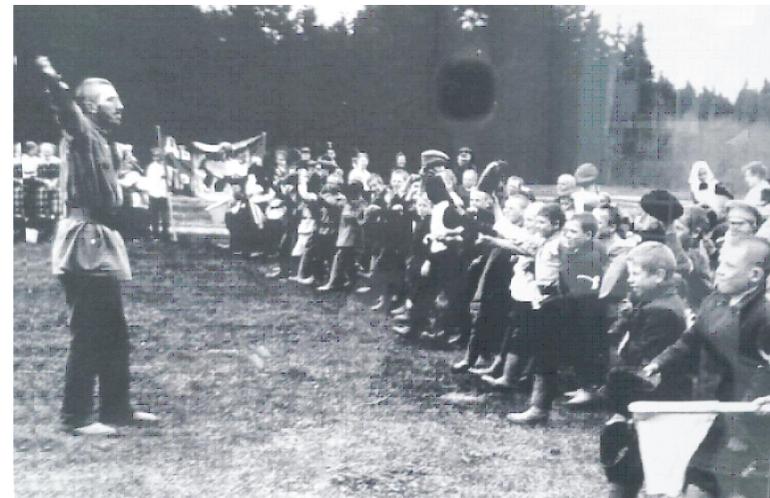

Детский сад. Г. Св. Крест. 1920 год

Дом охраны детей. С. Кугульта. 1920 год

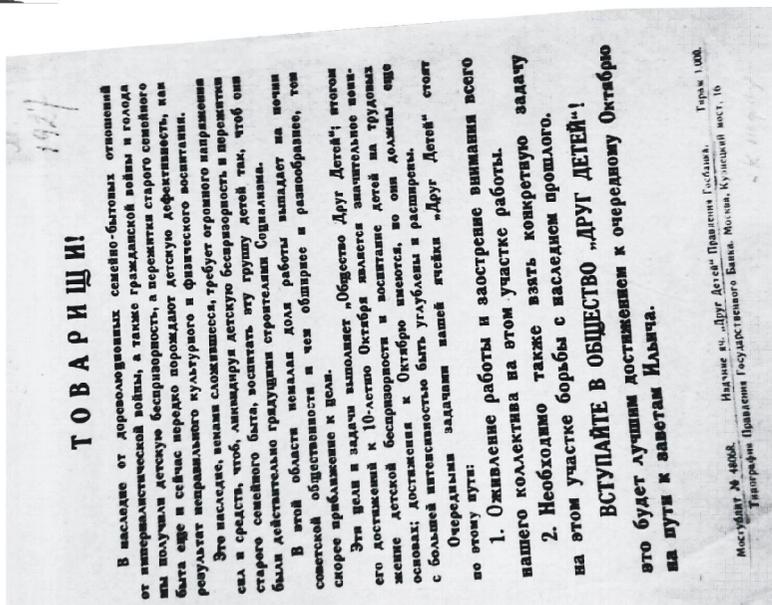
Из фондов ГАУ ГАСК.

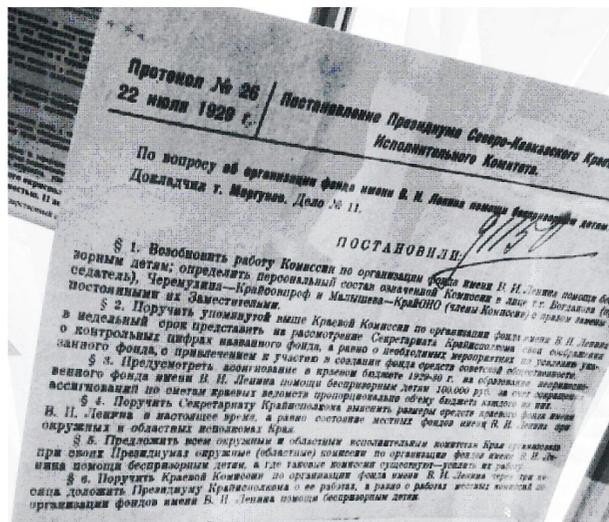
Митинг детей. 1920 год. ГАСК 1-6492

Детские ясли имени Ленина. 1920-е годы

Листовка ячейки «Друг детей». 1927 год. ГАРФ Ф. Р-9550, оп. 2, д. 1820, л. 1

Постановление Президиума Северо-Кавказского крайисполкома об организации фонда им. В.И. Ленина помощи беспризорным детям. 22 июля 1929 года. ГАСК Ф. Р-299, оп.1, д. 1194, л. 4

Детские ясли в селе Надежда. 1923-1924 годы. СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Ф. 85, ед. хр. 32

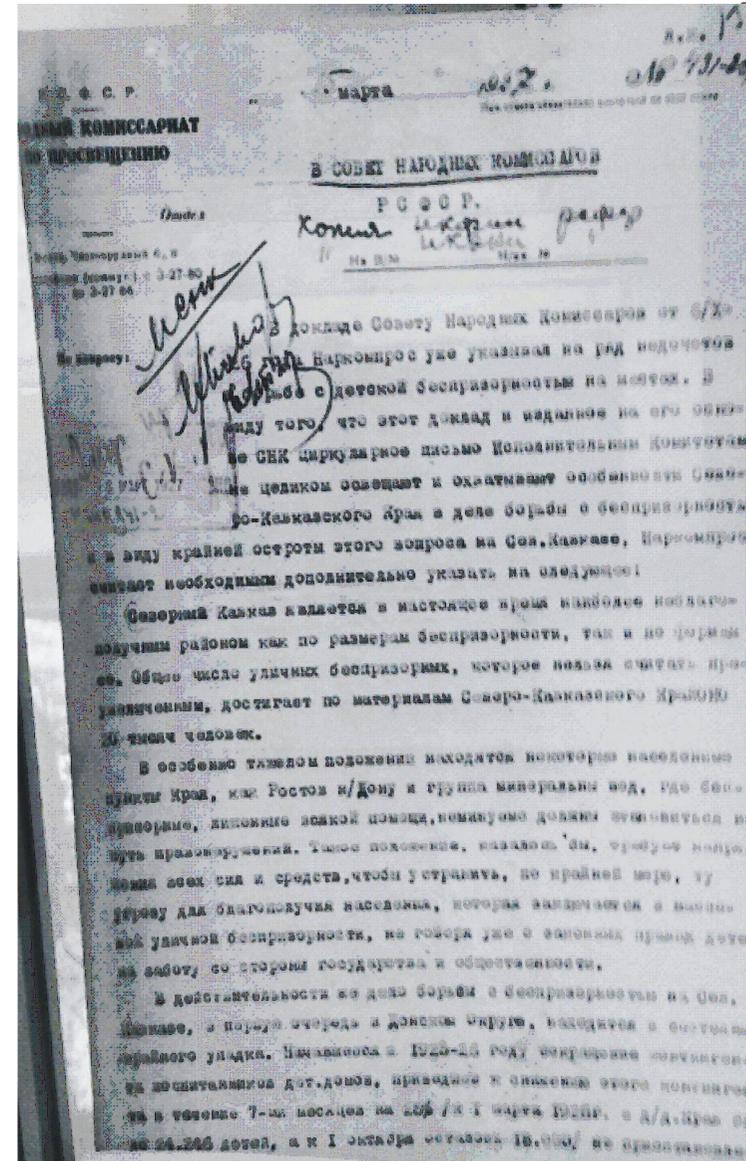
Коллектив 2-го детского приемника города Ставрополя. 1926-1927 годы

Учащиеся на занятиях в Ленинской комнате. 1927 год

Бывшие беспризорники в столярной мастерской. 1928 год

Представление Наркомата просвещения РСФСР и СНК РСФСР о борьбе с детской беспризорностью на Северном Кавказе для рассмотрения вопроса на заседании Малого СНК РСФСР. 15 марта 1927 года.

ГАРФ Ф. А-259, оп. 116, д. 4943, л. 13-16

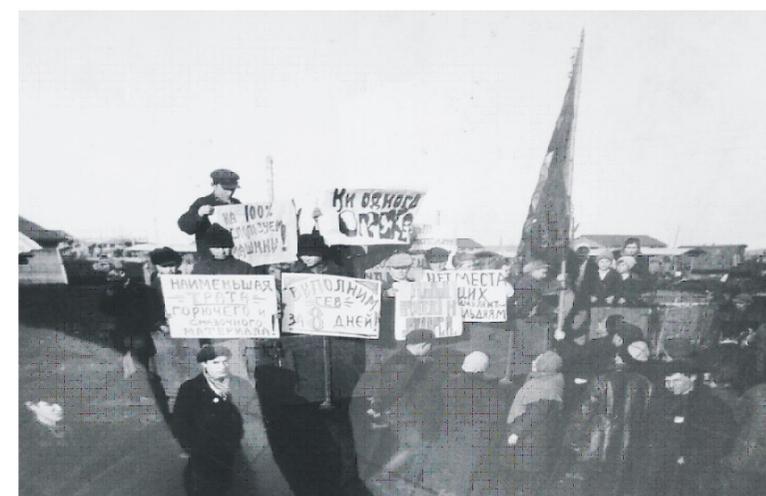
Дети на карусели. 1921-1928 годы. РГАК. 2-113739

Демонстрация детей против алкоголизма . 1928 год. РГАК. 2-73083

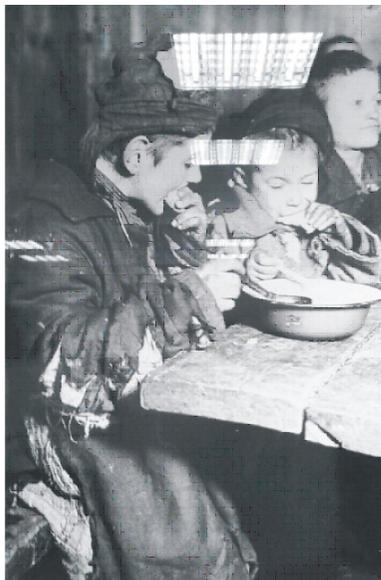
Беспрозорники около костра. 1930-е годы. РГАК. П-935

Школьники провожают работников совхоза "Гигант" на весенний сев. Северо-Кавказский край. 1930-е годы. РГАК. 2-40888

Беспризорники во время игры в карты. 1930-е годы. РГАК. П-929

Ужин в ночлежке для беспризорных детей. 1928 год. РГАК. 3-3396

Подростки за присмотром грудных детей в степи. Село Спицевка. 1932 год. СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. О. ф. 8414

Научное издание

АКСИОЛОГИЯ ДЕТСТВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ СТАВРОПОЛЬЯ 1920-1930-х годов

ЛЕОНОВА Наталья Александровна

*кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры Философии и культурологии Ставро-
польского государственного педагогического
института*

Главный редактор **А.Д. Григорьева**
Дизайн обложки **М.А. Мирошниченко**
Техническое редактирование и верстка **П.В. Арсентьева**
Корректурa **К.Д. Ковтун**

Сдано в набор 26.10.2018. Подписано в печать 22.11.2018. Формат 60 x 84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Calibri. Уч.-изд. л. 9,16. Печ. л. 14,06. Тираж 500 экз. Заказ № 436.
Издательство «Ставролит», тел.: 8(962) 452-84-02,
e-mail: info@stavrolit.ru, сайт: stavrolit.ru